

84(2-441.0)6
Ш16 кр

Зоя Шадрина

Возвращение
Варвары

10.06-52

84(2=411.2)6
ш16

Зоя Шадрина

*Возвращение
Варвары*

- 145 ч 48 -

Лучегорск -- 2014г

Библиотека-музей
г.Находка

ОН ЦБС
г. Находка

*Не радовалась я чужому горю,
Не приходилось подличать и красть,
Чтоб в мире этом вес иметь и власть,
И с разумом своим давно не спорю,
Но подлость не могу не замечать.*

З.М. Шадрина

*Ие Анатольевне Пермяковой,
моей творческой наставнице
посвящаю*

От автора

«Возвращение Варвары» – это четвёртая книга из серии «Варя, Варенька, Варвара».

Начну с предыстории. Я задумывала написать только первую часть трилогии, как память моим детям и внукам об их прародителях. Хотела попросить у отца прощение, которому на кладбище бросила страшные слова: – Лучше б ты, как герой на войне погиб,

Лишь через сорок лет я озвучила своё «Прости»:

Тяжесть с памяти дочь отпустила.

– Па, прости меня, – попросила –

А тебя я давно уж простила.

Хотелось узнать мнение профессионалов. Сергей Яковлевич Ющенко, будучи главным редактором районной газеты «Победа», вывел меня на директора департамента информации и печати МГУ имени адмирала Г.И.Невельского Владимира Михайловича Тыцких. А тот отдал книгу Ие Анатольевне Пермяковой.

Поэтесса, журналист газеты «Утро России» после хвалебных слов в мой адрес, задала вопрос:

– А где девочка дальше? Почему она остановилась на пороге взрослой жизни?

Видимо, в подсознании уже жило продолжение книги. Недаром я назвала её тройным именем. Я работала по девять часов в сутки. Надо было дать себе отды whole. Летом две тысячи второго года я села в поезд и поехала домой на Урал. Я ехала по незнакомой стране.

Не сразу я поняла, что не дописала «...Варвару». Сегодня главу «Новые времена» в третьей книге я бы

назвала «Растерянность». Решение написать четвёртую книгу пришло после второй поездки на Урал летом две тысячи девятого года. Здесь я пытаюсь рассуждать о прожитом и настоящем дне. Прислушиваясь к суждениям простых людей, стараюсь сопоставлять их мысли с собственными впечатлениями.

Сегодня стало модно поругивать девяностые, называть их «лихими», радоваться и удивляться, что выжили, не захлебнулись, не все утонули – и, Слава Богу. Чему нас научили эти «лихие» годы? У меня до сих пор больше вопросов, чем ответов.

Директор народной просветительской программы «Новая книга» Людмила Ивановна Качанюк брала на себя все хлопоты по изданию моих книг. Огромное спасибо ей и членам её дружной семьи.

Спасибо сыну Ии Анатольевны Алексею Пермякову, художнику-оформителю моих последующих книг.

На творческом пути я встретила добрых и неравнодушных людей. Журналист газеты «Ударный фронт» Алла Антоновна Тишкова трудилась над этой книгой, находила опечатки и пропущенные запятые.

Признательна я членам литературного клуба «Ласточка» за моральную поддержку. Презентация изданного творения всегда проходит тепло и радостно.

Спасибо за финансовую помощь предпринимателю Ирине Дмитриевне Нестеровой, председателю районной Думы Виктору Стефановичу Кирпичёву, президенту фонда «Северное Приморье» Анне Викторовне Черниковой. И всем добрым людям, что делились со мной последним, памятуя, что я пенсионерка.

С уважение ко всем моим читателям.

З.М.Шадрина.

Долгие размышления

Свой день рождения в две тысячи втором году Варвара встретила в поезде, возвращаясь из Челябинска домой. Излучинск, где она жила уже больше двадцати лет, давно стал её домом. Вместе с ней возвращались юноши, отслужившие свой срок в армии.

Пожилые пассажиры, утомлённые шумным весельем юнцов, миролюбиво ворчали и улыбались. Они понимали, что им не остановить рвущуюся наружу радость молодых ребят, сбросивших тяготы армейского устава. Но даже здесь, в вагоне был свой старшина, которому все или почти все подчинялись.

Парня звали Николаем. Николенька... Что-то трепетное и нежное шевельнулось в груди у Варвары. Неужели тот Николенька из далёкого прошлого, что осталось в уральском посёлке Новогорный, так и не ушёл в никуда и теперь напоминает о себе.

Он так и не дождался Вареньку на Кармановской ГРЭС. Наверное, это правильно. Варя бы корила потом себя всю жизнь, что загрузила парня своей семьёй, не дала ему право выбора. А Николеньке надо было бы очень постараться, чтобы убедить Варвару, что она единственная и неповторимая в его жизни и никакая другая женщина ему не нужна.

В день рождения Вари Николай увлёк шумных попутчиков в другое купе и Варя уснула. Проснулась от нежного запаха цветов. На её столике почти у изголовья лежал букет полевых цветов. Мальчишки с сияющими лицами молча ждали пробуждения женщины. На столе стояли кружки с чаем. На салфетке горка печенья и конфет. Так Варя в кругу юношей встретила свои шестьдесят четыре года.

Николай и трое его товарищей ехали в Уссурийск. Они проводили Варвару на её станции, вынесли её сумку на перрон. Поезд стоял недолго. Юноши смотрели в окна, улыбались. Варя тоже улыбалась, губы шептали:

— Николенька, прощай. Будь счастлив, юноша. Николенька...

Что-то беспокоило Варвару ещё там в пути. Но в сутолоке вагонной жизни она не смогла сосредоточиться на своих мыслях. И только потом, дома, оглянувшись на события прожитых в дороге и в гостях дней, стала тихо размышлять.

Что увидела она и что поняла? Тут, дома в Излучинске, жизнь хоть и кипела страстями, но была привычной. Мой дом — моя крепость.

А там, особенно в пути и в Астрахани, куда она почему-то решила съездить, Варвару не покидало чувство растерянности, схожее с чувством страха. Это когда ты попадаешь вдруг в чуждый для тебя мир, в чужое пространство или даже измерение. Этот мир, вроде и напоминает давно прошуршавшие картины бытия, но от этого не становится доброжелательным и родным.

Даже Надя, продавщица на рыбном рынке в Астрахани, которой она пела стихи, посвящённые Александру, теперь казалась такой же потерянной в этой жизни, как и она, Варя. Значит, не одна она потеряла устойчивость в хаосе нагромоздившихся событий. Да и сама Астрахань казалась испуганной, приглядывающейся к вновь прибывшим, словно спрашивала:

— Кто такие, и зачем пожаловали?

И Варвара не посмела достать фотоаппарат, чтобы увековечить снимком мечеть, мимо которой когда-то

ходила на работу. Нашла она и свой, почти вросший в землю домик, где они с мамой Капой делили место под крышей и добрые отношения со «старой и большой еврейкой» Розой Геннадьевной.

Старой больной еврейкой Роза называла себя с лёгкой иронией над собственным каламбуром, а её понятливые соседки, ставшие ей родными, принимали это и только улыбались в ответ.

Но и тут не посмела Варвара щёлкнуть фотоаппаратом. Напротив утлого жилья красовалось здание, выполненное в нелепейшем стиле, который разрушал старинную архитектуру древнего города. Это был, скорее всего, современный банк.

Молодые люди в белых рубашках и галстуках стояли возле её дома, курили и о чём-то весело болтали. Они не обращали внимания на пожилую даму, растерянно остановившуюся невдалеке. И всё же фотоаппарат мог насторожить «белые воротнички». Так, во всяком случае, казалось Варваре.

Радовала и угнетала встреча с тётей Аней. Старой женщине не давали покоя обиды молодости. Её глаза постоянно слезились. Через два года с небольшим после встречи с племянницей тётя Аня уйдёт в мир иной. Унесёт ли она с собой горечь обид или простит всех и тем облегчит свою душу? Этого нам не узнать. Но одно было бесспорно: она слушала и услышала Варины слова. Тётя Аня, согласно кивая головой, говорила:

— Я послушаюсь тебя. Мама-то твоя, Максина крёснушка, умная была. Она мне то же самое говорила. Теперь со мной остались только дети мои. Слушают меня и молчат.

Но тётя Аня вдруг разбудила глубинную память о бабушке Ульяне. Она ещё раз, уже в реальной жизни

подтвердила наличие Васютки, Василёчка, кровного отца Устины-Капиталины. Варю потянуло к компьютеру, и она села за повесть «На грани веков».

Наваждение

Варвара часто вспоминала слова бабушки Ульяны. Как-то в разговоре с внучками она сказала примерно такие слова:

— Много ли человеку для счастья надо? Чтобы с рождения отец с матерью добрыми да любящими были. Чтобы ещё отроком ремесло полюбил, а это ремесло потом работой по душе стало. А работа, она и оденет, и обуяет, и накормит, и крышу над головой построит, а самое главное, семёй обзавестись позволит. Вот и всё. Начинай всё сначала. Своих деток заимеешь, любить станешь, памятую родительскую любовь к себе самому. Уму-разуму научишь и к ремеслу усердие привъёшь. И с внуками водиться с радостью будешь. Что ещё человеку-то надо? Чтобы старость свою в кругу родных тебе людей встретить.

Почему Варька не выбрала себе профессию, близкую к литературному творчеству? Она и сегодня затрудняется на этот вопрос самой себе ответить. Может, усомнилась в собственных силах? Побоялась, что труд журналиста-литератора или даже учителя литературы не даст ей крепкой опоры в жизни.

Предвоенные дети, испытавшие голод и разруху большой войны, старались получить профессию серьёзную. Таковой они считали профессию, связанную с промышленностью, строительством. Но, видимо, что заложено в человеке с рождения, выход свой рано или поздно найдёт.

Литературное творчество Вари, как родничок просочилось сквозь годы, нашло свой выход. Она радовалась и удивлялась тому, что происходило в ней самой.

Откуда, из каких кладовых памяти шли картины жизни, которую она не видела и никогда раньше даже представить не могла? Да, она вспоминала отрывочные высказывания бабушки и только. Что могла девчонка-малолетка понять из бабушкиных, будто невзначай, брошенных слов? И вдруг эти слова и фразы её фантазия объединяла в образы, события.

И всё-таки, многого Варвара просто не могла понять. Что заставляет человека, пусть и творческого взяться за перо или сесть за клавиатуру компьютера и писать о том, чего не видела и не знала, удивляться и радоваться тому, что появлялось на мониторе.

Откуда взялась глава про Акулинино семя? Девушка Акулина, соблазнённая купеческим сыном, рожает дочь и топится. Девочку тоже называют Акулинушкой и та же история. И только третья Акулина, взятая на воспитание бездетной вдовой, вдруг уходит в монастырь, чтобы стать Христовой невестой и замолить грехи своих родителей.

И старый купец, помешавший счастью своего сына, и тем самым не уберёг его от разгула и смерти, тоже в монастыре доживал свой век, молил Господа о прощении. Значит, прадед и правнучка в одно время просили Господа о милости.

Много раз Варваре хотелось избавиться от этого жуткого на её взгляд эпизода, но не тут-то было. Как только она убирала эту главу из книги, мысли останавливались и она, тупо уставившись в пространство, не могла написать дальше ни единой строчки.

Что это? Этого Варя не могла объяснить ни тогда, ни по сей день. И вообще, откуда в её воображении так чётко вставали картины той, бабушкиной жизни. Всего несколько слов о реке, которую семья каторжанина Викула, жившая в крае озёрном, видела впервые. А сказал их старший братишко Ульяны:

— Откуда столь воды берётся? Ить ни разу нигде не порвалась: всё идёт и идёт. А? Это же и дённо, и нощно всё катит и катит. В озере понятно. Яма большая, там она хранится. Весной снег и лёд растают — озеро пополнится, потом летом дожди ему высохнуть не дают. И то, если лето сухое, озеро мелеет. Я всё думаю: пошто она, вода-то, дальше в землю не проваливается? Ну да это ещё как-то понять можно. Наверно дно под илом каменное. А тут... Где же столь воды много берётся, что эта Обь ни разу не прервалась?

Эта повесть особенно дорога Варваре её загадочностью. Она сравнивала работу над книгой с поездкой в ночное время по мокрому асфальту шоссе. Фары высвечивают часть дороги. Свет выхватывает из темноты небольшое пространство. Дальше тьма, ничего не видно. Сюжет книги рождался, постепенно вбирая в себя события, фрагменты бытовой жизни.

Она не знала, что там, в следующих строках, страницах нарисует ей её воображение, что подскажет память, спрятавшая в свои кладовые слова и поступки бабушки Ульяны. Когда эту книгу читала двоюродная сестрёнка Варя, что теперь жила в Челябинске, всплеснула руками и пролепетала:

— А я этого не помню.

Казалось, баба Уля сообщала о своей жизни только ей, Варваре, отпрыску её единственной дочери Устиньи-Капиталины. Это как послание потомкам через

избранного проводника. Эта книга и по сей день греет душу Варвары.

Нет того дня, когда она не произнесла бы имя бабушки вовсе не из благодарной памяти о ней, а просто так, без надрыва и суэтности. То придут вдруг слова-поговорки, то мудрое изречение Ульяны, сказанное спокойно и негромко, но так что слышат все или те, кому услышать надо.

И не всегда эти слова сразу бывали поняты. Вот, например: «Не нами сказано, не при нас и умрёт». Варвара поняла их только тогда, когда взялась за перо. Вернее, когда освоила клавиатуру компьютера.

Работа над книгой уводила от реалий жизни. Но время само копило и сохраняло те познания, которые приходили вроде невзначай, утоляя любознательность творческой натуры. Эти познания вскоре легли в основу новой книги «На крути своя», а потом и в «Подснежниках» досказали и дорисовали то, что просилось наружу.

Варя была благодарна своим сыновьям, которые приняли поначалу маменькин творческий зуд, как желание заполнить свободное время. Есть присказка:

— Чем бы дитятко не тешись, лишь бы не плакало.

Но надо сказать, что мама Варя доброжелательно отзывалась на просьбы детей о помощи. Особенно нуждался в её поддержке младший. Невестка Леночка решила получить диплом педагога заочно.

Когда её вызывали на сессию в Хабаровск, мама Варя приезжала в Находку на месяц или полтора и кормила сына с внуками, следила и занималась с ними домашними уроками. Варе было лестно, что внукам не хотелось расставаться с бабушкой.

Егорка со Стёпкой спали на двухъярусной кровати. На вопрос бабушки, а где она будет спать, если останется с ними, в один голос сообщали, что попросят папу устроить третий ярус. На удивлённый взгляд бабушки Вари Егор торопливо добавлял:

– Не бойся, я на третий залезу, Стёпка на второй, а ты на первом спать будешь!

Приходилось придумывать разные причины, почему бабушке надо ехать домой, но она обещала, что по первому звонку готова будет снова приехать. На этом все успокаивались, прощались с мамой и бабушкой Варей до следующей оказии.

А дома её ждали Семён и Артёмка – дети Андрея и Ольги. Но ещё и компьютер с недописанной новой повестью. Приходили стихи в час задумчивости или восторга. Жизнь продолжалась. Время, проведённое в Находке и в дороге, тоже не пропадало даром. Столько встреч с интересными людьми.

События, казавшиеся поначалу незначительными, вдруг обрастили новыми подробностями. А для чего дана фантазия творческому человеку, если она конечно не из мира утопии?

Повесть «На грани веков» Варя издала на деньги, которые пенсионеры отсудили у производства, не выполнившего обязательства перед бывшими работниками. Пришлось опустошить и сберкнижку. А на книжке задерживались пенсионные деньги, сохранявшиеся во время её отъезда в Находку к внукам.

Сын брал на себя мамины дорожные расходы. На жалобный взгляд, что вам тут деньги нужнее, улыбался, обнимал маму за плечи, говорил-ворковал:

– Ты нам и так сэкономила. Ты ведь ходишь по магазинам, где товар дешевле. А эти магазины обычно не

на главных улицах. Мы с Леной едем с работы, заезжаем в супермаркет, берём всё необходимое, не глядя на цену. У нас нет времени. Так что не переживай и спасибо тебе. Ты на хозяйстве, а у меня гора с плеч. Я за ребят не переживаю: дети накормлены, в садик и школу отправлены. Ты их встретишь, поговоришь, занимаясь. Нам с Леной вечно время не хватает.

Он отводил взгляд в сторону, словно пытался спрятать нахлынувшее волнение, и добавлял:

— Да и меня своими вкусностями побаловала. То пельмени, то котлетки, беляши и твой фирменный рыбный пирог. Когда я снова попробую всё это?

Сын говорил и говорил. Казалось, и ему не хотелось расставаться с мамой. В эти минуты он вдруг становился малышом с его желанием хоть на минуту разделить с мамой груз собственных забот. Они оба забывали о возрасте, возвращаясь в те времена, когда мама решала семейные проблемы.

Он долго стоял на перроне, а мама Варя смотрела в окно, ей было грустно, но она улыбалась. Сын махал рукой, а она вытирала повлажневшие глаза.

Поговори со мной...

С Николаем Семёновичем Дункаем Варя познакомилась неожиданно. В январе две тысячи третьего года в районной библиотеке награждали победителей литературного конкурса имени Н.С. Дункай.

К тому времени Варя уже была членом литературного клуба «Ласточка» и пришла порадоваться за своих одноклубников. И вдруг произносят её фамилию. Оказывается, на конкурс попала небольшая глава из её трилогии, которая только готовилась к изданию. Ди-

пломы вручал Виктор Холенко, главный редактор газеты «Победа». За столом сидел Николай Семёнович. Он поднял голову, в глазах блеснули лукавые искорки, улыбка слегка тронула губы. Пожимая Варваре руку, сказал:

— Я рад, что ряды прозаиков пополнились ещё одним писателем.

Такая оценка для новичка дорогого стоила. К своему стыду, Варвара тогда почти не знала Николая Семёновича. С его творчеством была мало знакома.

Вышел в свет роман-трилогия. Варя шла в сторону редакции. Кто-то торопливо её догонял. Она остановилась, чтобы пропустить спешащего и наткнулась на озорной взгляд Николая Семёновича:

— Кажется, старый охотник догнал рыжую лису.

Он тут же продолжил свою речь:

— Читаю твою книгу. Хорошо написала. Только больно мелкий шрифт. Тяжело читать, глаза болят.

Варвара усмехнулась в ответ:

— Николай Семёнович, издатели на наши спонсорские копейки стараются хоть что-то выпустить. Чем мельче шрифт, тем тоньше книга. Чем тоньше книга, тем она дешевле.

Воспользовавшись его молчанием, добавила:

— Что делать? Государству мы не нужны. Да и есть ли оно у нас, государство-то? Каждый сам по себе. Если Вам, члену Союза писателей помогают находить спонсоров. Что уж о нас говорить? Но, в творчестве наша радость, которой мы делимся с другими.

Оба согласно вздохнули и печально улыбнулись.

Однажды раздался звонок в дверь Вариной квартиры. На пороге стоял Николай Семёнович. Он удивился:

— А ты как тут оказалась?

Ответить не успела, а он уже сообщал, что приходил к Леночке Меньшаковой, принёс ей дикоросы, а дома не застал. Варя увидела пакет с какими-то саженцами, сиротливо прислонённый к стенке.

Через несколько минут они уже пили чай с Вариной незамысловатой стряпней и весело о чём-то толковали. После этого знакомства он ещё пару раз заходил к Варваре. Ещё с порога весело сообщал:

– Набегался старый охотник. Дай, думаю, зайду. Может, хозяйка чаём угостит, да и ноги отдохнут.

Говорили, казалось, ни о чём серьёзном. Он уходил. А Варвара всё ещё чему-то улыбалась. Казалось, тепло его души ещё долго жило в стенах её однокомнатной квартиры, порхало солнечными зайчиками возле кресла, где он сидел ещё недавно.

Однажды зазвонил телефон. В трубке чему-то печалился голос Николая Семёновича:

– Поговори со мной, хохотушечка.

Стало зябко на душе. Варя старалась говорить бодрым голосом, шутила, смеялась. Она не знала тогда, что слышит его последний раз. В октябре две тысячи четвёртого года талантливый, умный, а главное очень добрый Человек навсегда покинул этот мир. Иногда Варваре кажется, раздастся звонок, и трубка голосом Николая Семёновича скажет:

– Поговори со мной, хохотушечка...

Через шесть лет Варя отнесла в редакцию воспоминания о Николае Семёновиче. Как быстро летит время. Варя до сих пор отчётливо помнит каждую встречу с человеком, писавшим про охотников-удэгейцев, про их обычай. Он оставил нам чудесные сказания этого народа.

Коробок спичек

До пенсии, которую Варвара Михайловна называла стипендией, оставалось дня три. Сроки получения денежной выплаты зависели и от расторопности Пенсионного фонда, и от почты. Иногда и праздничные дни, которых в России множество, тоже могли спутать планы пенсионеров, живущих от получки до получки, считающих каждый рубль. У Вари вошло в правило подбивать итоги каждый вечер: сколько израсходовала, сколько ещё осталось.

Получив деньги, первым делом платила за свою однокомнатную квартиру, куда, кроме квитанций жилищных контор, входило электричество и телефон.

Писательская деятельность слегка приподняла её над миром повседневности. Хотелось оставить детям воспоминания о бабушке Ульяне, о своём детстве и юности, о жизни её поколения, объединённого союзным Государством, которого сегодня уже нет.

Но, литературное творчество как-то само собой вышло за узкие рамки личной жизни. Может, одобренная профессионалами, Варя расправила крылья, почувствовала, что способна на большее. Да и остановиться уже не могла и не хотела. Большой удачей считала встречу с Ией Анатольевной Пермяковой, профессиональным журналистом и поэтессой.

Как всё или почти всё, в новом государстве стало чьей-то собственностью, так и писатели, даже профессиональные искали спонсоров, чтобы издать очередной «шедевр». Сами или почти сами занимались распространением своих творений. Ни о каких гонорарах речи не могло идти. Благодарили и низко кланялись тем, кто им ещё не отказывал в помощи.

У новоиспечённого литератора Варвары Михайловны денежных запасов не оказалось, а ходить с протянутой рукой она не умела или почти не умела. Учиться попрошайничеству приходилось на ходу или по ходу действий. Экономить Варя умела, но экономить от пенсии – дело нелёгкое. Она никогда не была прихотлива в еде. Туалеты себе чаще придумывала и исполняла сама. В своё время хорошо и много вязала, шила и перешивала. Это тоже помогало ей экономно жить.

И в этот раз она отослала издателям всё, что сэкономила и выпросила. Пересчитала в кошельке копейки, заглянула в холодильник и осталась довольна. На пачку сухих корейских сливок в оптовом магазине и на полбуханки хлеба у неё хватало. Варя усмехнулась:

– Даже пятьдесят копеек на развод останется.

С этими счастливыми мыслями она пошла в оптовый магазин, который находился на окраине городка в складских помещениях вперемежку с гаражами.

Оптовики не любят покупателей-штучников, но терпят их как могут. Понимая, что штучники народ в основе своей бедный, разговаривают с таким покупателем сквозь зубы или просто молча морщатся, отпуская им пачку чая или банку сгущёнки.

Варя вежливо попросила пакет сухих сливок, подала продавцу купюру, с которой должна была получить рубль. Этот рубль, добавленный к мелочи на дне самодельного кошелька, должен был обеспечить ей хлебное довольствие минимум на три дня.

Вместо сдачи, круглоголовая продавщица кинула рядом с пакетом сливок коробок спичек. Варвара жалобно пропищала:

– Мне спички не нужны, – чуть тише добавила: – Я не курю, и печки дома у меня нет.

Продавщица прощедила сквозь зубы:

— У меня нет мелочи.

Варя молниеносно поняла всю нелепость своего положения. Просить и униженно доказывать женщине, для которой рубль — это мелочь, было выше всяких сил. В то же время она понимала, что осталась без хлеба. Неужели затевать спор из-за рубля или попросить хотя бы пятьдесят копеек?

Но с чем идти в магазин, в котором хлеб продавали и без того дешевле, чем в других... Она устыдилась своего нищенского положения, взяла пакет со сливками, коробок спичек и вышла на улицу. Ещё в Астрахани приученная к крепкому чаю со сливками, Варя давно перешла на самые дешёвые, но и относительно качественные добавки к чаю. Она шла, опустив голову, усмехнулась:

— Дожилась. Может, в магазине за хлеб вместо пятидесяти копеек предложить коробок спичек, да ещё сдачи попросить?

Не хотелось тревожить своими проблемами старшего сына Андрея. У того своих забот хватает. Да и как признаться, что тебе для «полного благополучия» не хватает пятидесяти копеек. Она помнила наставление матери: «Если женщина сумела уложиться в семейный бюджет, значит она неплохая хозяйка. Если в конце месяца у неё что-то осталось в кошельке, значит она хорошая хозяйка. Если эта хозяйка занимает от получки до получки хоть копейку, значит, не умеет разумно вести хозяйство».

Варвара редко и в молодости занимала на семейные расходы, а теперь всякий раз доказывала в первую очередь самой себе, что и на пенсию можно прожить. Но к сыну идти пришлось. Занимать у подружек пять-

десят копеек – смешно. Да и у них могло не оказаться в кошельках даже такой мелочи. Хлеб тот продукт, без которого Варя обойтись не могла.

Мучительно соображая как ей поступить, она усилась напротив сына за кухонным столом. Мама Варя помнила, что с изданием своих книг она и без того ставила в неловкое положение своих самых близких людей, которые просто не могли ей ни в чём помочь. Она держала на ладони коробок спичек, криво улыбаясь, проговорила:

– А что, курильщик, коробок спичек у мамочки за пару рублей не купишь?

Почему за пару рублей? Она и сама-то себе не ответила бы. Может, шутка получилась бы не очень, попроси она рубль? Сын вопросительно смотрел на маму. Пришлось вкратце рассказать о проблеме.

Сын жалобно глянул, вынул из кошелька сто рублей и положил перед Варварой купюру. Та замахала руками, объясняя, что ей и надо-то всего пятьдесят копеек, что так уж получилось и что если бы не этот коробок спичек, у неё всё бы сошло...

Дети, привыкшие, что мама Варя всегда находила выход из любого затруднительного положения, всё-таки поначалу интересовались экономической жизнью мамы-пенсионерки, но та заверила их, что всё у неё хорошо. Иногда смеялась:

– Ну, если совсем прижмёт, тогда приду в гости и попрошу поесть. Накормите? Не переживайте вы за меня! Много ли мне одной-то надо?

Вскоре Варваре сообщили, что книга готова, можно забирать. Она уже получила очередную пенсию.

Из ста пятидесяти экземпляров, на которые Варя сумела наскрести деньги, пятьдесят она оставляла из-

дателям для рассылки по библиотекам и в подарок тем, кто трудился над изданием её очередной книги.

Это была её вторая книга. Первую ей привезли спонсоры, без которых она свой трёхтомник, наверное, не сумела бы издать. На помощь профсоюза надеяться, тоже не стоило.

Старая гвардия

Перед уходом на заслуженный отдых Варвара спросила у председателя профкома, с которым рука об руку проработала много лет:

— Мы сейчас чьи?

Ответ последовал незамедлительно:

— Вы теперь соцотделовские.

Она тогда не придала этому ответу никакого значения. Уход на пенсию совпал с дефолтом девяносто восьмого года. От нового, такого непривычного для неё слова «дефолт» повеяло холодом. Страх незримо пробрался и окутал душу. Варвара даже хотела забрать своё заявление об увольнении на пенсию по собственному желанию.

Выходные дни. Варя налила в стакан водки и одним махом осушила его. Что творилось у неё в душе? Может, подсознание делало свою подсказку. Водка оглушила, дала выход слезам. Она ревела, пела песню про ямщика, который замерзал в степи. Утром села за стол и громко сказала сама себе:

— Что ты так убиваешься? Одна такая что ли? Утонем, так все вместе. А если выживем, удержимся на плаву — тоже все вместе. Вспомни поговорку: «На миру и смерть красна». Ну, вот и всё. Иди и оформляй свою пенсию. Сколько тебе лет? Шестьдесят. Сколько ты в

своей жизни отдыхала? Правильно – даже не помнишь. Дети сами зарабатывают на хлеб и в твоей помощи не нуждаются. Пенсии, поди, на хлеб-то хватит.

Вскоре прошёл слух, что из профсоюза пенсионеров выпроваживать без их согласия не имели права. Народ зашумел и ринулся в профком. Не сразу, но и Варя в профком пошла. Председатель, потупившись и склокожившись, как мог, отбивался от старой гвардии. Варя поймала его и тет-а-тет спросила:

– Серёжа, тебе не стыдно? Мы отдавали производству всю свою силу, да и профсоюз для нас не был пустым звуком. Решали и свои, и общие задачи. Работали вчера, казалось, на износ. И вот сегодня, неизвестно с чьей подачи, из жизни коллективной вычеркнули нас.

Она декламировала собственное стихотворение чётко, в голосе звучала горечь. Подняла глаза на бывшего соратника по профработе и продолжила:

– Да ладно, вовсе мы не рвёмся на Канары! Хотя не хуже мы заморских стариков. Зачем менять рубли на фунты и динары? Зачем нам суeta чужих материков?

Сергей смотрел на Варвару с изумлением, будто видел впервые. Губы у неё скривились в усмешке:

– А я всю свою трудовую жизнь была не просто членом профсоюза, а ещё и членом профкома. И нагрузки тащила на своих хрупких женских плечиках, – не всякому мужику под силу. И заметь – бесплатно. Это теперь вы все на деньгах помешались. Без копейки себе под ноги не плюнете. Само слово «бесплатно» выговариваете, как ругательство.

Голос поскрипывал, крепчал. Сергей выслушал Варвару, заговорил, стараясь унять тоску души:

– Да пойми ты, на тебя, именно на тебя сейчас смотрят все: возьму или не возьму обратно. Ну, не могу я

vas принять. Вы мне и впрямь не нужны. Мы и сами-то тут до каких-то свободных профсоюзов договорились. Тыфу ты! Сам скоро запутаюсь в этой чехарде.

Варвара оставила на столе председателя листок со стихотворением «Шути, пенсионер!», повернулась и вышла. Ей невмоготу было выслушивать не то оправдания, не то насоки на старую гвардию.

Да ладно! Вовсе мы не рвёмся на Канары!

Хотя, чем хуже мы заморских стариков?

Сменяем пенсию на фунты, на динары

И поглядим на мир других материков!

Банкир презрительно поморщится, зевая:

«Да я и нищему чуть больше подаю.

Не суетитесь вы, пред вами кущи рая,

Ведь вы одной ногой могилы на краю».

Улыбку до ушей напялим на морщины:

«Мы с вами лихо пошутили, господа!

Увидеть бы ещё просторы батьковщины,

Не торопите нас с уходом навсегда...»

Мы слишком далеко живём от Ленинграда,

От Красной площади и древнего Кремля...

Ах, молодость моя, – великая награда,

Лишь старость сознаёт, как хороша Земля.

Не накопили мы и хапнуть не сумели:

Воспитаны не так, да и сноровки нет,

Не по карману нам родные колыбели

И берег с камышом счастливых детских лет.

Решали и свои, и общие задачи,

Работали вчера, казалось, на износ...

И вот сегодня, неизвестно с чьей подачи,

Из жизни коллективной вычеркнули нас.

Да ладно! Мы совсем не рвёмся на Канары!
Хотя, не хуже мы заморских стариков.
Зачем менять рубли на фунты и динары?
Зачем нам суeta чужих материков?..

Одно усвоила Варвара: старой гвардией пенсионеров называли так, для прикрытия. Их давно списали в ненужный хлам, которому надо ещё и пенсию платить. А как-то услышала даже такое:

— А за что вам пенсию-то платить? Вы работали вообще в другом государстве.

Не вступила Варвара в полемику с говорившим. Она понимала, что человек говорил или не от величайшего ума, или хотел затеять ни кому не нужный спор от отчаянности, что кипела в нём и рвалась наружу.

Правда, ответил молодому пожилой мужчине, видимо, тоже из числа «старой гвардии»:

— Да уж, тут ты, пожалуй, прав. Только у нас было Государство, а у вас — его нет.

Не дал молодому открыть рот, продолжил:

— Но мы так много сделали, что вы до сей поры разворовать не можете.

Наверное, старогвардец понимал, что молодой петушился от досады на то, чего и сам-то понять не может. Получив от старика плюху, молодой умолк и, как сейчас говорят, тем самым умылся.

Она понимала, что штурмовали профком старики скорее из принципа. Все давно знали и видели, что сегодняшний профсоюз и работающим-то ни чем помочь не мог. А тут ещё старёй в дверь стучится.

Мысли о профсоюзе отвлекли Варвару на какое-то время от проблемы, как привезти из Владивостока свои книги. Всегда активная, бойко открывавшая две-

ри начальственных кабинетов, когда дело касалось других, Варвара не научилась просить за себя. Она робко постучалась в двери нескольких кабинетов, спросила, не поедет ли кто в краевой центр по делам и не привезёт ли попутно её книги.

Ей вежливо улыбались, пожимали плечами и сообщали, что в ближайшее время такой оказии не предвидится. Варя, недолго думая, села в автобус и сама поехала за своими «кирпичами». Так она в шутку называла книги за их форму и немалый вес, особенно, если их набиралось в пределах сотни.

Уже в автобусе вспомнила случай из своей жизни. Всё чаще память возвращала её на Украину. В профкоме ей поручили молодёжный отдел. Самым большим вопросом была вечерняя школа. Рабочий класс зачастую работал по сменам, а значит, и посещаемость хромала. Варвара встретилась с директором вечерней школы.

Худощавый, лысеющий мужчина слегка за пятьдесят, в очках встретил молодушку недоверчиво. В глазах читалось: «Нашли, кому важное дело поручить. Видели мы и не таких!» Варя поняла тоску директора вечерней школы. Тихо, но чётко спросила:

— Список прогульщиков, их место работы у вас, я надеюсь, есть?

Директор махнул рукой и процедил:

— Всё у секретаря, — и дал понять, что разговор окончен. О чём можно говорить с этой дамочкой?

Получив список «злостных прогульщиков», Варя не стала искать учеников, а пошла по кабинетам их начальников. Входила к начальнику цеха не как просятель, а тоном, не терпящим возражений, заявляла:

— Если ваши вечерники и после моего визита к вам станут прогуливать уроки, говорить будем у директора. Не поможет директор, встретимся в райкоме партии. Всё понятно?

Она оставляла на столе список прогульщиков и уходила. Начальники вначале взъерошились:

— Кто такая, чтобы ультиматумы предъявлять?! Мы тут работаем, а не в бирюльки играем!

Но вскоре вопрос посещаемости вечерней школы у всех стал вопросом номер один.

Примерно через пару недель Варя на улице столкнулась с директором вечерней школы. Она и не обратила бы внимания на худощавого очкарика, если бы он сам, раскрыв объятия, улыбаясь самой щедрой улыбкой, не остановил её словами:

— Варвара Михайловна, голубушка! Просто не знаю, как вас благодарить, какие слова найти для такого случая! Простите меня, что при первом знакомстве был просто невежлив. И как это вам удалось?!

Варя улыбнулась и пошла своей дорогой. А директор ещё долго стоял на тротуаре и смотрел вслед небольшой миниатюрной женщине. С этого дня он помощницу свою называл непременно по имени-отчеству, приглашал на все торжественные мероприятия и не уставал восторгаться её организаторским способностям.

Ямицк

Воспоминания увели её в далёкие семидесятые годы. Она улыбалась, глядя в окно, за которым сгущались сумерки, переходившие в ночь. Небо зажигало звёзды. Пассажиры, усевшись поудобнее, пытались

подремать. Автобус во Владивосток прибудет рано утром. День будет хлопотным.

Во Владивостоке Варвару встретили приветливо. Она подписывали свои книги. Делала это неумело, стеснялась повышенного интереса к собственной персоне. Сергей Юдинцев, замдиректора информации и печати МГУ имени адмирала Г.И. Невельского, угостили чаем с булочкой. Обратно автобус уходил часа через полтора.

До автовокзала её проводил тот же Серёжа Юдинцев. По дороге трамвай вдруг остановился. Пассажиры зашумели. Кондуктор прокричала:

— Опять свет отключили!

Сергей, схватив увесистую сумку с книгами, бегом побежал к стоявшему невдалеке автобусу. Варя едва успевала за молодым помощником. Они успели вскочить в автобус, плюхнулись на заднее сидение, глянули друг на друга и расхохотались.

Чему смеялись эти двое? Может тому, что поймали автобус, как птицу удачи за хвост в последнюю минуту. Или эта пробежка просила аплодисментов. Всё складывалось пока удачно. Прибыли на автовокзал не только вовремя, но и с запасом времени.

Варя купила билет. Серёжа тоскливо глядел на сумку с книгами. Ему не терпелось вернуться на работу, но сказать об этом Варваре Михайловне не позволяло банальное приличие. Она поняла ситуацию:

— Серёженка, иди, возвращайся к себе. — Она улыбнулась: — Большущее тебе спасибо за помощь. Что бы я делала с этими книгами одна в огромном городе, да ещё и с ненадёжным городским транспортом. Иди. Я кого-нибудь из пассажиров попрошу сумку в автобус

втащить. А там, — глаза заискрились тёплой улыбкой:
— А там меня встретят. Спасибо, иди, мой хороший.

Сергей улыбнулся и неспешно, оглядываясь, направился к выходу. Наверное, ласковое обращение пожилой женщины вернуло его в пору детства-юности. Может, так его называла мама или бабушка.

Занести книги в автобус ей помог молодой человек. Он ждал другой автобус, который увезёт его в другой город или село. Варя примостила сумку возле ног и успокоилась. Всё складывалось пока хорошо.

Рядом села женщина лет сорока. На улице вечер, конец октября. Пассажиры, негромко переговариваясь, осваивали свои места. Наверное, набегались по шумному городу, устали за день и, устроившись в креслах, приняв удобные позы, прикрыли глаза. Каждый думал о чём-то своём. Но вот автобус тронулся.

Он долго колесил по городским улицам, прежде чем выбрался на просторы загородного шоссе. Время позднее: кто дремал, кто смотрел на вечернее небо, зажигающее огоньки созвездий. Изредка светились огнями окна мелькавших небольших селений.

В автобусе становилось холодно. Варвара кутала колени полами не очень длинной курточки. Демисезонные ботинки китайских производителей тоже плохо грели. Она только сейчас поняла, что не надела под брюки трико, подумала про себя: «Стареешь, мать. Совсем нюх потеряла. Забыла про возраст, про большие суставы».

Но почувствовала холод, видимо, не одна Варвара Михайловна. Хриплый бас разбудил тишину автобусных потёмок. Мужчина обращался к водителю:

— Командир, а печку включить не пора?

В ответ послышалось невнятное бормотание:

— У меня на подфарники не хватает...

Чего не хватало на подфарники у «командира», автолюбители, наверное, поняли. Стало ясно, что на дополнительное тепло рассчитывать не стоит. Спасение замерзающих – дело рук самих замерзающих.

Когда пассажиры замёрзли основательно, автобус сделал остановку у придорожного кафе. Водитель объявил перекур на двадцать минут. На полусогнутых ногах, окоченевшие пассажиры поковыляли в кафе, чтобы согреть себя чаем. За столик напротив Варвары уселся тот, кто спрашивал у «командира» насчёт печки. Не глядя ни на кого, мужчина говорил-рассуждал:

— Добиваем всю технику, какая только есть. Рыбаки свои сейнеры, автопарки добивают автобусы. Нет государства. Что творят?.. Авиацию в частные руки отдали. Это ж додуматься до такого надо!

После короткой паузы однотонный, скрипучий бас снова нарушил молчание сидевших в кафе:

— Скоро армию какой-нибудь Березовский купит. Тогда точно – туши свет.

К столику подошёл ещё один пассажир. Он, видимо, слышал последние слова о Березовском. Поставив на стол кружку с чаем, продолжил тему:

— А что? Не последний пост при Госбезопасности занимал Борис Абрамович. Знал с кем надо дружить. Мог и армию купить. Мы теперь и не знали бы с кем и где, в каких краях и континентах наши сыновья воюют. Откуда в цинковых гробах домой вернутся.

— Потом в управление СНГ перебрался. Тоже знал, где куш или жирный кусок можно ухватить. Только за такими по пятам костлявая с косой ходит. Если лишнее скажешь, свои же и укокошат.

— Его в розыск объявили, а он из Грузии через Россию в Лондон летит, а наши ищейки глаза зажмурили — пусть летит. Он с Абрамовичем в Лондоне судится, а его опять никто не видит. Все его ищут. На весь свет смеху хватит. Умеют наши рассмешить.

— Вот и с Лужковым не всё понятно. Я его за своего принимал. Под Ленина рядился. Кепкой прикроется, костюмчик так себе, не самый шикарный, похоже и не глаженый даже. Глаза добрые, умные, улыбчивые. Свой мужик. А он оказался не лучше Березовского. Да, разочаровал меня Юрий-то Михайлович.

— А где тогда были опять же славные российские сыщики, если он у властей московских под носом такое творил? И ведь живёт припеваючи в Австрии, фермером заделался. Не понимаю я такой политики.

— А, может, его вынудили убраться из России?

— Что, и деньжатами снабдили, лишь бы не мешался, под ногами не болтался? У них с жёнушкой не только конезавод, а и недвижимость имеется. Умеют люди чужое присвоить. Только совесть где? Даже по телевизору показывали, как ему там хорошо живётся. А он опять улыбается и чему-то русского мужика учит.

В это время раздался гудок автобуса, оповещавший, что перекур окончен. Мужчина, что завёл разговор ещё в автобусе, также, не глядя ни на кого, вытер губы бумажной салфеткой и направился к выходу. Вскоре автобус пылил по холодным просторам Приморья.

Уже в автобусе соседка Вари, слышавшая разговор мужчин в придорожном кафе, рассказала байку:

Собралась семья у телевизора вечером. Дивятся на этот самый суд в Лондоне. Глуховатая бабуля спрашивает у своих детей:

— Так это чо, Абрамович-то сам с собой судится?

Ей объясняют:

— У Бориса Абрамовича — ударение на вторую «а» — это отчество, а у Романа Абрамовича — ударение на «о» — это фамилия.

Бабуля охает и говорит:

— Совсем запуталась я в этих Абрамах.

Дети удивляются, спрашивают мамочку:

— Ты что, против евреев?

— Да пошто? Я против жадных, да загребущих. А свои Абрамы есть у каждого народа.

Махнула рукой и пошла спать.

Женщины засмеялись. В холодном автобусе и смех хоть чуть-чуть согревает. Но самое страшное Варвару ожидало впереди. Вот уже замелькали знакомые места. Пассажиры, что ехали до конечной остановки, зашевелились. Ночь. Вот и конечная остановка. Кто-то помог Варе спустить сумку на землю.

Дверь автобуса захлопнулась. Пассажиры моментально растворились в пространстве. Небольшая площадка возле автостанции освещалась единственным фонарём, под которым осталась стоять Варвара со своей неподъёмной сумкой. В оконечко выглянул «командир» и почти радостно выкрикнул:

— Мы на час раньше прибыли!

Варя не успела открыть рот от ужаса, как автобус, выпустив струю ядовитого газа, проворно исчез за поворотом в сторону посёлка. Она глядела на освещённые улицы и тихо приходила в себя.

Раньше на час! Это значит, здание станции откроется только через час, и встречать её придут не раньше чем через час. Замёрзшая в автобусе, Варя стояла на холодном ветру под фонарём и не знала, что делать.

Только теперь она вдруг реально представила себе того ямщика, который замерзал в степи.

Ждать под фонарём открытия автостанции или своего соратника по перу, который должен прийти ей на помощь? Варвара потрогала сумку, приподняла её и решила двигаться вперёд. Китайская полосатая сумка зашуршала по не очень ровному асфальту. Приходилось перетаскивать её через канавы между дорожками. Вдоль улицы тускло горели ночные фонари.

Вдали показалась мужская фигура, пересекающая дорогу. Варваре показалось, что он направляется в сторону её дома. Она отчаянно замахала руками, издавала гортанный жалобный стон. Но мужчина прокричал:

— На смену опаздываю!

Он, видимо понял намерения женщины, тащившую тяжёлую сумку волоком. Варвара чуть не зарыдала. Отдохнув немного, продолжила свой бурлацкий путь. Вот и дом. На ступеньки крыльца и по лестнице сумку пришлось втаскивать рывками.

Наконец-то дверь родной квартиры! О, радость! Холод, до костей пробравший её в автобусе, сейчас трудно отпускал женщину. Скорее согреться. Она вошла в ванную и включила горячую воду.

Но вдруг вспомнила, что надо позвонить своему помощнику, чтобы он не ходил на автовокзал напрасно, если, конечно, уже не ушёл. На звонок ответила жена друга:

— Володя уже ушёл.

Но, поняв, в чём дело, договорила:

— Не переживай, он тепло одет, не замёрзнет. Успокойся. Сама-то как? Поди едва живая? Сама что ли книжки до дому дотащила?

Варвара приняла горячий душ, налила в рюмку водки, нашла огурец с колбасой и ещё раз согрелась. Наконец-то тёплая постель. Она провалилась в сон без сновидений и проспала до полудня.

Как ни странно, но она проснулась совершенно здоровой. Может, организм включил резервные силы?

Что согревает наши души?

Варя словно уходила от реальной жизни. Она доставала из кладовых памяти события прошлых лет, вспоминала тех, кто шёл по дорогам её жизни вместе с ней или рядом. Возникали картины увиденного и услышанного когда-то, фантазия добавляла свои краски, заставляла додумывать, дорисовывать, собирать в единый клубок.

Но это была и её Варина жизнь. Она высказывала миру собственную точку зрения на те события, свидетелем коих была сама. Когда доходило дело до издания её творческого детища и приходилось искать спонсоров, она задавала себе вопрос:

– Вот зачем тебе это надо? У людей на хлеб денег нет, а ты себя собственным чудачеством тешишь. Кто читает теперь книги, да ещё и писателей самоучек? Классиков-то давно читать перестали. Одни страшилки по телевизору смотрят.

Но когда видела удивлённые глаза и улыбки тех, кто жил с ней в одном посёлке и знал её, улыбалась в ответ, прогоняла мрачные мысли, говорила себе:

– Значит, не хлебом единственным...

Её грело, что не запятнала своего имени, не бросила чёрную тень на собственных детей. Она не брала подношений от людей, стремящихся получить в этой

жизни хоть что-то быстрее и получше. Да, квартирный вопрос стоял на одном из первых мест.

Варваре приходилось заниматься распределением жилья. Как председатель жилищно-бытовой комиссии при профкоме, она имела большие полномочия. От неё иногда зависело, на каком этаже, и какой планировки будет вожделенная квартира очередника. Но это не было её прихотью. Так складывалось и она не делила людей на своих и наших.

Однажды пришла к ней женщина, открыла небольшой баул и, глядя Варе прямо в глаза, твёрдо, не сомневаясь в собственной правоте и победе, сказала:

— Здесь полторы тысячи. Они твои.

Женщина не раз приходила к Варе, понимала, что та знает, за что ей предлагают мзду. Посёлок хоть и городского типа, всё же не город. Тут о тебе, если ты ещё и на виду у всех, знают всё или почти всё. Конечно, ни для кого не было секретом, что Варвара вдова, что у неё три сына-студента. При зарплате в двести с небольшим рублей, полторы тысячи деньги серьёзные. От такого откажется только безмозглая курица. Но... Варя не отвела глаз от цепкого, казалось уже торжествующего взгляда просительницы. Она холодно и чётко произнесла:

— Закрой сумку, выйди и затвори за собой дверь.

Удивлённая, не готовая к такому повороту дела и не желающая смириться с поражением, просительница язвительно прищурилась и зашипела:

— Что, чистой остаться хочешь!? Не получится! Всё равно скажут...

Не дала Варвара договорить женщине, что и кто о ней что-то скажет. Стало налился голос:

— Мне всё равно кто и что обо мне скажет. Главное, что я сама о себе подумаю.

Женщина уходила в полном недоумении. Ещё раз обернулась у выхода, словно ждала, что горячка одумается и остановит её. Ловкие люди не единожды пытались найти подход к Варваре подобным образом, но вскоре поняли, что это бесполезно.

Этот эпизод вспомнился неожиданной встречей. Уже публиковались в районной газете Варины стихи, короткие эпизоды из книг, небольшие статьи на заданную тему. Весна, тепло. Лёгкое пальтишко почти распахнуто. Она шла по улице, думая о чём-то своём. Вдруг, проходившая мимо женщина схватила её за борт пальто и почти притянула к себе.

В глаза Варваре глядела её бывшая просительница, предлагавшая ей большие деньги за какую-то услугу. Мелькнула шальная мысль: — Неужели побьёт? Я теперь лицо не официальное. Пенсионерка.

Но глаза женщины смеялись. Она почти взахлёб говорила и говорила:

— Ну, надо же, она ещё и стихи пишет! Это же надо! Во, человеску талант дан от Бога. И таких, как я, укротить может и нежные стихи писать умеет. Я твои стихи в литературной страничке первыми читаю. Ты, поди уж, и забыла меня? Людмилой меня зовут.

Она помолчала немного, ослабила хватку рук и тихо, как-то чуть грустно добавила:

— Мы с мужем в КТЦ работаем. А у меня характер такой. Ни муж, ни те мужики, что работают рядом, со мной не спорят и не связываются даже. Знают, что бесполезно. А ты единственным взглядом и словом меня за дверь выставила. И чего мне надо-то было?

Людмила вздохнула, продолжила с грустинкой:

— Строили много, а мы ещё и копались: планировка не та, соседи вредные. Как вспомню, так вздрогну. Лиха не видели вот и привередничали. Теперь совсем не строят. У людей и надежды нет свою крышу просто так, как подарок получить. Нет, когда всё хорошо, то чего-то всё равно для полного счастья не хватает.

Варвара слушала с тихой улыбкой, а Людмила ещё что-то говорила, смеялась. Они шли вдоль домов, будто две подружки, давно не видевшие друг друга. Варя смотрела на женщину почти с благодарностью.

Она и впрямь боялась, нет, не побоев конечно, но злобных взглядов и едких слов в спину. Многим ловкачам она тогда кислород перекрыла. Помогала лишь несмелым, тем, кого лихачи всегда и во все времена старались опередить, и даже подмять.

Однажды, когда Варя неторопливо возвращалась домой, её догнал пожилой мужчина с букетиком поздних астр вперемежку с ромашками. Она оглянулась, думая, что мужчина догоняет не её. Но он подошёл именно к ней. Речь сумбурная:

— Вы меня, конечно, не помните. Я вам так благодарен и супруга моя тоже. Вы уговорили нас отдать молодым, это сыну с невесткой и двум внукам, нашу трёхкомнатную квартиру, а нам, двум старым пенькам выделили освободившуюся полуторку.

Мужчина уже отдохнул и говорил с юмором, пересыпая речь тихим смехом:

— Мы тогда чего взъерепенились? Обе квартиры не в новом доме. А теперь думаем: зато оба дома из кирпича, а не из бетонных плит. Да и внуки почти рядом, в соседнем доме живут.

Он остановил на мгновение свою речь, глядя куда-то вдали, поверх Вариной головы, тихо, проникновенно продолжил:

— Спасибо вам. Я позже узнал, что и за этот вариант вам пришлось воевать и с собственной комиссией, и на исполнение юристам доказывать, что так решать вопросы тоже надо. Ещё раз, — он весело засмеялся: — И много, много раз спасибо вам. Я счастлив, что такие люди, ещё не перевились на нашей грешной земле.

Варвара с трудом приходила в себя. Но последние слова мужчины особенно согрели её. Глаза налились слезами. Осенний букет издавал тонкий аромат. Сказала тихо, почти прошептала:

— Вы же мне орден Ленина своим признанием вручили. Спасибо и вам за добрые слова.

Были и ещё встречи с теми, кого она остановила на скаку. Иногда ей казалось, что в их глазах застыла крапинка смущения, и они сегодня при встрече с Варварой дают понять ей, что они совсем не такие уж плохие, а то далёкое прошлое, всего-то мимолётное недоразумение, попытка испробовать её, Варвару, на прочность.

И ещё одна веха в жизни согревала Варвару, вызывала добрую улыбку. Украина. Посёлок энергетиков Зеленодольск. Банно-прачечный комбинат. Она вступала в должность заведующей. Лариса Децик, одна из гладильщиц встретила Варю недоверчиво, выразила своё мнение открыто. Её негодящая, даже оскорбительная речь сводилась к следующему:

— Что, ещё одну на нашу шею посадили? Хапнет и ручкой нам помашет!

Все знали, что банно-прачечный комбинат для многих руководительниц стал «Золотым дном». Суме-

ла Варвара найти общий язык с подопечными. Когда слышала, что в гладильном цехе поют, подсаживалась к женщинам и пела вместе со всеми. Ей нравились мелодичные украинские песни.

Через четыре года, когда Варя уходила от них, весь банный-прачечный комбинат пришёл проститься со своей заведующей. Пришли даже кочегары. А Лариса Афанасьевна сказала Варваре:

— Трудно будет, приходите, споём.

Повернулась к своим подругам, добавила:

— Запомните! Такой Дуры у нас больше не будет!

Она вытерла платком слёзы. «Дура» из уст Ларисы для Вари стала ещё одной наградой высшего достоинства. В минуты тягостных раздумий Варя шла к своим девчтам. Они не лезли к ней с расспросами, а делали перекур в работе, садились и пели вместе с Варей:

— Была мэнэ маты бэрэзовым прутом, щобы я нэ гуляла з молодым рекрутам.

Лариса садилась рядом. Её большая мягкая рука чуть касалась Вариного плеча. Добрые улыбки женщин и песни снимали с души груз отчаяния. Как это было давно. Как много добрых людей оставила Варя на Украине. Там осталась и могилка мамы Капы.

И опять книги, стихи, встречи с одноклубниками. Её иногда приглашали, и она ездила с концертными бригадами по сёлам района. Её стихи встречали тишиной и одаривали аплодисментами. Встречалась она и со школьниками. И это тоже была её жизнь. Варя словно торопилась куда-то.

Красная, Советская, Российская...

Слова Людмилы про взгляд, которым Варя выставила её за двери, напомнили один эпизод из жизни.

Начало или середина девяностых. Варя тогда работала в кадрах инспектором военно-учётного стола. Девчата из военкомата попросили её вручить повестки офицерам котлотурбинного цеха. Она возвращалась с обеда. Решила сразу сходить к котельщикам, пока те не разбежались по делам из кабинетов. Открыла дверь заместителя начальника цеха по эксплуатации и обрадовалась. Все нужные ей персоны собрались после обеда именно тут. Мужчины сидели в непринуждённых, даже вальяжных позах, и вели свои мужские разговоры. Шутили, смеялись

Не успела Варвара вынуть из сумки повестки, как один из сидевших заговорил:

— А мы вовсе не обязаны подчиняться военкомату.

Варя не успела вникнуть в речь молодого мужчины, лишь увидела озорные искорки в глазах остальных и поощряющие улыбки. Она насторожённо, с любопытством глядела на того, кто говорил, видимо, от имени всех. Мужчина нагло улыбался, глядя в глаза женщине, уверенный в поддержке товарищей:

— А мы не присягали этой армии.

Слово «армия» молодой мужчина договорил почти шёпотом. Его остановил и заставил замереть пронзительный взгляд Варвары. В её взгляде была боль и уничтожающая твёрдость. Лицо побледнело, губы сжалась. Варя не закричала, даже не повысила тон. Казалось, она печатала каждое слово:

— Вы все присягали России. И будете защищать её всегда и везде.

Мужчины не шевельнулись, опустили глаза и стёрли с губ усмешку. Варвара припечатала ладонью по вестки к столу, повернулась к сидящим на стульях мужчинам и в полной тишине договорила:

— Посмейте только не явиться.

Подбородок дрогнул, но она сдержала себя, развернулась и вышла из кабинета. Шла по длинному коридору к выходу и вдруг поняла, что плачет. Солёная влага щипала губы.

— Ещё не хватало зареветь из-за этого паршивца.

Она говорила вслух. В коридоре пусто. Ей было обидно, что среди сидевших находился и начальник цеха Наталевич Валерий.

С ним они были знакомы давно. Когда Егоровы пришли работать на станцию, он занимал должность начальником смены электроцеха. Валера тогда учился в институте заочно, и Саня Егоров помогал ему выполнять и курсовые, и дипломную работы. Он с большим уважением относился к супружам Егоровым. Варя ценила его профессиональные знания.

В понедельник Варя зашла в военкомат, спросила:

— Были?

— Как по расписанию. Секунда в секунду.

На следующий день на автобусной остановке к ней подошёл Сергей Пещеров, заместитель начальника цеха. Он всегда здоровался с Варей, был с ней улыбчив и доброжелателен. Наклонил голову:

— Простите нас, дурней. Что нашло? Перегрелись. Тот — из молодых, да ранний. А мы хороши...

Улыбнулся, по-детски коверкая слова, договорил:

— Мы больше не будем. Честное октябрятское.

А ещё через день на территории станции она встретила Валеру. Глянула ему в глаза, проговорила:

— Жаль, нет моего Санюшки. Он бы тебе харю-то намылил. И за меня и за всё остальное.

В ворчании Варвары не было ни обиды, ни раздражения. Валера обнял плечи женщины, виновато наклонил голову в её сторону. А Варя продолжила:

— Валера, я рада, что ты получил очень крупное продвижение по службе. Как профессионал ты это место, наверное, заслужил. Но, должность начальника очень не простая работа. Ты должен быть примером для подчинённых, а не только рубахой-парнем.

— Я всё понял. Прости нас, Михайловна. Ну и взгляд у тебя. Как хлыстом нас всех огrelа. А потом ещё словами, как малышей по попкам, отхлестала. Я не знал, куда глаза девать.

Он звонко засмеялся, но через миг продолжил:

— Ты, конечно, права. Армия была Красной, Советской, теперь Российская. А при царе, наверное, царской называлась. Ну а Россия у нас и впрямь одна. И защищать её мы, разумеется, будем.

Валерий рассуждал о серьёзном:

— Цех, конечно, ведущий. Это добавляет парням значимости, излишней кичливости. Каждый пупом земли себя считает. Они главные на станции и всё тут. Ну и я, конечно, хороши. Спасибо за урок

Они шли в сторону проходной. Валерию, видимо, хотелось выговориться, а может, и послушать.

— Валера, я понимаю, что в единой цепи есть что-то более важное и менее важное. Но выпади из технологической цепочки хоть один винтик, и цепь распадётся или станет неустойчивой. Всё в нашей жизни взаимосвязано и нет в ней малого и великого. Есть общее. Твоим парням, особенно дипломированным, это необходимо знать.

Зашли к Варе в кабинет. Валера сел напротив:

– А помнишь профсоюзную конференцию, когда ты составила общую очередь на жильё? Я тоже был на той конференции. Я думал парни из КТИЦ тебя с землёй сравняют. А ты вышла перед всеми в робе, маленькая, вроде беззащитная. Улыбаешься и спрашивашь, кому чемодан без ручки передать. Кому это бесплатное приложение к основной работе вручить? Все опешили.

Он говорил, с удивлением глядя на Варвару, словно сам только что осознал сказанные им слова:

– А потом про то, что перед законом все равны и машинист турбины, и сантехник, и няничка из детсада. А если и есть различие, так это зарплата. Она у вас, очень нужных, в разы больше. Наверное, и правда, дело не в массе тела, а в каком-то внутреннем стержне что ли? Прости ещё раз. А помнишь, как ты меня при нашей первой встрече отчитала?

– Это когда ты мимо меня, как мимо пустого места промчался? Когда с боковой двери в электролизной крючок рывком открыл? А мне ведь не твоё «Здравствуйте» было нужно, а чтобы начальник смены сам не нарушал инструкцию и другим не разрешал. Волodya тогда по моей просьбе у кузнецов короткий крючок заказал. На этом ваша самодеятельность закончилась.

Они уже вместе смеялись. Валера, уходя, сказал:

– Ещё раз спасибо за урок. Твои слова я приму к сведению. Видно, мальчишка всё ещё живёт во мне.

Когда Варя уже была пенсионеркой, Валерий Васильевич перебрался в Хабаровск на работу в управляющую Дальневосточную энергетическую компанию. Она теперь не всегда могла разобраться в названиях этих компаний. Кто кем управляет?

Но однажды он приехал в Излучинск по делам, навестить родителей. Они встретились на улице недалеко от дома, где жила Варвара. Валера зашёл к ней, и она подарила ему книги и стихи. Всё, что было у неё на тот момент. Он оставил Варе свой домашний адрес и телефон. Уронил голову на грудь:

— Будешь в Хабаровске, заходи без церемоний. Будет в чём нужда, найди меня. Если смогу — помогу. Твоему Александру всегда удивлялся. Голова больная, а он ещё, таким как я, учиться помогает...

Переворачивая прошлого страницы

*Астра-хан, — дочь любимая хана.
Много в Волге воды утекло, поменялось.
Уползали века, как зыбучий песок бархана.
Имя дочери хана навеки осталось...*

После поездки в Астрахань летом в две тысячи втором году, Варя часто останавливалась на мысли: — Почему Астрахань? Ведь я и прожила-то там не полных два года. Да и смогла бы я там жить долго? Климат не для слабонервных, особенно, если ты родился в озёрной и лесной стороне. А там, особенно когда ветер-степняк подует. Усмехнулась, вспомнив собственные стихи:

Бьёт в глаза, да и рот забивает
Раскалённый песок из степей.
Свою дань с горожан собирает
Разгулявшийся дождь Суховей.

Ну, конечно, и прекрасная астраханская весна, и заповедники на Волге с жёлтой цаплей, которая, как

утверждают учёные, гнездится только в дельте Волги.
Да и чёрная икра, не принятая её организмом:

Лотос нежный и жёлтая цапля,
Белорыбица с чёрной икрой.
Солнце, словно янтарная капля,
И прохлада вечерней порой.

И белая акация, которую вначале Варя приняла за уральскую черемуху, только больших размеров: всё же южное растение. И шелковица, о которой уральская девчонка и не слышала до Астрахани вовсе.

Терпкий запах акации белой
Для влюблённого сердца – обман.
На губах сок шелковицы спелой.
Ветер с Каспия гонит туман.

И калмыцкий чай, к которому она так и не могла привыкнуть, но с тех пор пила только крепко заваренный чай и непременно со сливками или молоком.

Чай калмыцкий с баранным жиром,
Астраханский медовый арбуз.
Отдыхает старик под инжиrom,
Уплетает лаваш карапуз.

И конечно астраханские медовые арбузы. В разгар созревания их продавали прямо на улице, отгородив закоулок сеткой-рабицей. Однажды она видела, как мужчина нёс два огромных арбуза, обхватив их руками, а третий катил впереди себя ногой по земле.

А что такое улица в Астрахани? Не очень гладкая брусчатка с выступами, обозначавшими тротуар. Варя с замирание сердца следила, как подпрыгивает арбуз на неровностях дороги, и думала: – Не уж-то не разобьёт? А мужчина ловко то подталкивал полосатый кругляш, то сдерживал его бег, подставляя ногу.

Но именно брусчатка – камень, отшлифованный мастерам, временем и подошвами прохожих, самое надёжное покрытие дорог для южных городов. Асфальт под жгучим солнцем плавится, выделяя вредные компоненты, входящие в асфальтовую смесь, и липнет к подошвам. Старинные города надо сохранять, а не разрушать их нелепыми нововведениями.

Что же заставляло сегодня Варвару так трепетно вспоминать этот уголок земли, названный когда-то в честь любимой дочери могущественного хана? Ответ пришёл сам собой. Астрахань – это то место на земле, где она почувствовала себя профессионалом.

Там она прошла испытание на стойкость характера и доказала мужчинам-соратникам по работе, что диплом получила не за красивые глаза. А самое главное, поняла, что сделала правильный выбор. Ей всё больше нравилась её профессия. Она с тихой нежностью теперь вспоминала Василия Станиславовича Жака, старого французского еврея. Так его за глаза в шутку называла молодёжь за его фамилию.

Как трепетно, по-отцовски, он провожал Вареньку в её первую самостоятельную командировку вниз по матушке по Волге перед началом путины. Как наказывал Тихону Савельевичу, капитану буксира, приглядывать за девчонкой, чтобы, не дай Бог, кто её там, на рыбозаводах и тонях, не обидел.

– Может, молодость её кому покажется недостатком или фигурой не вышла. Всё же впервые одну провожаю. Валентин заболел. И помощник-то у неё мальчишка-старшеклассник. А тут срочной работы навалилось. Как-то неспокойно на душе.

Может, именно в Астрахани она поняла, как слаб человек перед искущением золотого тельца. Мысль о

том, дадут ли ей новые поливальщики деньги, повергла её в ужас. Она беззвучно кричала самой себе:

— Ты совсем недавно отбивалась и стыдила таких же дачников, дающих не заработанные тобою деньги.

И на весь небесный экран глаза бабушки Ульяны. Они не корили её. Глаза улыбались и хвалили внучку, что та вовремя приняла правильное решение.

Глаза на фоне голубого почти безоблачного неба сопровождали Вареньку всю её сознательную жизнь. Она сверяла по ним правильность своих поступков. Не было дня, когда бы она не произнесла имя бабушки-наставницы. Оно само срывалось с губ.

Не сразу поняли Варвару и Жак с Валентином, когда она бросила перед ними на стол очередные чаевые с просьбой не посыпать её туда, где простое слово «спасибо» заменяют деньгами. Ну, будет уже о меркантильном вспоминать.

Астраханский народный оперный театр. Чудо, о котором она и мечтать не могла. Страстная поклонница оперного искусства, обладательница лирического сопрано испробовала себя на сцене. Но, как жалобно изливалась своё сожаление руководитель театра, что голосом надо заниматься с детства-юности.

Да Варенька и не стремилась стать солисткой, она знала своё место. Но атмосфера театральных кулис и выход на сцену, и прекрасная музыка Верди в «Травиате». Она отдавала репетициям и спектаклям на сценах сельских клубов, Дворцов культуры весь жар своей души и всё своё свободное время. Это были счастливейшие дни её юности.

Девочка Дина, чуть не силой привела Варю в музыкальную школу на концерт знаменитой певицы, обладательницы редкого голоса меццо-сопрано. Они шли

после концерта молчаливые, заворожённые чудом прекрасного представления. Они не могли ни о чём говорить в тот вечер. Всё было бы впустую.

И ёщё. Варя поступала в Астраханский пединститут на заочное отделение. Физика. Она уже вышла к доске и произнесла несколько слов. Пожилой, худощавый в массивных очках экзаменатор остановил Варю, пригласил всех, кто толпился в коридоре, а после её ответов на вопросы в билете, произнёс речь:

— Вы слышали не речь абитуриента, перед вами сейчас стоял педагог. Я давно не получал удовольствия от такого изложения предмета.

Узнав, что Варвара не из педагогической среды, улыбнулся и добавил:

— Значит, судьбе было угодно исправить досадную ошибку. Вы прирождённый педагог.

Он пожал ей руку, многократно повторяя:

— Отлично, отлично. Надеюсь, со временем мы станем коллегами. Непременно станем. А с судьбой спорить не стоит. Бесполезно. Что суждено с рождения, то вас всегда найдёт.

Не суждено, видать, было Варе стать учителем, но слова пожилого педагога остались приятный след в душе. Когда вспоминалась Астрахань, вспоминался и этот эпизод её жизни. Но самое важное или главное, она поверила и убедилась в том, как много добрых и отзывчивых на чужую беду-кручину людей.

Семейство Тырсиных. Папа Коля и мама Таня. Их дети: Иван, Геннадий, Танюшка-младшая и Людмила. Они с радостью встречали Варю, ставшую ёщё одним членом их дружной семьи. Вот что это? Судьба, пославшая ей встречу с добрыми людьми?

Директор кирпичного завода и секретарь-деловод Ксения Петровна или просто Ксюша. Они не стали равнодушными созерцателями, а приняли живое участие в её дальнейшем трудоустройстве

Варя с тёплой улыбкой вспоминала Петю, электромонтера бригады электриков, его слова:

— Ты, это, когда там, в городе нас встретишь, здоровайся, нос-то не задирай. А то знаю я вас, городских.

Тем, кто уверял, будто век не забудет её доброту, отвечала словами Пети. Даже интонацию сохраняла:

— Ты, это, здоровайся со мной, когда на улице встретишь. Вот и хорошо.

И семейство Фёдора Фёдоровича Шелудько тоже тёплым воспоминанием притаилось в памятном чуланчике. Варю до сих пор удивляет, что чиновник областного совнархоза, не самого низкого ранга, жил в очень скромной квартире. И в деньгах, видимо, нуждались, если взяли её в качестве квартирантки.

Варя помнила застенчивую речь Зины, жены Фёдора Шелудько, хозяйки квартиры. Та не знала, как сказать молоденькой девчонке, что за квартиру она просит с неё триста семьдесят рублей. А вдруг это непосильная сумма для молодого специалиста?

Надо было видеть удивление в глазах Зины, когда Варя сказала, что будет платить четыреста и не рублюм меньше. Опомнившись от Варькиной «наглости», они вместе долго смеялись. Узнав, что Варя сама раскроила себе платье, усадила её за ножную машинку.

Сегодня это мало кто поймёт. Как поживает семейство Фёдора и Зины Шелудько в наше непростое время? Так и хочется взмолиться:

— Пожалей, господи, добрых людей.

Школьные проблемы

У сыновей Варвары подрастали собственные дети. Однажды младший сын привёз своего младшего сына — восьмиклассника маме Варе на месяц и попросил её проштудировать с ним физику за седьмой класс.

Сын говорил просительно, словно извинялся перед мамочкой за ограхи собственной жизни. А может, сообщал ей таким образом о её педагогическом таланте, умении достучаться до мальчишеских сердец, помня собственное детство.

— Понимаешь, нам вечно некогда, а Степка с физикой не дружит. Перевели, конечно, в восьмой-то. Он и за седьмой в физике не разобрался. Дальше ещё сложнее будет. Ты умеешь с внуками находить общий язык.

Приглушил печаль в голосе, улыбнулся:

— Чтобы мы без тебя делали?

На следующий день бабушка Варя открыла учебник физики и не сразу поняла, на каком языке он написан. Ахнула, если она не понимает смысла написанного, то, что дети могут понять? Простейшие постулаты, не нуждающиеся в доказательстве, объяснялись школьникам такими вывертами, что понять с первого прочтения было просто невозможно.

Варвара смотрела на Стёпку и ей становилось не просто жаль мальчишку, она не находила словесного объяснения своему чувству. Но за месяц они всё-таки что-то поняли из книжного бреда, в чём-то разобрались, да и Варя, ещё помнившая школьную физику, как могла, объясняла внуку суть теории.

Не обошлось и без курьёза. Варя просила Степана серьёзно подходить к учёбе. Говорила-объясняла, де-

лала ударение на словах «тебе», «твоя». Ей хотелось, чтобы внук рос самостоятельным:

— Стёпочка, это тебе надо, а не папе с мамой и тем более не мне, твоей бабушке. Это твоя жизнь, и как ты её построишь, такой она и будет.

Этот монолог слышал младший сын Андрея Артёмка. Он смирился сидел за журнальным столиком и уничтожал дыроколом бумажку. Был конец августа. А в первые дни сентября к Варваре прибежали родители Артёмки. В округлившихся глазах вопросительный знак. Наперебой с порога затараторили:

— Мама, что ты нашему младшенькому наговорила?

На Варин вопросительный взгляд, Оля добавила:

— В школу не хочет ходить! Говорит, что это его жизнь, и он вправе распоряжаться ею как хочет. В школу всё же вытурили, так он там рюкзак не снял со спины и просто молчал. Учительница в полном недоумении. Позвонила нам. Что случилось-то?

Варя поняла обстановку, родителям растолковать вразумительно не могла. Пошли все трое кнуку. Тот сидел на стульчике в прихожей и молчал, уставившись в пол. Варвара прыснула от смеха, села рядом с Тёмочкой, махнула родителям рукой:

— Тёма, я Степану объяснила, что если он не будет трудиться, а учёба очень сложный труд, значит, быть ему всю жизнь разнорабочим. А это: бери больше — кидай дальше. В лучшем случае работа дворника. Ты хочешь быть дворником всю жизнь?

Внук молчал, а Варя продолжила ликбез:

— Я вовсе не хочу принизить труд разнорабочего или дворника: всякий труд в почёте, но орудовать метлой и лопатой можно без глубоких знаний физики, математики и прочих наук. Иногда на эту работу идут пен-

сионеры. Но читать и писать, чтобы расписаться в ведомости за получение зарплаты, полезно каждому.

Варя передохнула, глянула на внука:

— Я думаю, что тебе будет стыдно, если ты здоровый и не глупый мальчик не станешь учиться только потому, что неправильно истолковал слова бабушки. Ты только во втором классе, но если уже сейчас не отнесёшься серьёзно к учёбе, то...

Варя развела руками. Внук безмолвно сидел на стульчике. Думал ли он о чём, или упорствовал в своём заблуждении? Варя зашла с другой стороны:

— Ты хоть понимаешь, что поставил меня в глупое положение перед твоими родителями? Получается, я учу тебя плохому. А ты просто по малости лет и недоумилю неправильно понял мои слова.

То, что она, бабушка, у внуков в большом авторитете, Варвара не сомневалась, но чтобы вот так... Тёмка вдруг обнял бабушку за шею и пролепетал:

— Всё я понял, бабушка.

Родители подслушивали беседу двух заговорщиков. Артём ушёл в комнату, а взрослые уселись за кухонным столом и долго беззвучно смеялись.

Варвара всегда интересовалась делами школьной жизни. Но вот новая задача. Государственные люди объявили авторский конкурс на создание современных учебников или учебных пособий. Выбрать лучших авторов из книжного множества и рекомендовать их по всем российским школам или не захотели, или не сумели, или были ещё какие-то причины.

Не придумав ничего лучшего, а может, наоборот, всё взвесив и просчитав, министерство образования разрешило учителям-предметникам самим выбирать авторов учебников по своему усмотрению. Получился

такой винегрет, что хоть за голову хватайся. Зато авторы, порой жуткой ахинеи, получили гонорары.

Народ удивлялся нововведению. Ползли слухи, что такое безобразие на руку тем, кто в министерстве занимается вопросом учебных пособий и менять эту систему не собирается. Что авторы учебников делятся гонорарами со своими благодетелями, и никто добровольно от кормушки не откажется.

Варя вспомнила, как в конце октября восемьдесят первого года, в самый разгар занятий в школе, она с Украины в Приморье привезла сына-семиклассника. Если бы тогда кто-то сказал, что ей придётся искать для её ученика новые учебники, она приняла бы эти слова за нелепую шутку.

Учебники были единственными не только для России, но и для всего Советского Союза. Единственным дополнением для русской школы на Украине было изучение украинского языка и литературы. Её сын ещё до школы читал русские и украинские детские красочные книжки. И это было нормально.

Теперь, в начале нового тысячелетия, всё встало с ног на голову. Не дай Бог, родители ученика в разгар учебного года поменяют даже не город на город, а школу в едином посёлке, им придётся искать для их ученика новые учебники. Мало того, что теперь учебники стоят очень недёшево, что не для каждого семейного бюджета подъёмно, но их ещё надо найти.

Старший сын Андрея и Ольги Семён перешёл в седьмой класс, и Оля купила сыну учебник информатики, какой нашла в своих магазинах.

Сын пришёл из школы почти со слезами. Ему сказали, что он не подготовился к школе, потому что учебник информатики не того автора, которого вы-

брал для своих учеников преподаватель. Маме Оле пришлось ехать за учебником в Хабаровск. Правда, купленный в посёлке, она сумела кому-то продать.

А ученик! Ребёнку надо адоптироваться в новом коллективе. А тут учебники, в которых не те картинки, не те слова, другие параграфы на других страницах. И всё это только потому, что высокопоставленные чиновники, имея свои выгоды, прикрываются красивыми словами: Свобода и Демократия! Им наплевать на свой народишко с их высокой каланчи.

Жаль, что этого не понимает во все времена любимый иуважаемый УЧИТЕЛЬ. Амбиции. Там, на верху знали что творят. Кто откажется от права доказать, что он компетентнее и умнее своего коллеги? Психологи всё рассчитали. Варе хотелось выступить на одной из учительских конференций с речью:

— Дорогие и любимые учителя! Пожалейте своих подопечных и их родителей! Соберитесь вместе, хотя бы представители трёх школ единого посёлка, а лучше всего района, выберите единого автора учебника по своему предмету. Даже если нет книги, которую можно назвать учебником на сто процентов. Подайте пример тем, кто этим отбором должен заниматься. Заявите министерским лоббистам своё недовольство и претензии к содержанию выпускаемых учебников и докажите свою сплочённость.

Но даже в свою районную газету Варвара не пошла, не написала статью-обращение на эту тему. Почему? Да, может, замучили сомнения: — Почему ты, а никто-то другой, кто ближе к образовательной системе? Или живёшь по песне ещё с Гражданской войны: «Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты».

Потом корила себя за нерешительность: – А кому, если не таким как ты, говорить о наболевших проблемах? Может, тем, кто стоит у истоков образования не положено по чину спорить с теми, кто внедряет в эту систему такие нелепости. Может, они боятся услышать в свой адрес, неоспоримые в среде бюрократов лозунги:

– Демократия не по зубам?! По тирании тоскуете?! Прошли те времена! У нас свободное общество!

И всякий раз хотелось задать ответный вопрос:

– От чего мы освободились? От разумного подхода к жизненно-важным проблемам? Что нам дала демократия? Деньги решают всё. Купить можно всё, что угодно, были бы деньги. Дети тех, кто имеет средства, уже сегодня поглядывают свысока на неимущих.

Платное образование закрыло дорогу способным ребятам, чьи родители не могут оплатить учёбу своим отпрыскам. Тихо сгорбившись, уходит их жизни русского народа понятие о добре и порядочности.

Не так давно по каналу ОТВ прошла передача на тему образования в России. Ответы на вопросы почему-то давал директор школы посёлка Новый. На чей-то телефонный звонок насчёт чехарды с учебниками, он поднял глаза и указательный палец вверх:

– Это вопрос даже не к департаменту образования Приморского края. Корень зла зарыт ТАМ.

Что сегодня в школах обучение строится на применении компьютерных технологий и Интернета, наверное, и впрямь веяние времени. Что-то уходит, что-то приходит взамен. Но и накопленный опыт терять – непозволительная роскошь. Книгу нельзя заменить ничем. Недаром в программе «Умницы и умники»

профессор Юрий Павлович Вяземский дарит участникам программы книги и приговаривает:

— Книги читать надо. Как можно больше надо читать.

Казначейство

Слово «Казначейство», как-то ушло из обихода ещё в стране Советов. Но пришли новые времена. Возвращалось, казалось бы, давно забытое, а привычное вычеркивалось из жизни Государства Российского. Восьмого декабря девяносто второго года Борис Николаевич Ельцин подписал Указ о возрождении Казначейства при Министерстве финансов.

В посёлке Варю знали многие. В конце лета две тысячи седьмого года к ней обратились из местного отдела федерального казначейства. К пятнадцатилетию образования Казначейства России объявили литературно-поэтический конкурс. Варвару просили принять участие в этом поэтическом конкурсе. Обращение смутило её. Профессиональным поэтом она себя не считала.

— Ну, хотя бы попробовать-то можно? А вдруг получится. Мы познакомим вас с нашей работой.

Её пригласили на встречу с работниками Казначейства. Беседовали в дружном кругу за чашкой чая с тортом. Ей показали красочную книгу с фотографиями тех, кто стоял у истоков возрождения контролирующего органа Минфина.

Но ещё после телефонного звонка Варя открыла Энциклопедический словарь и вкратце ознакомилась со словом «Казначейство». Она пришла на встречу с небольшим наброском истории Казначейства. Стихи вызвали восторженные отзывы женщин-казначеев.

Они поверили в то, что Варвара справится с их просьбой. Да и сама Варя вдруг вдохновилась темой истории и сегодняшнего финансово-экономического положения в России. Подумалось, а может, хорошо, что кто-то станет контролировать финансы в стране. Может, всё-таки, есть у нас Государство и хоть кто-то попытается остановить разгул современных олигархов-рвачей и недоучек. Вот эти первые наброски:

Признавался хозяином крепким
Князь Московский Иван неспроста.
Нарекли его прозвищем метким:
Торба с деньгами – князь Калита!

Писарь-дьяк в казначейском приказе
Честен был, да и крепок умом.
Знал о княжеском строгом указе –
Провинился – к столбу и кнутом!

Деньги зло и коварная сила,
И державная мощь заодно:
Та, что внешних врагов вразумила.
Эту истину знаем давно.

За державу бывало обидно:
Воровали везде и всегда...
И не только в России, как видно.
Разговор не о том, господа!

В декабре девяносто второго
Президент «Казначейство» создал.
Тем финансы от умысла злого
Оградил и к порядку призвал.

Она написала длинное стихотворение. Потом было стихотворное поимённое посвящение тем, кто работал в районном Казначействе.

Вскоре Варвара почти забыла о заказном стихотворении. Но вот снова звонок. Её пригласили в каби-

нет начальника районного ОФК и торжественно вручили небольшую книжицу, в которой красовалось и её стихотворение.

Вводная статья гласила, что районный отдел ОФК занял на литературном конкурсе второе место. Да, под стихотворением не стояла её фамилия и имя. Жюри конкурса понимало, что писал человек со стороны. И, тем не менее, Варе было приятно.

Предпочтение было отдано женщине, занимающей в Казначействе края определённую должность. И всё-таки на первых страницах в книге красовались стихи тех, кто хоть что-то смыслил в поэзии.

Дома, стоя у трюмо, Варвара глянула на собственную физиономию, надула губы и щёки и расхохоталась. Ей вспомнилось её военное детство. В эту минуту она походила на ребёнка тех лет, получившего в подарок карамельного петушка на палочке. Даже будто вкус сладкой карамельки вдруг заполнил её рот удивительным, давно забытым, вкусом.

Книжечка была издана во Владивостоке. Это же столица Приморского края! Кто-то там, краем глаза видел её вирши. Но, Слава Богу, у Варвары никогда не было амбициозных планов или взглядов на собственное творчество. Она, конечно же, была благодарна, что её труд был вознаграждён и замечен людьми, с которыми она жила в одном посёлке. Она была счастлива, что в преклонном возрасте нашла себя в любимом деле. Очень рано ушёл из жизни её Саня.

Иногда думала, чего больше было в их отношениях. Но она говорила себе – стоп! Не стоит копаться в себе самой. Да и дети давно стали самостоятельными. У них свои задачи, стремления и заботы.

Ей иногда казалось, что она выполнила своё предназначение и жизнь теряла свой смысл. Но вскоре поняла, что творчество становится смыслом её бытия, что радость прозрения даёт право на жизнь, навсегда лишает попытки уйти из неё по собственной воле. Поэтому что это другая жизнь, дарованная тебе, как чудо.

Когда приходит это осмысление, то на коленях, в слезах, подняв глаза и руки к небу, шепчешь:

— Господи, за что милость твоя великай?

И это тоже испытание, которое надо преодолеть. А преодолев, стать сильнее и хоть чуточку мудрее. Начинаешь понимать, что есть что-то более сильное над тобой, к чему или кому ты обращаешь слова радости и огорчения, просишь за себя, за своих близких и кровных или за весь мир людской.

Проблемы государственные

Жизнь продолжалась. Народ начинал понимать, что у него нет Государства или тем, кто стоит во главе государственной системы, не нужен свой народ. Однажды на малочисленном митинге, прислушавшись к группе собравшихся в кучку мужчин, Варя услышала слова, затронувшие её своей безысходностью:

— Шагаем, мужики, очень дружно под лозунгом «Разделяй и властвуй». Шустро и ловко разрушили огромную страну. Украина оказалась за кордоном. А ведь это моя историческая родина.

— Да и мои предки переселились в Приморье ещё при царе, а наши корни там остались и связь со своими сородичами мы не только поддерживали, но и ездили друг к другу. А что теперь? Не заметим, как и остатки России распадутся на «самостийные», как говорил

мой дед, республики: где чуть больше, где меньше. Будет у нас своё графство Люксембургское и королевство Монако.

Говорили уже все, вступая в разговор стихийно:

– Камчатку назовут республикой Гейзеров. А нас, жителей Приморья, республикой Вымирающих Тигров. А чтобы съездить в Иркутск, потребуется загранпаспорт. А у меня в Братске тесть живёт. Вот так-то. Да и у всех по всей России родни хватает.

– Из специалистов в России останутся, и то на время, газовики и нефтяники. А когда недра матушки-России опустеют, олигархи, что правят нами, спокойно улизнут на Канары или Сейшельы, короче слиняют в офшоры. Слово-то выкопали какое.

– Не сразу и поймёшь что к чему. Будто за шторой скрылся, с глаз сгинул. Я теперь не ваш и что украл у вас, теперь это моё. А мы тут начнём разбираться друг с другом и спрашивать.

– Вот только у кого? Кто в этом виноват? Неужели все ослепли? Где наше государство? А есть ли оно у нас? Или не заметили, как сами по себе стали жить? Глотку друг другу за любую ерунду перегрызём.

Юношеский, звонкий голос продолжил тему:

– Там, по-моему, у Маяковского есть: «...что в наши дни вошёл водопровод, сработанный ещё рабами Рима». Рабы Рима остались для истории водопровод. Знак того, что технический прогресс всегда существовал. А рабы России оставят потомкам тысячи километров стальных труб нефте и газопроводов.

Юноша оказался в центре собравшихся.

– Недра земли не бездонный колодец. Опустошат земные запасы, а трубы куда? Резать начнут и в переплав пустят? Или как металлом, кто попроворнее, за

границу переправят? Например, в Китай.. Молодцы, кстати. Ни одна страна не разбазаривает свои природные ресурсы, как мы. Подумаешь! У нас всего много. На мой век хватит, а там, хоть потоп. Чихал я на всех!

Парень, наверное, ещё бы долго говорил, но вдруг раздался звонкий женский голос.

Женщина читала стихи:

– Хозяина российского вольфрама
Никак найти не могут на Сейшелях.
Позорней Русь не видывала срама
При самых современных беспределах.
Великий Петр, Иван кровавый Грозный
В гробах перевернутся не однажды:
Ни детский крик, ни вдовий вопль слёзный,
Не остановит кайнов продажных.

Женский голос сник, встревожился. Тяжело вздохнув, уже без прежнего задора, она продолжила читать стихотворение:

Мужик в России долго запрягает:
Всё терпит и надеется на чудо,
Хрипит на митингах – предупреждает:
– Судьбу пытать не надо – будет худо.

На женский голос стал собираться народ. На трибуне уже никого не было. Женщина не то вздохнула, не то всхлипнула и закончила речь такими словами:

– Ну, зачем! Зачем доводить дело до кровопролития, до гнева российского мужика. Неужели так и будем жить: то восходить, то падать. Неужели ничему не учит нас история?!

Она почти кричала сквозь слёзы:
– Почему мы живём, как дикии!? Почему ослепли и в одночасье оглохли?! Неужели женщины в России

так и не перестанут плакать, терять и тревожиться за своих мужчин: отцов, мужей, сыновей и внуков?!

Женщина всхлипнула, но справилась с собой:

– Почему, если не воюем с другими государствами, то сами с собой дерёмся, сами с собой не живём в ладу!? Ни одно цивилизованное государство в мире не разрушает им построенное детище, а совершенствует, обновляет и добавляет к тому, что уже создано. Не топчет вчерашних кумиров, а изучает их ошибки, чтобы не допустить, не повторить их впредь.

Чувствовалось, что женщина из среды образованных людей. Наверное, устыдившись своего порыва, высказав всё, что хотела, она сникла, словно стала меньше ростом, повернулась и пошла сквозь расступившуюся в глухом молчании толпу. Она уходила шаркающей походкой, втянув голову в плечи.

Откуда взялась эта женщина? Может, из Светлогорья или из такого же брошенного на произвол судьбы посёлка городского типа, как Восток-2? Собравшиеся словно потеряли дар речи, стали молча расходиться. Кто-то уронил напоследок такую фразу:

– Не заметили, что жили при коммунизме.

Не так давно было престижно жить в красивых, современных, обеспеченных всеми бытовыми услугами посёлках, где есть градообразующее предприятие. Почему в головах возникло Светлогорье? Да совсем недавно оно прошумело во всех СМИ.

Люди не получали зарплату, а хозяин, купивший у государственных чиновников лицензию на эксплуатацию рудника, уехал отдыхать на Сейшельы. Многие из россиян до сей поры, наверняка, и не слышали об этом райском уголке земли. Тогда даже бывший Губерна-

тор Приморья Сергей Дарькин приезжал в Светлогорье, обещал рабочим помочь и поддержку.

На эту тему можно рассуждать долго. От чего приходит достаток? Если человек крепко стоит на земле и умеет правильно, расчтливо вести хозяйство, то и достаток множится трудами и разумом его. Такой хозяин не шикует и не бросает пыль в глаза.

Все знаменитые американские богачи бриллианты держали в сейфах. Их дамы позволяли себе надевать дорогие украшения на официальный приём не ниже королевского. Дорогие камни являлись залогом состоятельности их владельца. Их капитал наживался трудом и разумным подходом к делу.

А наши нувориши, не успев хапнуть крупную сумму, транжирили её на сомнительные удовольствия, не беспокоясь о тех, кого ограбили. Это называлось болезнью «Незаработанного рубля».

Заработанный мозолями или умом рубль человек не расходовал бездумно. Сказание о незаработанном рубле пришло из глубин времени. Только нынешние капиталисты в России мало читали с детства. Теперь им и подавно не до книжных премудростей.

Притча эта хороша своей мудрой простотой. Отец, обеспокоенный тем, как будет жить сын, не научившийся зарабатывать себе на жизнь, вытолкал его за порог со словами:

– Заработкаешь рубль – возвращайся!

Два дня сын приносил отцу рубль, который ему тайно совала сердобольная мамочка. Отец бросал рубль в огонь, а сын смотрел на это равнодушно.

Отец догадался и запер мамашу в кладовке. Сыну пришлось потрудиться. Заработанный рубль сынок-

лентяй из огня выхватил голыми руками со слезами и криком. Отец улыбнулся:

— Вот этого я и ждал от тебя, сынок. Только мозолистым трудом заработанную копейку можно из огня выхватить голыми руками. Теперь я спокоен, потому что мой сын узнал цену собственному труду.

Простых и думающих людей беспокоили вопросы:

— Как можно отдавать российские недра, богатство, принадлежащее всему народу, скороспелому капиталисту? Получив свой первый капитал сомнительным путём, он покупал акции прибыльных на его взгляд предприятий, чтобы обогатиться ещё больше, спрятав совесть куда подальше. Или у таких совести с рождения нет?

В марте две тысячи тринадцатого года погиб Борис Абрамович Березовский, в деловых кругах его окружения просто БАБ. Его жёны и любовницы, законные и незаконные дети, начали искать капитал своего повелителя по всему свету и спорить, кому и что принадлежит.

Прав, наверное, был пассажир автобуса, говоривший, что за такими, как Березовский, костлявая с косой ходит по пятам. Он погиб (в народе говорят «укокошили»), когда сам запросился обратно в Россию.

Варвара диву давалась простоте и мудрости русского человека, который рассуждал примерно так:

— Видать, те, кто остался в России, кто был связан делами с могущественным олигархом, испугались, что Борис Абрамович рот откроет на исповеди. Его за это не только не посадят, а ещё и охранять станут. Тем, кого он продаст в обмен на собственную безопасность, не поздоровится. И назовёт БАБ фамилии «уважаемых» людей. Так что кокнули его неспроста.

В апреле, менее через месяц после кончины Березовского, Варвара второй раз находилась в госпитале для ветеранов войн и труда. В очередной раз убедилась, что старьё, изувеченное в боях за Родину и трудившееся на восстановлении разрушенного войной хозяйства, никому не нужно. В мае праздников много.

Там, в госпитале, ночью, в беспрizорное для пациентов майское затишье, Варвара написала стихотворную *памятку российским олигархам, забывшим сказку о незаработанном рубле:*

Совсем недолго ждать осталось,
И ты пополнишь скорбный ряд
Таких же немощных, усталых,
Бредущих шагом в неогляд.
Не убежиши ни на Мальдивы,
Ни на Сейшелы – никуда.
Лишь злобный взгляд прекрасной Дивы
С тобой отныне – навсегда.
Ей обещал дворцы, алмазы,
Звезду с небес хотел достать.
И под напев цыганки Азы
Пред ней пытался ты блестать.
На яхте с юною Тамарой,
Качаясь нежно на волнах,
Сбежать стремитесь на Канары,
Оставив Диву на бобах.
А там, в России, твои дети,
И оскорблённая жена
Сидит на овощной диете,
В раздел с тобой погружена.
Народ от центра до окраин,
Что ты успел обворовать,

Кричит тебе: – Опомнись, Каин!
Не страшно имя замарать!?

И вот идёшь с таким же рядом,
Одетый в рубище, босой,
По каменистым неоглядам
В пустынний, раскалённый зной...
Ты ничего не взял с собой,
Лишь имя грешное – ИЗГОЙ.

Боже мой, какое словесное нагромождение!
Посвятила она стихотворение и Владимиру Витальевичу, энергичному и молодому главе своего района, сказав при этом напутственные слова:

– Если усидишь в кресле ещё срок, далеко стихотворение не убирай, читай иногда. Если кресло и кабинет передашь преемнику, можешь и памятку эту тоже передать. Вдруг пригодится.

Памятка, идущему во власть

Будь счастлив, будь великодушен,
Любимым будь и сам люби.
Будь с подчинённым добродушен –
С плеча, с размаху – не руби.
Вперёд отца не суйся в пекло,
Старейшин опыт почитай.
Про рубль мозолистый (хоть бегло)
В старинной книге прочитай.
Взвалив на плечи **ДОБРОВОЛЬНО**
Не каждому посильный груз,
Тем самым –вольно иль невольно –
Всем заявил, что ты не трус.

Придут к тебе и с укоризной –
Добро в себе не погуби.
И не считай судьбу капризной,
Гордиев узел – разруби.
Чтобы не стать рабом порока,
Учись просчитывать шаги.
Как честь свою – зеницу ока,
Ты Герб фамильный БЕРЕГИ.

Сорокалетний мужчина, относившийся к Варваре уважительно, улыбнулся, поблагодарил за стихотворение и пообещал просьбу женщины исполнить.

А ещё Варвара спросила, знает ли он, что такое Гордиев узел. И напомнила старинную легенду. Александр Македонский мечом разрубил замысловатый узел, завязанный царём Гордием. С тех пор существует понятие: разрубить Гордиев узел, значит принять скорое и единственно правильное решение. Девушка-секретарь, прочитав памятку, спросила:

– Почему надо беречь фамильный Герб?

Она видимо и не подозревала, что и фамильный Герб существует. Варя объяснила ей суть сказанного словами бабушки Ульяны:

– Совсем страх потеряли!

На вопросительный взгляд внучки добавляла:

– Срам падёт не только на срамника, но и на весь его род. Первым делом скажут: Петруха Дерюгин – кто таков? Да это Семёна Дерюгина сынок. А потом о его пострелёнке: кто это Митька Дерюгин? Да ну! Петрухи Дерюгина сучок. Одна кровь! Воровская! А парнишка всего-то вместе с такими же в чужом огороде огурец сорвал. Но заметили только его.

Ульяна Викторовна многозначительно вздыхала:

— А почему только он всем на глаза попал? Да потому что его отец не чист на руку был. Сам себя запятали. Так что прежде чем шаг ступить, не один раз подумай, чтобы не оступиться. Не о себе в ту минуту помни, а о тех, кто сзади, а пуще всего, кто впереди тебя бежит. Если в деревне девица оступится, ворота дёгтем мазали. Ничем не смоешь. Вот так и дурная слава, как смола: её вовеки не соскоблишь с ворот, если их с позором измазали. Нет-нет, да и пропустит чёрным пятном на фамилии.

И опять вопросы...

Варвара, как могла, пыталась вникнуть в суть происходившего в жизни России, в жизни людей живущих на осколках развалившегося в одночасье великого государства. Она задавала себе вопросы, на которые не всегда находила вразумительные ответы.

Может, то, что творится сегодня, неизбежность, переход в новое измерение? Может, сегодняшняя жизнь с её нововведениями просто не доступна разуму тех, кто родился в советские времена? И вновь вспоминались слова женщины, что читала стихи на площади:

— Ни одно цивилизованное государство в мире не разрушает им построенное детище, а совершенствует, обновляет и добавляет к тому, что уже создано. Не топчет вчерашних кумиров, а изучает их ошибки, чтобы не допустить, не повторить их впредь.

От этих мыслей Варваре становилось не по себе. Она пыталась не думать о дне текущем, возвращала себя в своё прошлое. Да, они получали небольшую зарплату. Но и стоимость того, что было необходимо для нормальной жизни, была невелика. Её поколение

имело твёрдую основу под ногами. Работа. Смешно, но за тунеядство судили.

Мама Капа в начале тридцатых стояла в очереди на бирже труда. Но те времена очень скоро кончились. Страна делала ставку на индустриализацию. К началу войны Россия стояла не на глиняных ногах, как подразумевали на западе, а на стальных. Работающий человек был обеспечен жильём.

Образование было не только бесплатным, но и обязательным. Она помнит, как привела младшего сына в школу №1 в Излучинске. Им сказали, что она переполнена и отправили во вторую. Негодующий возглас завуча, что их школа тоже не резиновая, что они не из их микрорайона, возмутил Варвару. Она спросила:

– У нас что, отменили обязательное среднее образование? Может, нам в Японию перебраться? Мы и так на край земли Русской приехали.

Завуч понял, что переборщил, стал смотреть документы новичка. А когда увидел, что первая школа, не глядя, избавилась от отличника, стал думать, какой класс усилить новым учеником.

Медицина. Никто не думал, что станут лечить, оперировать в зависимости от того, есть у тебя деньги или нет. Не стоял вопрос: – Могу ли я слетать куда-то самолётом? Есть ли у меня деньги на билет?

Воспоминание о деньгах прошло мурашками по телу. В небольшом посёлке все на виду. Не успеют озвучить добавку к пенсии, а ценники в продуктовых магазинах переписаны уже накануне. Продавцы спрашивают пожилых людей:

– Вам что, тридцатку добавили?

Был случай, когда однажды пенсию увеличили на тридцать рублей. Этих денег в то время и на буханку

хлеба не хватило бы. Так число тридцать перешло в анекдот. Кое-кто пытался отослать тридцатку Президенту почтой. Девчонки за прилавком говорили:

— Вам хоть копейки какие-никакие добавляют. А нам как жить на наши зарплаты? А кругом заплати-заплати. И будет ли у нас на старости хоть какая-то пенсия. Работаем на хозяев-предпринимателей.

Варвару огорчали и эти разговоры. Она всё ещё надеялась, что верховные люди спустятся с небес на грешную землю и увидят собственный народ.

Мизерная денежная дотация к пенсии сопровождалась громким парадным многословием по всем каналам телевидения и прессы. Строительство в Сочи, подготовка к зимней Олимпиаде, заставили правительей обратить внимание на подготовку спортсменов.

Однажды Президент РФ, глядя с экрана телевизора в глаза своим соотечественникам, стал рассуждать:

— А ведь когда я учился в школе, было множество всяких секций и кружков.

После небольшой паузы, стерев с лица самую лучезарную улыбку, Президент мечтательно добавил:

— И, заметьте, всё бесплатно. Надо к этому возвращаться. Спортом надо заниматься с раннего детства.

Варвара не удержалась, высказала в ответ свои соображения по этому поводу:

— Да, господин Президент, а помните, как ещё и ваше поколение поступало в ВУЗ? Главное, кто хотел получить профессию, не зависел от родительского кошелька. Если выдержал конкурс и поступил, платили стипендию. Иногородним студентам предоставлялось общежитие, и стоило оно копейки. Стипендия становилась стимулом для хорошей учёбы. Две сессии в

год. Это испытание для студента не только на знание предмета, но и на его трудолюбие.

Президент ещё о чём-то говорил, а Варвара продолжила свою речь в никуда и никому:

— А теперь, когда слово стипендия для многих ничего не значит, а на родительские деньги можно и, не сдавая предмет, получить положительную оценку, то зачем стараться. А отсюда вывод: какой специалист из такого студента? А ещё вопрос: где он даже с качественными знаниями получит работу?

Потом женщина у экрана долго смеялась своему каламбуру. С кем она разговаривает? С изображением на экране! Смех получился с горчинкой. Варя представила, что все, кто слушал Президента РФ, высказали ему примерно то же самое, глядя в его искренние глаза. Наверное, тоже смеялись, высказываниям в никуда.

Она опять мысленно вернулась к образовательной системе, которую не понимала, не могла принять ни сердцем, ни душой. Как можно чему-то научить ребёнка методом тестирования или методом тыка?

Варвара старалась примирить себя с происходящим. Доказывала себе или кому-то там ещё, не видимому, но понимавшему её, что в век компьютеров и Интернета, ребёнку нужно только то, что потом станет смыслом его трудовой жизни.

И опять всё упиралось в деньги, в возможность родителей определить своё чадо в этой круговерти, которая называлась современным бытом. Она почти ненавидела слово «деньги».

И снова Президент РФ на экране. Он объявил студентам, что распределение молодых специалистов после окончания ВУЗа на веки кануло в Лету. Варвара

тогда кинулась было возмущаться, но быстро себя остановила. А куда распределять этих специалистов?

Государственных предприятий почти не осталось, где во времена юности Варвары, молодой человек с дипломом имел очень много прав. Хорошо это или не совсем? Хорошо! Однозначно хорошо.

Дипломированную молодь не только ублажали, но и учили жить в коллективе и подчиняться общим правилам. А главное, на практике, не на студенческой, а на производственной, постигать профессию. А это не игра в бирюльки. Тут производство, и всё, что ты получил в ВУЗе, надо осмысливать и применять в реальной жизни.

Да и молодому специалисту надо было оправдать те денежные вложения, которые на него затратило государство. Сегодняшняя молодёжь кинулась за дипломами юристов и экономистов. Работу находили те, кого родители и их друзья могли пристроить по знакомству. Остальные, поняв, что по профессии работу не найти, приспосабливались в жизни, кто как умел или как получалось. Диплом говорил только о мере образования молодого человека. Но и по знакомству надо было головой оправдать свой диплом.

Если студент только расходовал деньги родителя, а не трудился, то диплом превращался в пустышку. Наниматель, даже очень близкий к семье человек, отказывался от услуг такого специалиста. Деньги порождали когорту молодых бездельников, которые закрывали дверь ВУЗа перед одарённой или трудолюбивой, но безденежной молодёжью. Рассуждения не радовали. Снова хотелось съездить на Урал, в Челябинск.

Тогда, в две тысячи втором, Варвара так и не доехала до своего родного Галкина, не побывала в Новогорном, где родила своих первенцев. Хотелось просто увидеть, как она сама шутила, места «трудовой славы» ещё раз более чем через сорок лет.

Да и пять дней поездной жизни почти через всю Россию! Хотелось общения с нечаянными спутниками, снова, или ещё раз увидеть просторы России.

Прошло почти семь лет с той поры, как она побывала в Челябинске и Астрахани. Варвара, затянув потуже поясок, накопила на железнодорожный билет и решилась на очередное путешествие.

И снова в путь

*Махнула рукой и – в дорогу!
Как прежде легка на подъём.
В котомке всего понемногу,
А чай из пакетиков пьём.
Пять суток туда – пять обратно,
Соседи сменились не раз.
Пейзаж за окном многократно
Менялся. Восторг – без прикрас!*

Поезд Владивосток-Москва, равномерно постукивая колёсами и покачиваясь, шёл по просторам Восточной Сибири. Варвара вторые сутки обживала купе плацкартного вагона. Попутчики ехали недолго.

Женщина, занявшая место напротив, вошла в вагон ночью или рано утром, когда Варя ещё спала. Они не торопились близко познакомиться. Пили вместе чай, шуршали пакетами с дорожной едой, подолгу смотрели в окно на медленно проплывающие природные

ландшафты, пытались что-то читать, водрузив на нос очки с толстыми стёклами.

Но чтение не шло. Может, от мелькающего света за окном быстро уставали глаза, может, устали от домашней работы над книгами и душевного одиночества. Но что-то родное или родственное исходило от соседки по купе. Захотелось общения. Они переглядывались, улыбались, но начать диалог не решались. Наконец, Варвара заговорила:

— Может, познакомимся? Я Варвара Михайловна.

Прищурилась, глядя на соседку, в глазах мелькнула искорка смеха:

— Можно просто Варвара, а лучше Варя. Как-то роднее, по-домашии. Возраст-то у нас, думаю, почти один. Но, а если едем в одном вагоне, значит, и в чинах разница небольшая.

Соседка юмор поняла и приняла. Назвалась Марией Антоновной или просто Машей. Вскоре они знали, что обе овдовели давно, в самой бабьей поре, что у обеих есть дети и внуки, которые живут почти рядом с ними, мамами. Но... Они одновременно вздохнули, и Варвара закончила мысль:

— Да нет, мы, мамы, радуемся, когда наши дети живут в относительном достатке, растят собственных детей, наших внуков. И внуков мы любим какой-то особой любовью, более нежной и более ответственной. Ведь это уже не совсем твой ребёнок. У нас появляется двойная ответственность за этого малыша и перед собой и перед его родителями.

Варвара словно устала от собственной речи. Её мысль продолжила Мария:

— Я понимаю, что ты не об этом хотела сказать. Ну не совсем об этом. О нас, одиноких старухах, живущих

среди близких, самых близких людей. Но у них своя жизнь, а у нас своей жизни нет. Она кончилась с похоронами наших, пусть и не всегда справедливых, иногда и непутёвых, и всё-таки наших мужей-мужиков.

Мысль подхватила Варвара:

— Я тут на старости лет стихи писать стала. Это стихотворение написала давно. Посвятила его моей маме. Она осталась вдовой в сорок четыре, я в сорок семь. Когда писала, не совсем его ещё понимала. А вот чем старше становлюсь, тем оно мне понятнее. Вот несколько строк из него.

«Не вейтесь, чайки...», — плачет мама.
Ей одиноко, неуютно.
А мы все заняты делами —
Расписано всё поминутно.

Вокруг семья — родные лица,
Вокруг и рядом, но не с ней...
И вьются мысли, словно птицы
В бессоннице её ночей.

— У мамы голос сильный. Песню далеко слыхать. И пела она, когда я мимо должна была идти. Забегаю, спрашиваю: «Ма, чего ревёшь?» «Да не реву я» — отвечает. А самой просто лишний раз увидеть меня хочется, посидеть рядом, обнять меня. Она понимала меня и жалела. Говорила, что мне трудней живётся, чем ей когда-то.

Варя остановилась на миг. Мария слушала внимательно, качала головой.

Вдовой осталась ягода-малина,
В год бабы-ягодки – вдова...
И Господа о милости молила
За тех, кому была нужна.
И только дочь была с ней рядом,
Её опорой и звездой,
Ей утешительной отрадой,
И адвокатом, и судьёй.

Варя вытерла глаза платочком, вздохнула:

И в час последний, душу очищая,
В кругу родных дочь за руку взяла:
«Прости меня за всё... и я прощаю.
Ты лучшей в мире дочерью была...»

Она запела приглушённым, но сильным голосом старинную песню матери и дочитала стихотворение:

«Не вейтесь, чайки...», – пела мама.
Ей одиноко, неуютно...
А мы все заняты делами,
И забегали к ней... попутно.

– Мне кажется иногда, что я не заслужила похвалу. Не додала ей внимания. Но я благодарна ей, что понимала меня и не жаловалась. Я ведь в то время заведовала банно-прачечным комбинатом, была депутатом поссовета, председателем цехкома, членом профкома.

Хотела улыбнуться, но улыбка не получилась:
– Теперь думаю, какправлялась? Ещё и с других участков по депутатским делам приходили. Екатерина Степановна, председатель поссовета смеётся и гово-

рит, ну если ты не поможешь, то кто ешё? А дома три сына и муж с постоянно больной головой. Конечно, сыновья, как могли мне помогали. Отца старались не трогать.

Мария смотрела в окно. Платочек тоже держала в руке. Варвара после небольшой паузы продолжила:

— Мы теперь радуемся, когда можем чем-то помочь своим детям, суетимся и следим, чтобы ни делом, ни словом не навредить нашим детушкам. Не знаю, как ты, а я живу одна в однокомнатной квартирке. И этаж царский — третий. Живи и радуйся! Наконец-то ты сама себе хозяйка!

Мария продолжила разговор:

— Значит, мы и в этом на равных. Мне иногда даже стыдно: живу в барских хоромах. Тут тебе и вода, какая хочешь. Можно душ принять, можно в ванной понежиться. Дрова запасать на зиму не надо. Постирать надо? Включил машинку. Умная машина не только постирает, но и отожмёт почти до сухости. На балкон выйдешь, а там берёза веточками тебе помахивает. Красота кругом и покой. Но привыкли мы суетиться всю жизнь. В суете и одиночества не замечашь.

Варвара, уставившись в окно, долго молчала:

— Вот я с детства слышу, что ребёнок человеку нужен, чтобы в старости было кому стакан воды подать. Ребёнку эта мысль смешна, взрослый, здоровый человек об этом забывает, а в старости человек иногда остаётся среди чужих людей.

Она вздохнула-всхлипнула, замолчала. Мария подхватила разговор:

— И то, правда. Свои-то дети разлетелись, кто куда. Кто уж сильно далеко, а у кого-то и места в их гнезде

для родителей просто нет. Родители это понимают и, пока ещё оба живы, друг за друга цепляются. А я овдовела, когда мне и сорока ещё не было.

Голос Марии грустил, рассуждал:

— Огляделась вокруг — пустота. Если и есть жених, то или пьющий или тот, кому только кружку с водой поднести требуется. Да и боязно на старости лет перестраивать свою жизнь. У тебя одни привычки, у него другие. И болячки разные. А смешить людей сошлись — разбежались, тоже вроде не хочется. Это в молодости, чуть что не так...

Исповедь Марии

Марии хотелось выговориться:

— А ты знаешь, я на пенсии компьютер освоила. Потом Интернет. По Интернету знакомых куча. Я вначале аж опешила. Но с одним мы переписываемся почти регулярно. Если он долго не появляется, думать начинаю, уж не заболел ли? Мы с ним по профессии сошлись.

Она усмехнулась:

— Я ведь геолог. Правда в поисковых партиях работала недолго. Замуж вышла ещё в институте за такого же бродягу. Вместе ходили. Потом я в декрет ушла. Через два года второго родила. Так и осела в лаборатории. Но маршруты многие знала и по учебникам, и по рассказам моего Захара.

Мария запнулась. Имя мужа произнесла протяжно, словно пропела.

— Так вот. Мы, со знакомым по Интернету друг друга подкалывали на профессиональной основе. Илья Петрович-то вначале совсем себя королём почувствовал:

мол, он искалесил всю землю-матушку, а я вроде курицы-наседки ничего и не знаю.

Она засмеялась задорно, молодо:

— Ну, я ему, конечно, и выдала. Сама его в такие дебри загнала, что он едва выкарабкался. Поисковики, теорию быстро и прочно забывают. А зачем она? Они ногами кормятся. Карты им в помощь, и разная геолого-разведочная техника. По молодости интересно, романтика. Потом привыкают именно к такому образу жизни и другой жизни не понимают. Иногда их на место поиска на вертолётах доставляют вместе с их жизнеобеспечивающим имуществом. В такую глухомань запрут, где связь только по радио. Должны владеть холодным и огнестрельным оружием. Ну и тд и тп.

Женщина прервала проводница, предлагающая чай. Тут же сутилась работница ресторана с набором еды и питья. Попутчицы от ресторанный еды отказались. Каждая достала ещё домашнюю стряпню. Чай на какое-то время отвлёк от беседы. Варя опять загорелась интересом слушателя. Подтолкнула Машу:

— А этот твой Илья мужа твоего не знал случаем?

— Да нет. Они работали в разных местах и цели их поисков были разными. Илья отрабатывал железорудные месторождения. А мой Захар нефтяные клады искал. — Мария понизила голос до шёпота, словно боялась открыть какую-то тайну: — Мой Захарушка с ребятами наткнулись на большую нефть... Почти рядом с той, откуда теперь качают на всю катушку. Это как дополнительный резервуар к основному месторождению.

Маша потупилась, голос слегка захрипел:

— Он ведь уже кабинет получил. Не самый большой, но всё же. Я радовалась, что наконец-то нормальной жизнью заживём. Как все. Нам и квартиру уже трёх-

комнатную дали. Город, хоть и не областной, но вполне приличный. Даже драмтеатр есть. Институты, техникумы или их филиалы. Думала, что вот наконец-то ребята отца видеть будут. Мальчишкам мужская рука всегда нужна. А они уже в старших классах. Володька в девятом, Юрка в седьмом.

Мария говорила торопливо, словно боялась не успеть высказаться. Варвара притихла, понимая, что приближается трудная часть повествования.

— В тот год собирали экспедицию в нефтяной район.

Лицо Марии в одночасье постарело, щёки обвисли, глаза тупо глядели в столешницу:

— Может, и правда от судьбы не уйдёшь?.. Как нарочно заболел руководитель экспедиции. Захарушка сам его готовил, надеялся, как на себя. Были ещё ребята толковые, начальство ни одного кандидата не утвердило, больно экспедиция предстояла серьёзная. Захару пришлось опять надевать рюкзак. Он смеялся, подбадривал меня или себя. У меня тогда что-то ёкнуло, но я страх свой отогнала. И только потом вспомнила: тревожным был голос. Будто и он чувствовал что...

Вынув из сумочки таблетку, Мария сунула её под язык. Варвара заволновалась:

— Машенька, может, ну их эти воспоминания? Как ты? Медицину может вызвать? Вот старые дуры. Чего его прошлое-то ворошить?

Но Мария уже справилась со своим волнением, криво улыбнулась:

— Да ладно, всё прошло. Потом ребята рассказывали. Они уже нашли то, что искали. Взял Захар ружьишко и сказал, что побродит тут недалеко от стана геологов. Ребята у костра сидели, веселились, понимали, что и премии и награды получат. Вечерело.

Мария вытерла платочком губы. Видимо таблетка помогла справиться с волнением.

– Никто не обеспокоился, знали, что Захару опыту не занимать. Хватились через пару часов, искать кинулись. Провалился он в старый шурф золотоискателей. Когда летел, ружьё потерял и ногу сломал. А на дне шурфа вода. Пока очухался, пока его ребята нашли, застудил лёгкие. Вертолётом вывезли моего Захарушку на большую землю. Меня срочно вызвали.

Отхлебнув из стакана глоток тёплого чая, Мария продолжила повествование:

– Успела я его в живых застать. Он меня долго не мог узнать. Да и я его узнала не сразу. Губы вспухли, потрескались. Глаза провалились. Бородища. Никогда не видела его с такой бородой. Потом брить бороду не стали. Ножницами подровняли аккуратно. Так с бородой и предстал перед Всевышним. А меня совсем молодую сиротой оставил.

Она вытерла глаза, тряхнула головой, будто сбросила с себя груз воспоминаний:

– Ладно, чего это я тут поминки устроила? Жаль, что внуков Захару на руках подержать не пришлось.

Варвара долго молчала, но вот несмело растягивая слова, спросила:

– И что? Так и не нашла замену своему Захару?

Мария окончательно скинула с себя печаль, но голос ещё хрипло волновался:

– Когда похоронила Захара, не до поисков было. Двух сыновей пришлось на ноги ставить. А это и школа, и профессия. Да и с дипломом работу найти теперь не так-то просто.

Варвара согласно кивнула головой. Мария, подпрев голову рукой, продолжила речь:

— Наше руководство предлагало парням по стопам родителей пойти. Но я скала: «Только через мой труп! Хватило мне одного геолога». Но справедливости ради, управление геологоразведки нас на произвол судьбы не бросило. И нефтяники помогли. Где-то через год мне вручили деньги и награды Захаровы за ту экспедицию. Я понимала, что времена наступают непростые. Без денег и шагу не шагнёшь. Деньги Захаровы положила на книжку, на срочный вклад.

Женщины ужинали. Мария опять заговорила:

— Ребятам до совершеннолетия платили пособие за отца. А тут девяностые... Ребята женились почти одновременно. Квартиру разменяли. Я однокомнатную обживать стала. Вовка в двухкомнатную пошёл, а Юрке на отцовские деньги успели полуторку купить. Почему успели? До дефолта успели. Потом наши деньги мусором бы оказались. Будто в последний вагон успели прыгнуть.

Варвара сочувственно кивала головой. Поезд остановился. Вагон быстро заполнялся народом. В купе, где мирно беседовали две женщины, верхние полки заселяла молодёжь. Шум, сутолока. Вечер подкрался незаметно. Все устраивались спать. Улеглись и Мария с Варварой.

Ночью спалось плохо. Обе женщины ходили то в туалет, то к титану за кипятком. Перед утром Мария уснула ненадолго. Проснувшись, увидела, что Варвара уже сидит, а на столике два стакана с чаем. За окном вставало солнце. Они прикрыли окно занавеской. Варвара тихо, чтобы не разбудить сладко спящих девиц на верхних полках, спросила:

— А Илья Петрович не женат или ты не спрашивала?

— Да как, поди, неженат? Мужик неженатый старается об этом заявить. А этот молчит. Мы с ним на вольные и профессиональные темы в основном говорим. Последнее время о литературе разговор завели. Он в своих экспедициях, чтобы не свихнуться много читал, да и я читать всегда любила. А может, он во мне невесту не видит.

Мария задорно усмехнулась:

— Хотя, если судить по фотографии, то вряд ли у молодых спросом пользуется, да и состояния, мне кажется, большого не накопил. Тоже с рюкзаком по тайге и болотам шастал, как Захар. Да нет... На картинке Интернетовской в саду или огороде копается.

Маша задумалась, словно собираясь с мыслями и силами. Начала речь вкрадчиво, с запинками, косо поглядывая в освещённое солнцем окно:

— Никому не рассказывала. С тобой пути наши вряд ли ещё пересекутся... А в душе держать сил не хватает. Может, это никому, кроме меня, и неинтересно.

Она глотнула воздух, словно ойкнула:

— Снится мне, что сплю я на большой кровати. Мы её с Захаром в последний год купили. Когда квартиру разменяли, Володе её отдала. В однокомнатном тереме она не поместится, да и зачем она мне.

Долгими разговором о кровати Мария, словно оттягивала время, спрашивала себя: надо ли о таком говорить, но остановить себя, видимо, уже не могла:

— Так вот, вдруг дверь открывается и заходит он, ну Илья, значит. Лица не вижу, только пальто длинное тёмное и носки туфель чёрные, блестящие. Ложится он рядом со мной.

Увидела, как озорно блеснули Варинны глаза, махнула рукой, усмехнулась:

— Да нет. Телесного трепета я не почувствовала и огонь страстей меня не пронизал. Может, я забыла, что это такое. Хотя, бывает и сейчас такое томление во всем теле разольется, что хоть на стенку лезь.

Она опять криво усмехнулась:

— А тут вижу я, что голова моя у него на груди покосится. И так мне хорошо и тепло рядом с ним, такая нега во всём. И он говорит о чём-то со мной. А я головы поднять не смею, чтобы глазами не встретиться. Боюсь. А чего боюсь, не знаю. Потом он так же тихо встал и ушёл. Почему-то опять носки туфель чёрным блеском мелькнули.

Девчата спрыгнули со своих полок, и пошли с полотенцами в туалет. Мария продолжила свой рассказ или мысль, что не давала спокойно жить:

— Я тогда долго встать не могла или не хотела. Казалось, уйдёт то тепло, та нежность и я не сумею её ни запомнить, ни осознать. И вдруг подумалось, может, Захар за мной приходил? Лица-то я не видела.

Варя торопливо заговорила:

— Машенька, ну если даже это твой Захар был, так ведь не забрал тебя с собой. Значит, жить приказал.

Мария кивнула. Слова звучали отрешённо:

— Знаешь, о чём мне сейчас подумалось? Это тоска ко мне приходила. Что нам старикам надо? Чтобы был рядом тот человек, с которым тебе хотелось век докуковать. Страсти наши в молодости отшумели.

Обе замолчали. Каждая думала о своём. Маша продолжила разговор:

— Я ведь когда свою, однокомнатную обживала, тишины боялась. Перешагну через порог и телевизор, ещё не раздевшись, включаю. Он говорит, поёт, орёт и я будто не одна. Потом, когда компьютер приобрела,

тоже выход нашла. В проигрыватель диск с лёгкой красивой музыкой ставлю. Опять кто-то есть, опять не одна. Ну, теперь лишний шум даже иногда и мешает.

Спохватилась Маша, глянула на Варвару:

– Прости, Варюшка, я эгоистка всё о себе, да о себе любимой. Тебе и слова сказать не дала.

Варвара усмехнулась:

– Знаешь, подруга, у нас с тобой и судьбы схожие. Вот послушала тебя и разницы почти не вижу. Хотела тебя раскрутить на тему: как ты столько лет без мужика живёшь, не уж-то, не позволила себе расслабиться ни разу? А теперь думаю, что и в этом мы с тобой, наверное, схожи. Да, не монашки, да живые бабы и, как в народе говорят, ничто человеческое нам не чуждо...

Она пригасила свой пыл, словно обдумывала, что сказать дальше: и не ушибить словом и не принизить притворившихся:

– Наверное, брали, где можно, но так, чтобы не через край, чтобы лишней усмешки у кумушек не вызвать, чтобы детей не запятнать, чтобы не совестно было перед самой собой.

Мария остановила подругу:

– Ты будто оправдываешься перед кем-то. А перед кем и сама не знаешь. Перед собственной совестью. Перед той, у которой блудного мужа на миг увела. Или перед всем белым светом. Коришь судьбу, что совсем молодой в одиночестве тебя оставила. Мне твои терзанья знакомы. Не станем тревожить собственную совесть. Если есть там, кому рассудить, пусть рассудит.

Мария подняла глаза в синеву неба. За окном проплыval лес, слегка задетый жёлтой и красной краской ранней осени. Они долго молчали. Заговорила Варя:

— Тот стих, что маме посвятила, назвала «Одиночество». Когда писала, ещё не осознавала, что пишу всем одиноким женщинам, что в молодости вдовами стали. А писала я тогда тем, что овдовели во время войны. Теперь думаю: какая разница.

Женщины вздохнули. Варя продолжила:

— В России, может, и не только много молодых вдов. Мы с тобой, к примеру. Пока работали, не замечали, некогда было замечать своего одиночества. Ты нужна всем. Но вот пенсия. Ты живёшь в бетонной коробке, как улитка в раковине. Хорошо, что с тобой здороваются на улице, улыбаются, спрашивают о жизни.

— Ни добрые дети, ни лучшие подруги не заменят того, с кем семью создавала, детей рожала. Теперь и не вспоминаешь, что ссорилась с ним, ревела оттого, что словом ли делом обижал тебя незаслуженно. Не раз думала, а с тем ли по жизни пошла? Сколько кавалеров вокруг вилось. Теперь именно его тебе и не хватает. И даже не сомневаешься в этом.

Темы для размышления

Варвара с улыбкой слушала свою нечаянную спутницу и согласно кивала головой. Мария ехала до Новосибирска. Там недалеко от областного города была её малая родина. Она, как и Варвара, хотела увидеться с сёстрами-братьями, племянниками и племянницами. Навестить могилки родителей. А может, ещё и с друзьями школьной юности встретиться посчастливится.

До Новосибирска ещё оставалось несколько часов. На какой станции в их купе вошла молодушка лет тридцати, женщины за разговором не заметили. А та швырнула чемоданчик на верхнюю, багажную полку и уселась рядом с Марией. Есть люди, которые знакомятся быстро, обращают на себя внимание своей неуёмностью, энергией, бьющей через край. Вот и эта сразу заявила о себе. Казалось, ей тесно было в небольшом вагонном купе.

— Я недолго вас побеспокою. Мне до Новосибирска. Даже чуть ближе. Меня встретят. Из нашего городка самолёты не летают, мне в Москве сегодня надо быть. Я редактор местной газеты. Зовут меня Маргаритой, можно просто Рита.

Рита передохнула, сходила к проводникам за чаем. Маша подвинула новой спутнице пачку печенья. Та улыбнулась, но печенье взяла. Чай выпила быстро, видимо пересохло во рту, и заговорила.

— Я прошу заранее прощения у вас, но мне кажется, что именно вы развеете мои сомнения.

Она окинула двух, далеко немолодых женщин пытливым, профессиональным взглядом:

— Вот сейчас муссируют во всех СМИ и по всем телевизионным программам: правы ли французы, решившие запретить ношение паранджи женщинам востока, живущим во Франции, а главное в Париже.

Мария с Варварой согласно кивали головами. Рита, словно устав от собственного длинного монолога, остановила свою речь, сменила позу, и продолжила:

— А я бы начала рассматривать эту тему с исторической точки зрения. Ведь что такое одежда вообще?

Рита говорила уже более спокойно:

— Нет, я конечно, не историк моды, я говорю о более простых вещах. Звери и птицы одеты при рождении. Человек-Маугли — существо, рождённое голым. Сначала он под защитой матери. Та кутает его в тряпьё или в шкуры. Одежда — это в первую очередь защита человека от негатива окружающей среды.

Маша вмешалась в разговор, когда Рита на миг замолчала, сбираясь с мыслями:

— А ведь и то, правда. Ребёнок-то человеческий не только гол, но и ещё беспомощен. Телёнок, к примеру. Бурёнка его и облизать ещё не успела, а он уж на ножки стремится встать, мамку за сосок ухватить.

Варвара добавила к сказанному:

— А цыплята? Не успели вылупиться, обсохнуть, а уж крылышками машут, у мамки под ногами что-то склёвывают. А самое главное, дитя человеческое очень долго в помощи родительской нуждается. Головку месяцев к трём только держать может, а ножонками перебирать только к году, а то и более, начнёт, говорить первые слова научится.

Маша опять вставила слово:

— Наверное, тоже природная задумка. За это время ребёнок учится не только ходить и говорить, но и как жить в семье. Это тоже не маловажно. Вначале научится уважать семейные традиции, потом и традиции того народа, где родился, ему не будут чужды.

Рита глянула на собеседниц, убедилась, что им интересна эта тема. Женщины улыбались, поощряя свою молодую спутницу к продолжению беседы.

— Да уж, вот ещё одна тема для размышления. Но я продолжу про одежду. На севере — это одежда из шкур прирученных животных или диких зверей, которых охотники промышляют. В средней полосе России —

это тоже зимой шубы-тулупы, а летом более лёгкая одежда, но с применением шерстяных тканых или вязаных вещей. А что такое наш ближний восток?

Проводница забрала пустой стакан, оставив на столе полный. Видимо, Рита так заказала.

— В основном степной и пустынный. Что такое паанджа? Сетка из волоса конского хвоста. Она защищает дыхательную систему человека от мелкого песка, что всегда витает в воздухе при малейшем дуновении ветерка. А ветров там хватает.

Женщины в купе так же внимательно слушали, покачивая головами в знак согласия.

— Что такое оазис среди песчаных просторов? Растёт дерево, значит, где-то есть вода. Человек начинает искать воду. Это самое важное условия не только выживания, но и надежда напоить то, что там называют землёй. Потом, сколько можно, люди расширяют территорию, ставшую для них землёй обетованной. Ну о происхождении оазисов я не как следует знаю. Тут спецы могут со мной поспорить.

Она улыбнулась. Отхлебнув из стакана пару глотков тёплого чая, Рита продолжила:

— И почему в таких местах один повелитель имеет гарем, а бедный иногда просто не может позволить себе завести семью? Условия жизни так диктуют. Женщину кутают в балахон и от глаз посторонних мужчин, чтобы не вводить их в соблазн. Паанджа защищает её дыхание, шальвары спасают и от песка, и всяких жалящих насекомых. В пустыне их всегда много.

Она говорила и говорила, словно боялась, что утомит своим разговором пожилых спутниц. А тема, похоже, томила её, как профессионала, который не совсем уверен в своих догадках. Чай пили уже все. Рита

разломила последнюю плитку печенья и застенчивой улыбкой извинилась, что за разговором съела чужое лакомство. И снова её речь:

— Вы думаете, почему в пустынных местах обувь с загнутыми носками?

Рита загадочно улыбалась, а Мария не удержалась от вопроса:

— И зачем?

— Чтобы песок носками не загребать, а тот, что по земле ветерком гонит, внутрь обувки попасть не мог, загнутость мешает.

— А ведь и верно.

Варя удивлённо приподняла брови. Мария добила:

— А я как-то не задумывалась над этим. Думала, восточная мода.

Рита уселась удобнее, оперлась спиной о стенку купе. Её вид говорил о том, что основное она сказала, осталось кое-что по мелочи. Внимание женщин подхлестнуло её к продолжению речи:

— Да и я не сразу сообразила. А теперь понимаю, что мода — это вторично. В первую очередь — необходимость. Со временем одежда, особенно на Востоке, превратилась в культ. Вот крупный политик Ясир Арафат, скажем, приезжает в европейскую страну для встречи с такими же политиками и непременно на его голове красуется платок бедуина. А зачем?

Рита взяла паузу, глянула на спутницу:

— Что такое бедуин? Кочевник в пустыне на верблюде. Платок спасает его и от песка, и от жары, а ночью и от прохлады. Песок-то остывает быстро. А чалма с опущенным концом? Тоже защита от солнечных лучей. Спущенным концом человек вытирает пот, да и лицо прикрыть можно.

Мария с Варварой уже внимательно слушали Маргариту. А та сменила позу и продолжила:

— Кстати, белоснежную и объёмную чалму показывают лишь у дворцовых вельмож. У простого степняка-пустынника она не такое уж украшение. Отрезок материи, намотанный на голову со спущенным концом, который вечно мокрый от пота и грязный.

Рита загадочно улыбнулась:

— Зачем ехать в европейскую страну Арафату в полу военном кителе и в бедуинском платке? Чтобы подчеркнуть, что он чтит традиции своего народа, своей страны? Ну ладно бы он явился в Европу полностью в национальном костюме. Так нет — платок всего лишь символ. В Париже нет песчаных бурь и солнце не яростное, как на Ближнем Востоке, а значит ни паранджа, ни чалма, ни платок бедуина в этой стране не нужны.

Рита поглядывала в окно на проплывающий пейзаж, на часы, которые на удивление ещё красовались на её пухленькой ручке. Сегодняшняя молодёжь время сверяла по мобильным телефонам. Рита заметила удивление в глазах женщин:

— Не знаю, наверное, я в чём-то старомодная, но мне с ними удобнее.

Она опять расцвела в улыбке:

— Я вас не очень утомила? Скоро сойду — отдохнёте без меня. Ещё хочу сказать, я просто удивляюсь тому, что природа делает для человека. Вот возмите даже еду. Она тоже зависит от той среды, где человек живёт. Мы в редакции дни рождения иногда отмечаем в конце рабочего дня, чуть задерживаемся. Я на свой день рождения принесла котлеты. Одна из моих кол-

лег, женщина чуть старше меня попросила рецепт. Она хозяйка — куда нам всем до неё.

Рита ещё раз глянула на свои часики.

— Это ещё мамины, как память. Так вот, котлеты жарить меня тоже научила ещё мама. Рецепт простейший. Через пару дней Валентина Ивановна подходит ко мне и хохочет. Знаешь, говорит, я приготовила по твоему рецепту котлеты, а мой нос воротит и спрашивает: а что это такое? А я и ответить не знаю что.

Рита лукаво улыбнулась.

— Он у неё армянин. Я ей выдала информацию. Валентина Ивановна, у него желудок привык к острым специям и приправам. А почему? Да там, где он родился без этих специй не выжить. Да благодатный край, но не только для людей, а и для всяких опасных для человека бактерий. Там, в Армении, люди острыми приправами борются с этими гадами и желудок привыкает к такой пище ещё с молоком матери. Мамочка-то даже кормящая потребляет в пищу и чеснок, и перец.

Женщины всё больше удивлялись рассказам своей нечаянной спутницы. Не всегда задумывается человек о вещах обыденных. Рита беззвучно смеялась:

— Я потом им бесплатную лекцию прочитала на эту тему. Что такое калмыцкий чай? Крепко заваренный листовой чай со сливками, солью и внутренним бараним жиром. Сливки — это питательное и смягчающее средство. Соль закупоривает поры и человек в степи, где и без того мало воды, меньше потеет. Ну а внутренний бараний жир — это основное питательное и антибактериальное средство.

Молодая женщина уже веселилась. Она сняла с полки свой чемоданчик. И вдруг, словно вспомнив

что-то очень важное, почти вплотную придинувшись к своим спутницам, как заговорщик полушёпотом торопливо загорила:

— А почему у казахов и всех степняков, и у тех, где яростное солнце и ветер, узкие глаза? Тоже природа позаботилась. Веко устроено так, что защищает глаз без особых усилий человека. Получается, что у них глаза прищурены с рождения. И нос приплюснутый, тоже для защиты дыхательных путей.

Она говорила уже громко и уверенно:

— Так и у северных народов. Тундра с низкорослой растительностью, холодное море с ветрами. Жизнь кочевника: олени, собачьи упряжки. Едят мороженую строганину из мяса оленя и рыбы. Не каждый желудок такое переварит. А им это привычно с рождения. Как не удивиться мудрости природы? Она помогает человеку выжить в условиях, где он родился. И цвет кожи, да и многое другое. Ну, как? Есть над чем подумать? В мире так много интересного, о чём мы и не догадываемся порой.

Мария тихо уронила:

— Не даром ещё наши предки говорили: где родился, там и пригодился. Как часто мы не задумываемся над такими словами. А ведь слова-то эти сказаны не просто так, если до наших дней дошли.

Рита задумчиво смотрела в окно:

— Да в мире много интересного. И только столкнувшись с проблемой, начинаем думать: почему так и не иначе. Просто принимаем данность, как что-то, что просто должно быть. По-моему, я говорю уже абсурдные вещи. Простите, если что не так. Может, какие-то мои рассуждения и догадки не бесспорны. Но это моя точка зрения, мое осмысление интересных тем.

Она опять пытливо посмотрела на своих спутниц.

— А вот для чего военным погоны? И вовсе не только для полосок и звёздочек. Это вторично. Военный человек, что выючное животное. Пусть простят мне такое сравнение. Что грузит военный на плечо? Винтовку, вещмешок, не самый лёгкий. Погон — это твёрдая пластина или подкладка в помощь плечу. Военный всё своё носит с собой.

Рита говорила не так уверенно, словно пыталась в первую очередь объяснить это самой себе:

— Я одно знаю, что любую одежду и дополнение к ней в первую очередь мастерят для конкретного дела. Аксельбант. Верёвка у штабного для карандаша. Но военные-то целый моток на правом плече носят. Так это и есть моток верёвки, который нужен был воину во время взятия крепостей, да и мало ли ещё для чего. А сегодня это модное украшение парадной формы.

Поезд тихо полз к небольшому городу. Вот он качнулся, дёрнулся, ещё прополз какое-то расстояние и тихо стал останавливаться. Рита встала. Здесь её должны были встретить и доставить в аэропорт. Она остановилась у выхода из купе в нерешительности, словно ей не хотелось расставаться с попутчицами, так терпеливо и с интересом слушавшие её:

— Мне иногда говорят, что я не ту профессию выбрала, что надо было исследовательской работой заниматься. А я думаю, что всё так. Именно журналистика подбрасывает иногда такие интересные вопросы, что вот тут-то любопытство или скорее любознательность не даёт покоя. Спасибо вам, мои хорошие. Счастливого пути. А ещё спасибо, вы подкинули мне тему: почему человек так долго взрослеет, остаётся беспомощным.

Мария не удержалась от реплики:

— А иногда так и остаётся ребёнком до седых волос. А вокруг него все на цыпочках ходят.

Улыбнулась собственным словам:

— А может, понимает, что есть те, кто взял на себя заботу о нём. Вначале родители, потом жена, а там взрослые дети не оставляют его без внимания. Я говорю о мужчинах. Женщины как-то более приспособлены к жизни. Может, материество обязывает. Молодом-то чадо своё не зря кормила.

Рита стояла уже в коридоре и вдруг весёлая улыбка снова озарила её лицо:

— А вы задумывались, для чего существует пост? Особенно тот, что от Масленицы до Пасхи? Конечно, если отбросить вторичное его предназначение.

Поезд остановился. Риточка развела руками и выпорхнула из вагона. Варвара и Мария уставились в окно. Маргариту встречал мужчина. Они спустились вниз. Рита обернулась, помахала рукой. Она знала, что её ещё видят две пары добрых глаз.

Вздохнула Мария:

— Ну и тему нам Маргарита подкинула. И правда, есть над чем задуматься. Вот она говорит, человек создан разумным. Тогда почему он постоянно с кем-то воюет, сколько крови пролито. Рушит то, что другие строили.

Варвара подхватила тему:

— И кто придумал, какие природные или неведомые нам силы разделили народы не только по цвету кожи, по строению глаз, а ещё и религиозным канонам, речевым барьерам. Каждый народ имеет свою национальную особенность, культуру, традиции. Отгородились друг от друга границами и охраняют их. Не дай

Бог, кто-то нарушит черту – вот тебе и причина для ссоры.

Мария согласно кивала головой:

– Что уж там говорить о государствах, если соседи в одной небольшой деревеньке не поделят между собой борозду. В городе на одной лестничной клетке друг друга не знают. Нос воротят, не поздороваются при встрече. А если один другому чем-то помешал, так сразу в крик, с угрозами милицию вызвать.

Задумчивый голос Варвары дополнил речь Марии:

– Я где-то слышала такое философское рассуждение, что человечество пытается уничтожить само себя с момента своего возникновения. Как только осознал, что он венец творения природы. Как говорится, «Неисповедимы пути твои, Господи».

Мария хохотнула, всплеснула руками:

– Знаешь, я насчёт гарема хочу сказать. Вот в молодости-то много читала. Вечером ребят спать уложу. Захар вечно в экспедициях. Ну, я на кровать, торшер включу и читаю. Не помню ни автора, ни точное название книги. Помню, что о женщинах трёх рас: белая, чёрная и жёлтая. Что там про белую сказано, убей, не помню. Чёрные в Африке живут. Земли пригодной для жизни у них, видимо, мало. Если в семье два-три сына, то они все трое женятся на одной. Делить землю нельзя.

Мария уже весело смеялась:

– Представляешь? Гарем наоборот. Если женщина выбирает одного из братьев, то их изгоняют из семьи. Мол, живите в любви, но сами, как знаете и как можете. А в Японии в знатной семье девочке с детства на ноги колодки одевали, чтобы нога не росла. Вот для чего? Чтобы рабыню от госпожи отличить? Вырастает

девочка в женщину, и ходить самостоятельно не может. Я не понимаю этих перегибов.

Женщины притихли. Они, словно забыли слова Риты насчёт поста. Станция небольшая, но поезд стоял уже минут десять. На опустевшем перроне сидел пушистый серый кот. Мария вдруг засмеялась и проворковала:

— Гулёна. Тоже видать чей-то Гулёна. У нас в деревне у бабушки жил примерно такой.

После многословной, даже шумной соседки хотелось помолчать или продолжить тихую беседу. Мария рассказала Варе про интересного, скорее, необычного кота по кличке Гулёна.

Гулёна

Была ли какая другая кличка у кота Серафимы Михеевой, никто непомнит. Все называли его Гулёна. Серый матёрый кот с тёмными полосками на спине был достопримечательностью деревни.

Коту перевалило за десяток лет. Для семейства кошачьих возраст солидный. Но всем казалось, что он живёт в их деревне вечно. Зимой он отъедался и отсыпался на печи. Когда кирпичи припекали, кот в полудрёме, от нежелания вставать на лапы, перекатывался на дощатый настил верхнего голбца и продолжал спать. Гулёна не рыскал по дому и подвалам, а мыши Серафиму не донимали. Она удивлялась:

— Может, мыши по запаху чуют Хозяина и на рожон не лезут? Его целое лето дома нет, а они всё едини в доме не пакостят. Будто он Дух какой вместо себя оставляет.

С приходом первых тёплых дней воробы начинали чирикать громче обычного, суетиться. С крыш свешивались первые, ещё не очень длинные сосульки. Гулёна открывал заплывшие от сна и жира глаза, смотрел на улицу через окно, лизал лапы, живот, потягивался, извивался в самых невероятных позах, но с печи пока не слезал, кроме как по естественной нужде и к своей кормушке.

Это природный инстинкт продления рода бродил в нём любовным томлением, заставлял прислушиваться к пробуждающейся природе. Март не только первый весенний месяц, а ещё и начало кошачьих любовных страданий.

Гулёна исчезал с первыми призывными криками его сородичей и не появлялся дома всё лето. Вот уже и первые заморозки начинали студить землю, согретую жаркими лучами летнего солнца. Облетевшие жёлтые и красные листья темнели и корчились от холода, шуршали под ногами. Небо нависало тяжёлыми серыми тучами.

Серафима поглядывала во двор, прислушивалась, обновляла молоко в кошачьем корытце. Кот приходил неожиданно, тихо через подполье и нижний голбец. Серафима обнаруживала Гулёну утром на тёплых кирпичах русской печи и шла к соседке с добной вестью. Глаза смеялись, голос радовался:

— Пришёл, нагулялся мой Гулёнушка. Завтра соседка снега жди. Упадёт — не растает. Пойду кормить, да чесать моего шатуна непутёвого. Где его носило? Весь в репьях, да чертополохе.

Она уходила, а соседка, бежала к другой соседке, а та к третьей. Через час с небольшим вся деревня знала: Гулёна вернулся. Завтра снег выпадёт. Серафима

осторожно осматривала кота. Порванное ухо заживало, но короста ещё крепко держалась на глубокой царапине. Глаз заплыл и гноился.

Серафима осторожно промыла его кипячёной тёплой водой, потом долго крепила на этом месте чистую тряпицу, смоченную травным раствором, который держала на такой случай под рукой. В травах разбиралась Матрёна, мать Серафимы, что жила с ними. Матрёна шамкала беззубым ртом:

— Недолго осталось Гулёнушке гулять. Совсем уж стариk. Год от году всё тяжелее с молодыми-то тягаться. Вон как отделали.

На животе и на холке Серафима тоже нашла не один, ещё не заживший шрам, полученный от когтей и зубов соперников. Гулёна понемногу приходил в себя. Рукам Серафимы не сопротивлялся, хотя сердобольная женщина видела, как больно ему даётся лечение.

После первичного осмотра кот проспал весь день. Вечером сполз с печи, чтобы подкрепиться. Его пошатывало. Казалось, шкура с клочьями шерсти болталась на нём, как одежонка не по росту.

Утром деревня проснулась укрытая белом саваном снега. Снег ещё валил обильный и пушистый. Сельчане улыбались:

— Ну и кот у Серафимы! Ну и Гулёнушка!

Через год Гулёна не вернулся домой перед первым снегопадом. Серафима вздыхала:

— Уж не случилось ли чего с нашим Гулёнушкой?

Она вдруг вспомнила, как долго этой весной кот не мог собраться с силами. На улице вовсю шли кошачьи игры, а Гулёна всё вылизывал свой живот, неохотно поглядывал в окно, слушал весёлое воробышко чири-

канье и продолжал дремать на тёплых печных кирпичах. Матрёна, вытирая слезящиеся глаза, прошамкала:

— Был, да видно весь вышел. Старики все однажды уходят и не ворочаются. Мне вот тоже скоро придёт время уходить. Так уж мир устроен. Кто-то уходит, кто-то приходит. Никто не живёт вечно.

Весной по талой земле похоронили старую Матрёну. Совсем осиротела Серафима. Дети давно разъехались по малым и большим городам. Приезжали редко и ненадолго, будто из приличия. Всё куда-то спешили. Раньше хоть внуков на лето иногда привозили. А теперь и внуки в пионерские лагеря ездят.

Но однажды на крыльце Серафиминой избы появился котёнок. Внучка соседки Аннушка сказала:

— Его кошка в зубах принесла, оставила и убежала. Я сама видела.

Котёнок был маленький, но глаза прорезались хорошо Лакать молоко научился быстро. Это был кот:

— Уж не сынок ли Гулёнушки нашего? Мыши без Гулёны совсем обнаглели. В тот год, когда кот сгинул, в ларь за мукой пошла ещё в августе, а мешок с дыркой. Подумала, может так, может, зацепили за что. Мешокто уж последний. До нового помола надо было дожить. Гляжу, а рядом с мешком мышиный помёт, как чёрный горошек, разбросан. Видно, серые разбойники учゅяли, что Хозяин домой не вернётся.

Подошла соседка с внучкой и все трое решили, что малыш похож на Гулёну. Он сладко спал в подоле хозяйки, согретый теплом её тела.

— Может, вырастет и тоже про снег всем объявлять станет? Да и мыши Хозяина в нём признают. Как назовём подкидыша?

Серафима гладила котёнка, прикрывала фартуком.
Анечка предложила:

— Давайте назовём Снежком. А подрастёт, может, тоже Гулёной станет.

Правда, на Снежка серый котёнок не походил, но с девочкой все дружно согласились. Каким станет подкидыш — покажет время.

Рассказ про Гулёну увёл Марию в страну детства. Она мечтательно добавила:

— Я в то лето к своим в деревню не ездила. Простыла ещё по весне, а там дома огород. Бабушкина изба напротив Серафиминой стояла. С Анной мы дружили. Она тоже к своей бабушке на лето приезжала. Она и рассказала мне, что Гулёна не вернулся, а котёнка она Снежком назвала. Может, нынче с Анишкой встретимся. Тоже пенсионерка, иногда домой приезжает.

Мария будто что-то вспомнила:

— Слушай, насчёт поста, что я думаю. Великий пост начинается ранней весной. Где в России соблюдали церковные уставы? В основном в деревне. За зиму мужик расслабляется. Какая работа зимой? Ну, дрова с сеном из лесу привезти. Скотину напоить да накормить, в пригоне почистить. Снег в оградке разбросать, чтобы ворота открывались. Вот и всё.

Она лукаво глянула на улыбающуюся Варвару. Та, видимо, уже понимала, к чему клонит подруга:

— Понимаешь? Остальное время мужик отдыхает. Вернулся из леса. Замёрз. Жена баню успела истопить. Попарился мужик, плотно поел, браги хмельной с устатку выпил, самовар чая выдул и на боковую. Я это когда Гулёну увидела, вдруг сравнение пришло. Жёна кормильца своего жалеет, когда он ещё отдохнёт? Может, и это правильно.

Варвара поддержала разговор:

— Общее что-то есть. Духовные отцы о своей пастве беспокоились. Надо было мужика к весенним работам подготовить.

Мария хотела:

— Чтобы посевную не проспал, как Гулёна.
— В деревне пост соблюдался более строго. Там все обо всех знают. В городе рабочий весь год в трудах. Ему строго пост соблюдать здоровье не позволит.
— Ну а провинится, сходит в церковь, помолится, вину свою перед алтарём признает, прощения попросит. Да и священники сами говорят, что если уж не устоял перед соблазном, съел чего запрещённого, осознай вину свою. Тем и прощение получишь.

Варвара уже смеялась:

— Моей маме аппендицит удалили. Врач перечисляет, чего после операции есть нельзя. В перечень вошёл запрет на солёное. Та чуть не в слёзы. Говорит, что селёдку очень любит. Хирург для всей палаты сообщает: «Женщины, что такое можно и что такое нельзя? Кушать можно и нужно всё, чем разнообразнее, тем лучше. Но именно кушать, а не жрать. А мы как?»

Варвара вытирала платком глаза:

— А мы селёдину почистим, искромсаем и в один присест смолотим. Потом целый день пьём чай и воду. А надо ломтик отрезать, посмоктать, чтобы вкус во рту остался. Хирург, наверное, специально сказал «мы» и просторечие употребил, чтобы женщин не обидеть. Молодой, только из института.

Мария тоже беззвучно смеялась, слушая Варвару:

— А ведь и прав доктор-то. Если уж хочется, так по полной. Остановиться, оторваться нет сил. А потом

ходим и кряхтим оттого, что перебрали малость. Нет бы остановить себя, на потом чуток оставить.

Женщин долго улыбались. Видимо разговор увёл их в страну детства-юности, и они перебирали годы жизни, как драгоценности в старинных шкатулках.

Наш отчий дом

После короткого раздумья Варя заговорила:

— Знаешь, я иногда думаю, что как перекати-поле прожила. Где мой отчий дом? Всю жизнь в казённых квартирах прожила. Даже родили меня тоже в казённой. Родителям, как служащим, тогда выделили пол дома. Мама районным детским садом заведовала, отец в госбанке работал. А вот к бабушке Ульяне в Тильновку я как домой ездила. Там сестрёнка двоюродная, моя одногодка, подружки деревенские.

Вздохнула, стараясь смахнуть грусть:

— Той деревни уже нет и многих, кто там жил, или на свете уж нет или живут все в разных местах. А я забыть эту деревню не могу. Видно этот уголок для меня стал моей малой родиной. Я тут стих написала. Тревожат мою память родные места. Вот послушай.

Она читала стихотворение задумчиво, глядя поверх Машиной головы.

По телу дрожь, забытая истома

Вдруг полыхнула нежностью во мне.

Я открываю дверь родного дома,

Куст розовой герани на окне.

А в русской печке чугунок со щами,

Картовница в жаровне на виду.

Ухватом, как железными клещами,

Ставь на шесток горячую еду.

Загнётка справа ещё дышит жаром.
Зола. Под ней печёное яйцо.
И медный самовар – водичка с паром...
Вдруг слышу: кто-то всходит на крыльцо.
Я в радостной тревоге замираю:
– Кто вот сейчас шагнёт через порог? –
И в памяти своей перебираю:
Кто в этот дом ещё б вернуться мог?..

Читала тихо, голос загустел. Словно стряхнула с души тяжесть, заговорила:

– Дальше продолжать-додумывать побоялась. Чего гревожить тех, кто давно упокоился. А те, кто ещё и мог бы прийти в тот дом, знают, что дом-то только в памяти остался. А мы уйдём, то и помнить его вовсе некому будет. Разве что бабушкины стихи и прозу прочитают. Всё, что мы ещё помним, для наших погомков экзотикой станет.

Мария продолжила тему:

– Наши родные деревни к тому времени лесом зарастут или вспашут подо что. И то это в лучшем случае, а то и пустынью нувариши на этих местах сотворят. Жалко, земля-то там благодатная, унавоженная. Каждая семья свою скотину имела. Навозом землю каждый год сдабривали, гряды огуречные обновляли. Чего это я в тоску себя и тебя вгоняю?

Женщины обменялись адресами скорее для приличия. Им жаль было просто так проститься. А вдруг судьбе будет угодно ещё раз свести их вместе?

Варя смотрела в окно на мелькавшие городские окраины. За окном лесостепные просторы. Август – самый мощный летний месяц, летняя ярмарка. Это итог

человеческого труда и дикой природы. Земля готова отдать всему живому всё, чем богата.

Это как человек в самом расцвете сил и желаний. Он не замечает ещё в своём организме изменений. Ему кажется, что пробивающаяся седина на висках – это признак зрелости. Седина, как знак сложно прожитых лет, когда приходит мудрость, когда есть на что обернуться и с чем сравнить. Учёный мир говорит, что седина – признак увядания, как вкрапления жёлто-красных листьев в ещё зелёные кроны деревьев. Ладно. Пусть будет, как будет. Тема, поднятая Ритой, не отпускала Варвару.

Человек разумный и дикая природа – всё связано единой цепью бытия. И можно ли назвать человека разумным, когда он варварски уничтожает дикую природу для сиюминутной выгоды, не думая, что рубит сук, на котором сидит, что это ничем не оправданная алчность аукнется бедами и катастрофами если не для него, то для его потомков.

Почему мы не задумываемся над тем, что сыновьям и внукам не столько нужны наши капиталы в банках, сколько оставленная для их существования здоровая, цветущая планета Земля. Не могла Варя понять дикарей в костюмах и смокингах, творящих или не запрещающих творить зло в собственном доме. Она спрашивала кого-то там, подымая глаза вверх:

– Неужели они не учились даже в начальной школе? Неужели не способны понять самые азы природного существования?

Она вспоминала нашумевшую на весь мир акцию с воробьями в Китае. За истребление воробьёв платили деньги. Тушки несчастных птиц машинами вывозили за город и сжигали. Казалось, люди избавились от

птицы, пожиравшей их урожай. Но, истребив воробьёв, тем самым нарушили биологическую цепочку. С великой силой расплодились те вредители огородов и полей, которыми питались несчастные воробушки.

Так бывало с волками, санитарами лесов. Так бывало с коршунами, охотниками на куриных и утиных птенцов. Но ведь на то и разум дан человеку, чтобы к любому, даже самому малому делу, подходить обдуманно, просчитав свои действия на много шагов вперёд. Неужели так было всегда? Неужели человек одумывался, когда сильно ушибался? Так и хочется сказать вместо ушибался — ошибался. Два созвучных слова, разные по смыслу, так сходны по сути.

Простившись с Марией, Варвара долго глядела в окно. Чувство грусти и радости от встречи с человеком близким тебе по мыслям и духу, да и по возрасту теплом наполняло душу.

Не всегда встретишь человека, с которым хочется поговорить и на разные, и на сокровенные темы. Такие разговоры облегчали душу, как после исповеди. Варя вполголоса читала стихотворение, ею же написанное:

И снова вокзалы, дорога...
Я еду в свой город родной.
А там, у родного порога,
Сама повстречаюсь с собой.
Коль сделала что-то плохое,
— Прости меня, юность, — скажу.
В ладонь свою веточку хвои
С лесным ароматом вложу.

Приезжая в гости или возвращаясь ненадолго на Урал, она словно встречала саму себя в те юные годы,

где было всё: и печали, и радости, и слёзы и беспечный смех молодости. Всё, что случалось потом – это опыт, становление. Наверное, каждое время по-своему ценно. И только юность вспоминается, как нежность.

Урал – это её женская радость и материнское беспокойство, и отчаянное решение уйти навсегда от всех и вся. Это и прозрение, когда, оказавшись на краю пропасти, вдруг отчаянно понимаешь, что жизнь – это счастливый подарок судьбы, который ты получила скорее вопреки здравому смыслу.

Антоша

За размышлениями Варвара не заметила, что на Машином месте сидит юноша и пристально смотрит на неё. Поезд тронулся. Вскоре всё утихомирилось. Вошедшие в вагон устраивались на своих местах.

Кто-то торопился испить чайку, видимо, набегавшись и испотев, нуждался в пополнении жидкости. Другие знакомились со старожилами или, прикрыв глаза, блаженно отдыхали. Поезд, мерно покачиваясь, катил по просторам западной Сибири. Юноша принёс чай, поставил перед Варварой стакан в подстаканнике и представился:

– Меня Антоном зовут. А бабушка, а теперь и жёнушка, в приливе нежности Антошкой называют. Бабушки-то уж два года как нет, а всё её голос слышу.

Антоша отвернулся на мгновение взгляд в окно. Продолжил речь, в которой слышалась печаль:

– Вы чем-то напоминаете мне мою бабу Валю. Вы уж извините меня за наглость. Не все женщины любят, когда их чужие люди бабушками называют.

Варя слушала негромкий голос молодого человека, кивала головой, сообщая тем самым, что она согласна стать бабушкой ещё одному внуку. Антон-Антоша продолжал с улыбкой глядеть на пожилую, не очень разговорчивую попутчицу:

— Чай будем пить? У меня шанежки с творогом есть. Бабушка в дорогу внуку любимому испекла. Какое чудо эта русская печь. Не перестаю удивляться. Кто её придумал, тому памятник надо поставить! В деревне никакие нововведения не заменят эту печь.

Он вдруг увидел удивление в глазах попутчицы, негромко засмеялся:

— Это бабушка моего товарища-друга Фёдора. Шанежки она, конечно, ему пекла. Но Федя меня сходу в командировку отправил. Я и домой заехать не успел. Спасибо, Наташу с Петькой привёз. Я с ними обняться успел. Шанежки бабы Ксюши съедим мы с вами.

Антон говорил, словно делился со всеми потаённой радостью, одновременно пытался вывести соседку из грустного состояния. Варвара и впрямь ещё не пришла в себя после расставания с Марией.

Она подняла глаза на улыбчивое, доброжелательное лицо молодого спутника и тоже представилась. Вскоре они разговаривали, как давние знакомые. Если точно, то говорил в основном Антон, а Варвара слушала и улыбалась, качала согласно головой и лишь изредка вставляла в разговор несколько слов.

— Федю ты назвал товарищем-другом. Почему?

Не сразу ответил на этот вопрос Антоша.

— Да так уж получилось, что учиться нам с ним вместе пришлось. Я ему вступительные экзамены помог сдать. Потом он от меня не отлепился. А его папочка купил меня, как говорят, на корню, ещё в институте.

Он предприниматель, генеральный директор крупного, по сегодняшним меркам, металлургического комбината, а это, опять же по нынешним меркам, хозяин.

Юноша будто опомнился, криво улыбнулся:

— Да нет, вы не подумайте, что я их в чём-то обвиняю. Скорее, мне повезло, что они меня заметили. Где бы я нашёл такую, скажем, хлебную работу. Да и стипендию, какую мне платил Алексей Павлович, это отец Фёдора, мне как манна небесная. А с Федькой мы ещё и соперниками оказались.

Всё, что рассказал Антон, Варвара убрала в дальний чуланчик памяти, но не забыла. Она решилась написать небольшое повествование о семье Поликарповых только спустя четыре года.

Валентина и Кирилл Поликарпovы

Кирилл Степанович Поликарпов окончил медицинский институт, ординатуру перед самой войной и приступил к самостоятельной работе хирурга. В первые же дни войны его определили в военный передвижной госпиталь. Сутками, с небольшим перерывом на обед и сон, стояли хирурги у операционного стола.

Однажды, спасая очередного бойца, он чуть не потерял сознание от усталости. Слава Богу, раненого уже зашивали ассистенты. Кирилл выронил из рук что-то слизкое, кровавое. Наверное, это и надо было уронить в ведро. И тут он увидел вначале глаза, потом руки, подхватившие кровавый кусок из его рук.

Глаза. В них не было ни брезгливости, ни ужаса. Это были женские глаза. Потом эти же руки или, скорее спина, удержали его на ногах. Что было потом, Кирилл помнил смутно. Девчонку звали Валентиной.

В сорок первом окончила школу и ускоренные курсы медсестёр, и — на передовую. Как они, совсем ещё девочки, вытаскивали под пулями здоровых мужиков? Где брали сил? Уму непостижимо. Вот и в тот раз.

Это она притащила бойца, над которым трудился молодой доктор Кирилл Поликарпов. Это она успела подхватить и то, что хирург уронил, и самого хирурга. Это она, почти взвалила на себя, теряющего сознание доктора, помогла ему дошагать до перегородки и уложила на свободную раскладушку.

Кирилл провалился в лёгкое забытьё, но вдруг почувствовал запах съестного. Девичьи руки приподняли его голову, и алюминиевая кружка с бульоном чуть обожгла губы. Валя молча толкала в его рот хлеб, который он запивал жидким супом.

Потом наступила блаженная тишина. Он спал. Сколько прошло время, Кирилл не помнит. Чьи-то нежные ладони похлопали его по щекам. Он услышал тихий, чуть виноватый голос:

— Доктор, пора. Некому у стола стоять. Все спят на ходу. А раненых понатащили... Мама родная.

Кирилл сидел ещё с закрытыми глазами, но понял, что с ним рядом его вчерашия спасительница.

— Ты со мной будешь. Как зовут? Валя. Хорошо, Валя, от меня ни на шаг. Не брезгливая, значит надёжная. От вида крови в обморок не упадёшь.

Он говорил, а Валентина помогла надеть Кириллу халат, маску тихо встала чуть сзади его, готовая в любой миг выполнить распоряжение хирурга. Работа шла почти автоматически.

Не скоро он узнал от своих коллег, что в тот раз, когда Валентина подхватила его и не дала упасть у стола, она срочно разбудила спящую женщину-

хирурга и отчитала всех, кто был на ногах. Говорила резко, сердито, не глядя на то, что перед ней стояли специалисты с офицерскими погонами:

– Не стыдно вам? Если он молодой, то на него можно грузить без предела? Да, молодой. Но ведь не железный. Он у вас и без того вкалывает, как папа Карла.

Последние слова Валя произносила почти жалобно. Никто ничего пигалице не возразил. Видимо, и сами сознавали свою вину, а может, от накопившейся усталости не хотелось тратить энергию на ответный удар.

Не скоро заметил Кирилл, что его помощница молодая и очень даже привлекательная девица. От загруженности, он почти не видел её, только знал, что рядом надёжные и расторопные руки. Этого было вполне достаточно. А та следила, чтобы доктор, Кирилл Степанович Поликарпов, вовремя ел и, хоть малость, отдыхал.

Время шло. Вскоре полевые госпитали получили пополнение. Да и армия уже чаще наступала, а не теряла позиции. Медперсонал стал устраивать небольшие творческие, самодеятельные концерты для бойцов, ждущих отправку в тыловые госпитали.

Однажды, на таком концерте вышла девушка в сарафанчике, в накинутом на плечи ажурном шарфике. Правда, на ногах красовались кирзовыe сапоги. Зрители замерли в ожидании чуда.

Валя, а это была она, чистым девичьим голоском читала письмо Татьяны Лариной. Заворожённый голосом, Кирилл очнулся только на строчках «...Зачем вы посетили нас? В глухи забытого селенья я никогда не знала бы вас, не знала бы горького мученья».

Голос рвался в отчаянном порыве укора и сожаления. Это был крик её, Валентининой, души. Она слов-

но забыла, что читает монолог барышни-дворянки. Глаза влажные, отчаянные. Но это был лишь миг. Она очнулась. Последние слова прозвучали мягко. И всё же бойцы с восторгом смотрели на девушку, будто ждали какого-то чуда.

Валя не дала изумлённой публике опомниться. И вот уже Лермонтов, «Бородино». Голос безусого юнца сменялся рассудительной речью, видавшего виды солдата. Смущённая вниманием и собственным порывом, Валя почти выскочила из палатки.

Вслед ей неслась аплодисменты. Хлопали все, кто мог шевелить руками. Неслись крики: «Браво! Молодец!» Но девчонки уже не было в палатке. Её место заняла женщина лет сорока и красивым голосом во-прошала «Зачем тебя я, милый мой, узнала?»

Кирилл тихо, чтобы не сбить певицу с ритма, выбрался наружу. Тёплые дни осени сорок четвёртого настраивали на лирический лад. Он вышел к небольшому озерку. На гладком, выбеленном ветрами, водой и временем, брёвнышке сидела Алёнушка-Валентина. Сапоги стояли на берегу. Песчаная земля скрадывала звук шагов. Кирилл подошёл почти вплотную.

— Отчего грустна, Алёнушка?

Валентина не повернула головы. Легко дрогнули плечи. Кирилл разулся, сел рядом с девушкой, опустив ноги в тёплую воду. В камышовой заводи плескалась рыбёшка.

— Как давно я не бегал по траве босиком, не купался в озере. Вот скоро покончим с фрицами и по домам.

— Не скоро. Ещё по тыловым госпиталям намотаемся. Только тут-то наши дороги могут разойтись.

Девушка встала, взяла свои сапоги и босая зашагала к госпиталю. На этот раз госпиталь располагался в

большом пустующем здании. Что-то недосказанное было во всём её виде.

Впервые Кирилл подумал о своей помощнице, как об особи женского пола. Что-то вдруг екнуло в груди. Подумалось: «А ведь она права. Мы люди подчинённые. Это пока, в военное время, в полевых условиях я мог распорядиться насчёт помощницы».

Что-то не давало ему встать с брёвнышка и окунуться в повседневность. Это «что-то» могло уйти, потеряться. И снова мысли: «Привык, как к чему-то необходимому, что всегда под рукой, что всегда сделает правильно, без осечки и без ошибки. Видишь, я даже думаю о ней ни как о ком, а как о чём. Она для меня неодушевлённый предмет. А так ли это?»

Но что делать с этими думами-загадками Кирилл пока не знал. Он ополоснул ноги, повернул их к солнцу. Лёгкий ветерок осушил влагу с ног. Он обулся и медленно побрёл к госпиталю. Но думы не отпускали его. Стало как-то тоскливо от мысли, что завтра Валентины может не оказаться рядом. И снова внутренний голос беспокоил вопросом: «Может, это привычка, блажь, которая пройдёт, как..?»

Он даже не понял, что говорит сам с собой вслух:
— Нет, не пройдёт. Это более серьёзно, чем я мог думать. Столько времени бок о бок одним воздухом дышали. Видимо, и ей не всё равно, что будет с ними потом. Это «потом» может наступить неожиданно.

Получалось, что это она, Валентина, сделала ему предложение хотя бы задуматься над их общим будущим. Он ещё раздумывал какое-то время, но, как только его заменили у стола, подошёл к Вале, увлёк её в скверик, усадил на скамейку. Разговор начал не сразу. Голос волновался:

— Ты права. Нас могут разлучить. Не знаю, что со мной, но я боюсь тебя потерять. Давай зарегистрируемся, как супруги. Тогда мы хотя бы не потеряемся. Я не принуждаю тебя к серьёзным отношениям. Война ещё не закончилась. Да я старше тебя. На сколько?

— На семь лет. Это много? И я боюсь потерять тебя. Я согласна. Что будет потом, то будет потом. Но, никаких несерьёзностей. Ты прав, война ещё не кончилась. И всё же мне хочется, что бы ты меня поцеловал. Один раз. Я ведь даже не знаю, что это такое. Кирилл, Кира, Кириуша.

Голос волновался, слегка всхлипывал:

— Вот видишь, я уже на «ты» перешла с серьёзным доктором, и имя тебе ласковое присвоила. Но я тебя давно в мыслях так называла, только ты не слышал. Может, скажешь наглая девчонка. Прилипла, как репей. Можешь думать и говорить, что хочешь. У меня, может, не быть другого случая. Мне всё равно, что ты думаешь обо мне.

Валя почти плакала от волнительного стыда. Она не узнавала себя. Как она могла решиться на такой разговор? Ну, что делать? Так уж получилось.

Руки Кирилла обняли плечи девушки. Он ощутил её хрупкое дрожащее тело. Повернул к себе её лицо. На улице было темно. Месяц ещё не взошёл или притаился в тучках. Только звёзды сияли в повлажневших глазах Валентины. Он наклонился и приник к пересохшим от волнения девичьим губам.

Это длилось лишь мгновение. Кирилл прохрипел:

— Не вводи во искушение, Валентина.

Девчонка развеселилась, ответила со смехом:

— А ты не домогайся меня раньше времени. Это я от мамы слышала. Она иногда отцу так тихо возьмёт и

скажет: «Ты меня, Петруша, не домогайся сегодня, я что-то малость прихирдила». Слово деревенское, кержацкое, значит, или приболела, или приустала, или просто нет настроения.

Так, на весёлой ноте и закончилось объяснение будущих супругов Поликарповых. Официально они зарегистрировали свой брак в день Победы, и отправились с санитарным поездом в Новосибирск. Началась бурная послевоенная жизнь, работа в госпитале.

Валентина через год родила сына, ещё через два года дочь. Окончила заочно медицинский институт. Кириллу Степановичу, как опытному и очень толковому специалисту, предложили работу ведущего хирурга главной поликлиники города.

Почти сразу семья Поликарповых получила трёхкомнатную квартиру в центре города. Высокие потолки, просторная прихожая и кухня. Такие квартиры называли Сталинскими. Позднее их назовут сталинками.

Валентина Петровна работала в обычной больнице терапевтом, возглавила терапевтическое отделение. Потом ушла на административную должность. Сказывался характер. Но молодые врачи часто бегали к ней за консультациями по сложным вопросам.

Из-за неуёмного энергичного характера, Кирилл со смехом называл жену домашним генералом без лампас. Решая домашнюю проблему, Валентина шумела, размахивала руками. Кирилл в это время сидел в глубоком кресле с мягкими и широкими подлокотниками и тихо из-под бровей наблюдал за женой.

Валентина останавливалась, делала пируэт вокруг своей оси, хлопала руками, садилась на подлокотник, обнимала мужа и ворковала:

— Кира, как ты терпишь меня все эти годы?

Речь лилась минуты три. Кирилл, уткнувшись подбородком в грудь, ласково-шутливо басил:

— Сам себе удивляюсь. Да куда деваться-то?

Валентина уже сидела у него на коленях, а он речь свою продолжал:

— Это я удивляюсь, как ты меня терпишь? Я же лодырь и повеса. Я же без твоей команды ногой не пошевелю. Всё ты у меня хлопотушечка, как пчёлка покоя не ведаешь. Я и впрямь, Валюня, диву даюсь, как ты не устаёшь, как успеваешь всё видеть и планировать? У тебя полный порядок на работе и дома. Я бы так не сумел. Ладно, пошли, куда поведёшь.

Когда Валентине перевалило за тридцать пять, а Кириллу за сорок два, она вдруг поняла, что станет матерью ещё раз. Вопрос не обсуждался быть или не быть ребёнку. Голосом, не допускающим возражений, Кирилл предъявил жене свой ультиматум:

— Значит так, генерал ты мой безлампасный. С этого дня поступаешь в распоряжение полковника медицинской службы, и будешь беспрекословно выполнять все мои указания. Всё понятно?

Младшие Поликарповы

Дочь назвали Алиной. Будущая мать Антона росла вначале в большой семье. Потом старшие дети разбрелись по городам и краям. Приезжали в родительский дом шумные, радостные, предвкушая встречу с любимыми родителями и сестрёнкой.

Алиночка не пошла по стопам родителей. Поступила в политехнический институт на механический факультет, где и встретила свою любовь.

Петя Найдёнов сирота. Его нашли рядом с телом, видимо, ограбленной женщины. При падении она ударила виском об камень. При ней не оказалось ни вещей, ни документов. Как уцелел ребёнок? Одному Богу известно. Даже падая, женщина спасала малыша.

Малышу без документов дали фамилию Найдёнов. Имя мальчику определили нянечки из-за его характера. Петя вставал рано и начинал хныкать. Дежурная брала ребёнка на руки и добродушно ворчала:

— Вот и проснулся наш петушок. Пойдём в манеж, а то всех раньше времени разбудишь.

Петя рос любознательным мальчиком. Школу окончил с хорошими оценками и знанием. В институте встретил свою единственную и неповторимую Алиничку Поликарпову.

Когда дело дошло до регистрации брака с Алиной, Петя попросил у родителей своей будущей жены разрешения взять их фамилию.

— Если бы фамилия принадлежала моим родителям, то тут бы вопросов не было. А так. Пусть хот у наших детей с Алиной будет настоящая фамилия.

Кирилл и Валентина согласились с просьбой жениха их дочери. Так у Антона Петровича, сына Алины и Петра сохранилась фамилия Поликарпов.

Родители Антошки ушли в мир иной рано. Однажды, они с друзьями решили провести отпуск на побережье Крыма «дикарями». Правда, мама Валя настаивала на путёвке в дом отдыха:

— Зачем вам дикие, неустроенные пляжи? Что, у вас на производстве путёвку нельзя приобрести? Мы с отцом вам путёвку организуем. Когда мы с ним отдыхали по-человечески? Что, нам навстречу не пойдут?

Дочь смеялась:

— Да зачем нам ваши официальные заведения? Мы толпой едем, с друзьями, с ребятишками. Палатки разобьем, красота, приволье!

Услышав про детей, Валентина набычилась, руки в бока и грозно заявила:

— Ребёнка я вам не дам! Ещё чего!? Чтобы малой разгулью какую подхватил?

Антону исполнилось пять лет. Он внимательно прислушивался к разговору взрослых и понимал, что бабушка не хочет отпускать его в интересное путешествие. Мальчишка хотел заплакать, но Валентина подхватила внуки на руки, ласково заворковала:

— Тошенька, а кто бабушке с дедом на даче помогать будет? Огурцы созрели, помидоры на подходе. Нам же на зиму запас надо сделать. Ты у меня один помощник. У деда ноги больные. Да ну их, эти пляжи. Мы с тобой на Байкал съездим: и близко и красоты такие, что куда там этому Крыму до них.

Родители Антошки поняли, что спорить с мамой бесполезно, тихо исчезли, не давая повода сыночку опечалиться. Оседлали японские подержанные, но быстроходные и надёжные машины, и уехали с друзьями на Чёрное море. Банально, но погибли Алина и Пётр в автокатастрофе, так и не доехав до дикого пляжа.

Тяжело пережили горе Валентина и Кирилл Поликарповы. Наверное, спасителем стал Антоша, теперь единственный отпрыск их младшей дочери. Внука супругам Поликарповым на воспитание оставили. Правда, поначалу приходили из отдела опеки, но скорее, для проформы. Имя Кирилла Степановича в городе было слишком известным и уважаемым.

Но, как ни говори, Кириллу исполнилось к тому времени семьдесят два, а Валентине шестьдесят пять. Пришлось просить старшего внука Георгия принять опекунство над двоюродным братиком. Это, как говорят, на всякий случай. Георгий жил в этом же городе, в дом деда и бабушки наведывался часто.

Однажды Антоша, которому к тому времени исполнилось восемь лет, нечаянно подслушал беседу деда с Георгием. Он встал ночью, чтобы сходить в туалет по малой нужде. В зале горел ночник. Валентина Петровна ушла в спальню: пусть мужчины поговорят наедине. Антошка незаметно прилёг на диван.

Георгий жаловался деду, что никак не может найти общий язык со своей женой Иринкой:

— Вот что я делаю не так? И цветы, и романтический ужин при свечах, а она всё куда-то в сторону смотрит. Нет, не на других мужчин, а просто мимо меня. Живёт со мной, словно одолжение мне делает.

Кирилл хмыкнул, заговорил не сразу.

— Ты, Жора, когда увидел свою Иришу, стал тела её домогаться. Это у тебя получилось.

Дед помолчал, обдумывая свою речь, чтобы и понятно молодому было, и необидно слушать.

— Вот у нас с Валей, с бабушкой твоей любимой.

Георгий расцвёл в улыбке, мечтательно изрёк:

— Ну, дед. Вы для нас, и не только для нас, — легенда. На вас глядя, можно сказки слагать.

— И всё же, послушай. Вот как у нас бывает? Ты уж взрослый, поймёшь меня правильно. Иногда накрутится Валентинушка за день, устанет. Перед сном мне скажет: — Ты меня, Кира, сёдня не домогайся, я чо-то прихирала малость.

Кирилл Степанович прищурился, скривил губы в доброй, загадочной улыбке.

— Она специально говорит мне на своём деревенском диалекте. Но, я думаю, и тебе переводить её слова не надо. А для меня значит: на свою половину сдвинься, отвернись и спи. Кровать широкая, есть куда сдвинуться. Она идёт в туалетную комнату лицо смыть.

Кирилл тихо хохотнул:

— Это значит пудру, помаду, брови смыть надо: лицо для людей. Заходит Валя в спальню. Я, конечно, на своей половине под одеялом, но в щелку подсматриваю. Лицо у жёнушки чистое, розовое — моё. Глазки поблескивают, значит, вместе с пудрой и хидриду смыла, чуть слышно что-то себе под нос напевает. Вот и всё. Она под одеяло шмыгнула, мы руками встретились и мы уже вместе. И ни цветы, ни свечи не понадобились.

Георгий молча слушал, но когда хотел что-то сказать, дед опередил его:

— Я не против цветов и свечей. Это хорошо, но не это главное. Завоёвывать надо не только или не столько тело любимой женщины, а всю её. Чтобы вы чувствовали друг друга без лишних слов. Ты всю жизнь домогаться её тела будешь, пока не надоест. Потом на стороне доступное тело покупать станешь, а то и покупать не придётся. Какая-нибудь тебя сама домогаться начнёт. А тебе она не по душе. Вот так-то Георгий. Вспомним великих.

Он вдруг тихо запел красивым, грудным голосом:

— Я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты, как мимолётное виденье, как гений чистой красоты. Какие слова! Восторг души

Кирилл Степанович вздохнул:

— Понимаешь, а совсем через короткое время, в письме к Жуковскому пишет: «Сегодня был с Керн. Ничего особенного. Баба, как баба». Вот, я не берусь осуждать великого поэта. Перед нами обычный мужик. Писал стихи влюблённый юноша, не познавший, может, ещё телесной страсти. Первый опыт восторженных юнцов иногда приводит их к разочарованию. Потом цинизм нет-нет, да и выплескивается отвратительной гримасой пошлости. Я говорю именно о поэтической, восторженной натуре.

Он опять остановился, пригубил глоток вина из бокала и жевал яблочко:

— Тут Валя, когда прочитала слова из письма, вдруг стихами заговорила. Это насчёт опыта. Послушай. Юнца-парнишку соблазнила любвеобильная вдова. Невинность юношу томила: — Ах, как кружится голова. Хватал он потными руками и пышный бюст, и юбки край. Оставим тайну меж строками. Не смог найти дорогу в рай. Вдовою изгнанный с позором, стремглав по лестнице слетел. Шатаясь, шёл с потухшим взором. И сквернословил, и ревел. Даже сходство со стилем Пушкина сохранила.

Георгий беззвучно смеялся:

— Ну, вы, даёте. Ещё и стихи! А ведь этим письмом великий поэт себя, вроде, обесчестил.

Кирилл встрепенулся:

— Молодец, что понимаешь. Публичный человек, когда его фамилия на слуху, должен понимать, что переписка может когда-то попасть в руки алчных людей, готовых на чём угодно заработать.

— Ну да. Когда друзья-приятели, опрокинув рюмашку под хорошую закусь, сидят на кухне, делятся своими похождениями — это одно.

— То-то и оно. Письмо простого смертного и не замечтят. Кто знает, скажем, Георгия Поликарпова. Ну, поморщатся, назовут поганцем. И всё! А имя великого человека начнут смаковать.

Георгий усмехнулся:

— Вот, как мы с тобой. Хотя, вот ты, дед, пытаешься сказать, что письмо писал обычный мужик. А ведь ты прав. Это ещё и банальное баухальство. Вот я каков! Добился своего! Красавицу покорил!

— Вот, Жора, ты и сказал то, что я пытался тебе втолковать. Написав восторженные стихи, возжаждал тела её. Добился. И что? Баба, как баба. Самая большая ошибка, когда за любовь принимают только телесное удовольствие. А это далеко не так. Это должно быть дополнением к духовному родству.

Дед многозначительно замолчал.

— А, может, твоя Ириша думает, что как только она станет доступной для тебя, ты к ней интерес потеряешь? Вот она из страха и держит оборону. Не думал? Всё потому, что между вами родства нет. Может, она боится услышать слова: — Баба, как баба. А ей хочется быть для тебя любимой женщиной. Вам надо очень постараться достучаться друг до друга.

Кирилл Степанович тихо засмеялся:

— Знаешь, однажды, в деревне у Надюши, мне её сосед байку рассказал:

Бежит Петух за молодушкой. Она улепётывает. Петух запыхался, плюёт под ноги и гундосит:

— Не больно и хотелось.

Молодка останавливается, смотрит на Петуха, плюёт себе под ноги и ругается:

— Дура! Скорость не рассчитала!

Уязвленное самолюбие не даёт Петуху покоя. Ходатка с равнодушным видом бочком-бочком к Пете поближе. Тот улавливает момент и нагоняет упущенное. Отряхнулся, плюёт под ноги и ворчит:

— Чего бегал? Курица, как курица. Что в ней такого?

А молодуха прихорашивается и пищит:

— Грубиян! Мог бы и поласковее быть. Вон, Петюня из молодых, так-то на меня поглядывает. Не осмелится никак, опыта нет. Ничего, я сделаю его опытным.

— Я тогда долго смеялся: тонко подмечено, совсем, как у людей. Но у людей, что и у птиц, есть петушиные догонялки. Есть и лебединая верность, и нежность воркующих голубей. Ты уже взрослый. Должен понять всё правильно. Это вон Антошка ещё...

Он вдруг увидел любопытные глаза младшего внука на диване. Тот попытался юркнуть под подушку. Но дед, качая головой от растерянности, подхватил его на руки и отнёс в спальню. О чём ещё беседовали Георгий с дедом, Антошка не знает. Но этот разговор остался в его памяти надолго, пока он на своей практике не осмыслил мудрые слова деда Кирилла.

Друзья Валентины и Кирилла

В просторной квартире Поликарповых иногда собирались старые друзья, с которыми Кирилл и Валентина дружили ещё с военных времён. Кирилл Степанович брал трубку телефона, звонил:

— Савва, давно не встречались. Катерина твоя в полном здравии? Тут Валя чего-то готовит. Позвони Сергею с Любой. Меня благоверная зачем-то в магазин выталкивает. В общем, к четырём ждём вас.

Он тихо смеялся в трубку, добавлял:
— Чтоб без опозданий.

Ровно к четырём Валентина Петровна накрывала стол. Три супружеских пары занимали за круглым дубовым столом свои привычные места. Все они вместе трудились ещё в военных полевых госпиталях. Только Сергей, муж Любы, уже тогда снабжал эти госпитали всем необходимым: перевязочным материалом, лекарством. Он и в мирное время остался толковым снабженцем, за что его и уважали в этом доме.

Разговаривали под рюмку спиртного. И опять Антон услышал много интересного. Он не сразу осознал суть беседы. Говорил дед:

— Вот, как тут судить? Что такое война? Конечно, зло и разрушение. И, как ни парадоксально, прогресс. Нет, не я это осмыслил, и не я до этого додумался. Иногда страшно и неловко сопоставлять эти явления, ставить их в один ряд. Слишком много горя приносят войны, эпидемии, природные катаклизмы.

Остальные согласно кивали головами, подбадривая тем самым говорившего.

— Где ещё, как не на войне, медики получают огромную практику. Я уж не говорю о техническом прогрессе, где враждующие стороны стараются изобрести и переплюнуть друг друга в самых страшных изобретениях. Потом эти страшилки в мирное время на пользу людям приспосабливают.

Кирилл Степанович усмехнулся:
— Все великие врачи прошли через войны и всяческие потрясения.

Савелий Игнатьевич глянул на друзей и с лёгкой иронией уронил:

– Сколько потом профессоров и академиков родилось. Правда, не всегда личный опыт эти академики использовали. Больше чужое присваивали.

Любовь Васильевна подхватила:

– Степаныч, скольким бездарям ты свои труды отдал. Нет, тебя почётом и уважением не обошли. Но, ты так и остался практикующим хирургом. Да, к тебе и сейчас обращаются за консультациями, привозят в клинику, когда надо сказать решающее слово. Но...

Её перебил Сергей:

– Любаша, ты права, конечно, но я думаю, что Кирилл не очень расстраивается по этому поводу. Просто, есть люди, которые умеют на бумаге обобщить и закрепить свой или чей-то опыт. Значит, и они приносят пользу.

Речь продолжил Савелий Игнатьевич:

– А есть люди, которые не могут себе позволить трату времени на бумажные дела. Вот и получается, как ни странно, но tandem. Все делают то, на что более способны. Думаю, что Кирилл спокоен за свой огромный опыт и уменье, потому, что его трудувековечен, пусть и не им лично, на бумаге. А люди пишущие, и его имя иногда упоминают, потому, как иначе не получается. А это значит, что опыт и знания Кирилла будут жить и служить людям. Ну, а заодно и имя Кирилла Степановича забыто не будет.

Мужчины выговорились, отпили из рюмок. Валентина Петровна наполнила опустевшие тарелки. Проговорила мирно, дружелюбно:

– Я никогда не корила Киру за то, что его трудом кто-то воспользовался. Говорила словами, не нами сказанными: Кесарю кесарево, а Богу богово. Правильно

сказали, дорогие вы наши. Каждый бы делал то, на что способен, и всё будет хорошо.

Бабушка внука называла Антошой, а дед Антоном. Собираясь прогуляться, говорил:

— Антон, пошли, проветримся.

Бабушка Валя наказывала внуку:

— Ты его, Антоша, без присмотра не оставляй. Если голова на грудь упала, смотри, спит или, может, без памяти. Если что, стрелой беги домой. Меня зови. Кто ему щё поможет, если мы с тобой?

Во дворе росло две сосны. Там и лавочка стояла. Было где посидеть пожилым людям. Около дома декоративный кустарник, который озеленители подстригали время от времени. Для детворы на крепких столбиках качели, горка и песочница с грибком. Подростки могли мяч ногами погонять.

Кирилл Степанович дожил до восьмидесяти четырёх лет, когда Антону исполнилось шестнадцать. Болели ноги, натруженные ещё в военное время.

После смерти Кирилла, Валентина сильно сдала, часто прихватывало сердечко. Тогда и перебралась к Поликарповым сестра Валентины Надежда. Это к ней ездили Поликарповы, как на дачу.

Надя на двадцать лет была моложе своей сестры Валентины. Семья большая. В начале сорок четвёртого отец вернулся домой после контузии. Ему уже было за сорок, матери почти сорок. На радостях, что глава семьи вернулся домой живой и относительно здоровый, они родили доченьку Наденьку.

Когда сестрёнка окончила среднюю школу, Валя привезла её в город. Надя поступила в сельскохозяйственный институт и получила диплом агронома. Родители к тому времени умерли. Домой возвращаться

не захотела. Работать в парковом хозяйстве? Деревенская девчонка не смогла привыкнуть к городскому шуму и воздуху.

При распределении Надя выбрала колхоз недалеко от города и проработала всю жизнь агрономом. Рано овдовела. Единственная дочь жила в Калининграде: вышла замуж за моряка, там и укоренилась. Звали маму Надю к себе, но та не хотела отрываться от родных мест. Антон называл Надежду тётей.

Друзья-товарищи

Антон учился хорошо, но до медали не дотянул. Экзамены в политехнический институт на механический факультет сдал легко. Там и познакомился с Федором Барсуковым. Они оказались за одной партой на экзамене. Сдавали письменную математику.

Федька пыхтел и никак не мог осилить задание. Антон набросал решение на черновике и незаметно сунул его своему соседу. С этой минуты Федя Барсуков тенью ходил за худощавым парнем в очках.

Как он сдал устные предметы? Видимо письменные работы, за которые Федя получил положительные оценки, сыграли свою роль. Он поступил в институт на платной основе.

И потом Федя не упускал из вида Антона, своего спасителя. Антон, как мог, помогал своему негаданному товарищу по учёбе. Однажды появился отец Фёдора Алексей Павлович Барсуков. Он позвал ребят в студенческое кафе, заказал пирожные, замысловатый коктейль. Речь начал без обиняков:

— В общем так, Антон Петрович, — он лукаво уставился на сидевших напротив него парней: — Я назначаю

тебе и твоему сотоварищу Фёдору Барсукову, то биши моему сыну, повышенную стипендию. Раньше она называлась Сталинской.

Алексей Павлович хмыкнул, опустил глаза. Было непонятно, что кроется за его определением: тоска по прошлому, что кануло безвозвратно или ирония. Но вот в глазах снова засветилась строгость и улыбчивость одновременно. Голос звучал официально, но и доброжелательно:

— Так вот, стипендия не будет слишком большой, чтобы не разгулялись, — он потянул через трубочку содержимое бокала: — Но и с голоду умереть не дам. — Алексей Павлович тихо хохотнул, продолжил, откинувшись на спинку стула: — Вы мне живые нужны.

Федька, опустив глаза, растянул в улыбке толстые губы. Алексей Павлович помолчал и снова обратил взгляд на Антона. Говорил спокойно, обстоятельно:

— Я тебе могу показаться наглым и беспардонным. Но я, прежде чем затеять этот разговор, навёл о тебе справки. Да, родословная, что надо. Это плюс, это не ирония. Бабушка получает, может, не самую маленькую пенсию и всё же только пенсию. Для областного города это крохи. У тебя копеечная по нашим временным стипендия.

Старший Барсуков тянул через трубочку коктейль:

— Советское поколение не очень умело делать накопления. У тебя одна ценность — квартира деда в Сталинском доме. И то ещё вопрос: а приватизировал ли Кирилл Степанович жильё и если да, то кому завещал? Я этим сам займусь. А то останешься ты, умница, без дедова наследства. У бабушки здоровье слабое, а ты в практических делах мыслить пока не научился.

Он вытер испарину со лба, расстегнул пуговицы пиджака на плотном, чуть выпячивающем животе. Взгляд блуждал по просторам небольшого кафе. Алексей Павлович словно собирался с мыслями. Он даже лоб слегка наморщил.

— Нет, я не в укор говорю о наших родителях. У них было надёжное Государство. Они имели опору под ногами. Увы, увы, увы. Мы предоставлены сами себе. Хорошо это или плохо — сам ещё не пойму. Но, к делу. Твоей институтской стипендии я не касаюсь.

Алексей Павлович навалился на стол, сцепил пальцы рук и продолжил:

— Не думаю, что ты откажешься от моего предложения. После института будешь работать на моём предприятии пять лет по договору. А там, как мы понравимся друг другу. Но, раньше пяти лет и я тебяуволить не смогу, и ты от меня уйти тоже не сможешь. Вот тебе договор в двух экземплярах. Хочешь с кем-то посоветоваться — возражать не стану. Подпишешь сейчас и здесь — тоже хорошо. Читай внимательно.

Договор Антон подписал тут же в кафе. Он понимал, что предложение старшего Барсукова вполне приемлемо и разумно. Обе стороны разговором остались довольны. Антон получил свою первую стипендию из рук Барсукова-старшего. Алексей Павлович отдал Антону экземпляр договора, другой спрятал в портфель, глянул на сыночка, достал из кармана сотовый телефон. Всё также, миролюбиво улыбаясь, протянул телефон Антоше:

— Это тебе. Тут мой телефон забит. Федька неплохой парень, главное друг надёжный, можешь не сомневаться. Но... Ветра в голове хватает. Когда твоего разумного слова не услышит, вызывай меня. Я приеду и

вместе разберёмся. В остальное время пользуйся этой игрушкой по своему усмотрению. Это тебе от меня дополнительный подарок. Оплата за мой счёт. Говори, сколько хочешь и с кем хочешь. Ты не вертопрах какой-нибудь. Скорее наоборот, излишне скромный. Хорошо это или не совсем, каждый судит по-своему. Вот бы моему Фёдору хоть что-то от тебя, а тебе от Фёдора. Было бы в самый раз...

Федя ухмылялся, словно речь отца знал заранее. На лице Антона читалось негодование, даже протест: Алексей Павлович махнул рукой:

— Нет, я не в шпионы тебя нанимаю. Просто есть категория людей, которые нуждаются в контроле. Они не сразу понимают, что делают что-то не так. Мой сынок из этой породы и ничего тут не попишешь.

Федька, когда отец уехал, успокоил друга:

— Ты насчёт меня не переживай. Отец прав. На меня иногда находит блажь. А теперь, когда я знаю о твоём сотовом, может, думать начну, прежде чем шаг сделать. Он у меня строгий, но справедливый.

Алексей Павлович слово своё сдержал и, собрав все документы и подписи, оформил приватизацию квартиры на имя Антона Петровича Поликарпова. В доме двух сестёр, Валентины и Надежды, Барсуков старший стал своим человеком. Он всегда приезжал с пакетами продуктов и сладостями, заполнял холодильник, угощался домашней стряпней.

С его приходом в квартире становилось шумно и будто даже тесно. Да и Федя приезжая в областной город останавливался у Поликарповых. Они чем-то скрашивали одиночество двух пожилых женщин. Но молодёжь всё время куда-то торопилась. Они так же

быстро исчезали, как и появлялись. Старший Барсуков был более спокоен и рассудителен.

Антошина любовь

Влюбился Антошенька на четвёртом курсе института. Новогодний бал. Новый курс знакомился со старшими. Он заметил девчонку, которая тихо сидела на скамеечке у стенки. Пригласил на танец. Девушку звали Наташей. Но её же увидел и Федя. Наташа училась на химико-технологическом факультете, жила недалеко от Новосибирска. На праздники ездила домой. Этот новый год решила провести с подругами.

На второй тур Антон пригласить Наташу не успел: его опередил Федя. Потом девчонка вдруг исчезла. А вскоре они уехали на производственную практику на завод Барсуковых. Не успели вернуться, как надо было готовиться к сессии. Потом короткие летние каникулы, и последний учебный, напряжённый год.

Антон иногда встречал девушку, но тут появлялся Федя, как чёрт из табакерки и разговор не получался. Антошка досадовал, но не жаловался же Барсукову старшему, что его сынок путается под ногами влюблённого умника. Сам Федя себя виновным не считал.

Диплом получен. Жизнь закрутилась. Жить пришлось в небольшом посёлке городского типа, где находилось основное литейное производство Барсуковых. Посёлок построен в советские времена, и название имел Новобазинск.

Федора отец определил в снабженцы:
— Здесь самое твоё место, сынок. У тебя хватка моя, Барсуковская.

Однажды в кругу близких людей Алексей Барсуков, как бы невзначай, признался:

— Диплом Фёдору я мог бы просто купить. Теперь это практикуется. Но, хорошо ли, плохо ли, а учебный процесс он должен был пройти, познать, что такое студенческая жизнь и труд. Может, и повзрослев масть. Тем более что ему, да и мне, повезло. Умный парень оказался рядом. Я про Антона говорю.

Антону пришлось почти сразу возглавить службу технического контроля. Федя, да и Алексей Павлович, часто использовали Антона, как эксперта, в разных промышленных отделах. Да и на рудники приходилось то ездить на машине, то летать вертолётом.

На Новогодний бал в родной институт друзья, не сговариваясь, поехали. Наташе оставалась последняя сессия и диплом. Что-то подсказывало Антону, что надо торопиться с определением: что делать?

Девушка на бал пришла и стояла в группе весело щебечущих подруг. На первый танец Федя, опередив Антона, пригласил Наташу. Они кружились вокруг ёлки, а Антон, сжимая кулаки, кусал губы.

Объявили белый танец. Наташа шла в сторону стоявших у стенки друзей. Федя, растянув в улыбке губы, уже тянул руки навстречу девушке. Но случился казус. Наташа увернулась от Фединых рук и пригласила Антона.

Антон держал девушку за руку до конца вечера, а она и не пыталась освободиться. Федя скис было, но, его быстро подхватила однокурсница Наташи, и они вскоре исчезли куда-то.

Бал подходил к концу. Антон сказал Наташе:

— Я завтра часов в одиннадцать буду прогуливаться возле вашего общежития. Может, вместе погуляем?

Не успела Наташа ответить, как её подхватили по-други, и она умчалась вместе со всеми в общежитие. Антон успел заметить её смеющиеся глаза.

Федя был уже дома и пил с бабушками Антона чай с домашними ватрушками. На Антона смотрели вопросительно. Когда Федя вернулся один, тому пришлось чуть приоткрыть завесу таинственности.

Собирался Антон на свидание под игривый взгляд Федора. Уже у порога Федя остановил друга:

— Веник не забудь купить. Ты хоть цветочный-то магазин знаешь где? Через два дома от вас. Деньги-то есть? Конечно, нету. На, а то опозоришься.

Федя достал из внутреннего кармана купюру и сунул Антону в карман пальто:

— Собственную заначку отдаю. Мне она, видать, сегодня не пригодится.

Недолго прогуливался по морозному воздуху Антон. Наташа вышла, скорее, выбежала, подхватила Антона под руку, и они отправились вдоль по улице, пока не остановились у кафе, которое чаще называли студенческим. В этом кафе Антон подписал договор с Алексеем Павловичем Барсуковым. О цветах Антон забыл. Они пили кофе с пирожными, о чём-то весело говорили. Вспомнят ли они когда-нибудь суть беседы?

Вряд ли. Им просто было хорошо вдвоём. День проскочил незаметно. В фойе общежития за стойкой дремала пожилая дежурная. Свет приглушённый. Они присели на лавочку. Наташа повернулась к Антону, заглянула в его глаза, заговорила:

— Я нравлюсь тебе? Наверное, нравлюсь. Вот только насколько серьёзно. Антоша, я говорю не просто так. Ещё немножко и я исчезну из твоей жизни. Мне уже

сделали предложение два предприятия. Мы были там на практике. Я уеду, и мы потеряем друг друга.

Если проанализировать, то история повторялась. Именно это было и у Кирилла с Валентиной Поликарповых. Наташа говорила громким шёпотом, который больше походил на крик отчаяния. Но вот шёпот сменился смехом, скорее похожим на слёзы:

— А ещё я замуж могу выйти! Вот так-то. Видел, как за мной твой друг увивался?

Пальто у Антона нараспашку. Наташа прижалась к груди юноши, словно спряталась от мира, который смотрел на них и ждал решительных действий от юноши. А юноша наклонился и стал жадно целовать мокрые от слёз щёки девушки. Их губы встретились. Антон, наконец, выдохнул:

— Так ты согласна?

Надо ли было спрашивать, на что согласна Наташа? Он пришёл домой счастливый. Блаженная улыбка влюблённого не сходила с Антошкого лица. Федя, когда они остались одни в комнате, долго ходил из угла в угол. Наконец, спросил или удивился:

— Никак не пойму: за что девчонки любят этих хиляков и очкариков? Ну, куда тебе до меня? А она выбрала тебя. Да нет, я холостяком не останусь. Но...

Он не успел договорить, потому что заговорил Антон. Он говорил словами деда, услышанными им в раннем детстве. Ему и потом, много лет спустя, казалось, что говорил не он, а его мудрый дед Кирилл. Даже интонации те же слышались в его словах:

— Ты, Федя, тела её домогался, а я всю её полюбил. И она это поняла или почувствовала.

Фёдор молчал, и Антон добавил:

— Мы скоро поженимся. Я надеюсь с твоей стороны ни обид, ни, тем более, подлости не последует?

Фёдор дёрнул плечом, зашелестели слова:

— За кого ты меня принимаешь? Да, хорошая девчонка досталась недотёпе. Но драться с тобой даже из-за неё я не стану.

Он хотнул, перевёл разговор в шутливое русло:

— Ладно, пользуйся, пока я добрый.

Антон шутку хоть и принял, но пробасил:

— Насчёт хиляка — не расслабляйся. Я восточным единоборством занимался. В армии постоять за себя умел.

Nаташа

Антон задумчиво молчал. Варвара спросила:

— Ну и как у вас с Наташей дальше-то было?

— Я ещё не надоел вам со своими откровениями? Мы с Наташой встретились после новогодних праздников.. Подали заявление и через месяц нас расписали.

— Что, вот расписали и всё? А где шумное застолье?

— Алексей Павлович настаивал на помпезном зрелище, а мы с Наташой, да и бабушки нас поддержали, устроили себе скромный праздник. Нет, белое платье с фатой у невесты и тёмно-серый костюм у жениха были. Цветы и прочее, но обошлись без излишеств.

За окном сгущались сумерки. Варвара с Антоном доедали шанежки бабы Ксюши, запивая их чаем. Антон снова говорил:

— Может, мне и впрямь повезло с Барсуковыми. Наш заводик отливал металл в чушках. Спрос на металл видимо был. И Наташе нашлась работа в лаборатории металлов. Они экспериментируют. Сибирь богата ис-

копаемыми. Вокруг столько заброшенных рудников. Копай – не хочу. Таблица Менделеева.

Антоша отнёс проводникам стаканы:

– Правда, через год она родила Петьку и, на какое-то время, вышла из строя. Да и то, ей называли, она сама звонила. Потом нашли очень добрую женщину, и она водилась с нашим наследником. А тут Наталья признала про завод в Сретинске.

– Это, в каком Сретинске? Не в Свердловской ли области? Так я там три года жила.

Антом беззвучно засмеялся:

– Вот это да! Ну да, заводик ещё в советские времена поражал своей уникальностью. Там была и есть своя литейка, лаборатория. Они выпускают из своих сталей вилы, сапёрные лопаты, причём, как они хваствуют, в основном за рубеж и своим силовикам.

– И не хваствают вовсе, а так оно и было, во всяком случае тогда, в конце шестидесятых. А ещё завод выпускал швейные иголки и инструменты.

– Варвара Михайловна, они и сейчас работают на этом же. Для Сретинска заводик, как градообразующее предприятие. Работу он людям даёт, а значит, и жизнь. Правда, там ещё подстанция есть.

Варя перебила Антошу:

– На подстанции я работала дежурным техником.

Задор в глазах Варвары сменился налётом грусти:

– И старшим техником работала и даже начальника подстанции замещала, пока он диплом защищал.

Антошка уже с удивлением смотрел на пожилую женщину, которая сообщала ему, что мужская профессия ей не только знакома, но и уважаема:

– Мы ездили туда с Наташой. Она, конечно, взяла для себя всё, что могла из опыта лаборантов старейшего

по нынешним меркам завода. Сейчас и мы экспериментируем над металлами. Кузнечный и механический цеха пытаемся оснастить. Барсуковы делают предложение силовикам, фермерам. Свой магазин открыли. А главное, мы с Наташкой два счастливых чуда или чудака. Будто дед Кирилл своё счастье мне, внуку своему, по завещанию оставил. Я так благодарен своим старикам.

Антон посерёзнее:

— Варвара Михайловна, я молодой, конечно. Про колхозы и совхозы знаю понаслышке. А надо ли было разорять эти хозяйства? Ведь фермеры уже самостоятельно кооперируются. Разве можно Россию накормить мелкими фермерскими хозяйствами? В магазине я однажды видел мясо из Бельгии.

Он опустил глаза, плечи дрогнули:

— Мне даже стыдно стало. Бельгия крошечное, по сравнению с Россией, государство. Её не на каждой карте без лупы увидеть можно. И она кормит Россию, с её необъятными просторами пахотных и пастбищных земель. А тяжёлая промышленность? Нужна государственная политика. Конечно, если выпускать продукцию, чтобы она ржавела и гнила на складах...

Антон ещё долго и много говорил по этому поводу. Варвара согласна кивала головой. Он, наконец, понял, что затронул тему болезненную, особенно для поколения Варвары. Это их родители, а потом и они, не только восстанавливали разрушенное войной хозяйство, но строили новую Россию. Он умолк, но когда хотел разговор возобновить, Варвара спросила:

— Антоша, а твоя Наташа методом твоей бабушки...

Варвара не успела договорить, Антон подхватил:

— Конечно, кержацкий диалект Наташка не знает. Семья интеллигентная. Родители учителя. Мать физик и директор школы, но предмет ведёт. Учителей не хватает. Теперь сплошь юристы. Отец скромный, спокойный литератор. В кулинарии разбирается на уровне профессионала. У них ещё два сына-школьника.

Усмехнулся собственным мыслям:

— Им бы поменяться местами. А может, так и должно быть? Очень славные люди.

Счастливая улыбка осветила лицо Антона:

— У нас с Наташей чуть по-другому, чем у моих стариков. Иногда она не успеет голову до подушки донести, как уже уснула. Я укрою её и тоже сплю. Но вот среди ночи или под утро достаёт меня жёнушка ручками, а на ушко шепчет: «Антоша, в суд подам». Это значит за неисполнение супружеских обязанностей. Я глаза ещё не расклеил, но отвечаю: «Это посмотреть надо кто на кого в суд подаст. Сама отключилась, а я виноват».

Антон смущённо улыбнулся:

— Ну, Варвара Михайловна, вы меня в краску вогнали. Правда, после этих пререканий, иногда утром и на работу бы опоздали, да наша тётя Даша, что с Петькой водится, заглянет в спальню, потом Петеньку нам подкинет в кровать, а тот и мёртвого разбудит. Соскачиваем, а на столе завтрак. Повезло нам с тётей Дашей. Тоже, как у бабы Нади, дети разъехались, а она уезжать от могилки мужа и своих родителей не хочет.

Антон, предугадывая вопросы Варвары, говорил:

— Мы с Наташей, конечно, вернёмся в квартиру деда. Вот пять лет отработаем на Барсуковых. Хотя у них и в городе есть чем заняться. Но это как пойдут дела. Хочется, чтобы мой Пётр в мою школу пошёл учить-

ся. Квартира дорога ещё и тем, что в ней словно дух моих стариков живёт и оберегает нас от всего злого. Наверное, я суеверным становлюсь. Сына в честь моего отца и прадеда назвали. Третий Пётр растёт.

Антоша прищурил близорукие глаза:

— Конечно, если тётя Даша захочет, мы её с собой заберём. Они с бабой Надей почти ровесницы. Им не скучно и нам хорошо. Квартира большая, места всем хватит. Мне кажется, Наташка от меня что-то скрывает. Больно загадочна, да улыбчива последнее время. Не ждём ли мы прибавления семьи? Значит, бабушкам и нам скучать не придётся.

Если бы стихотворение «Счастье» было написано тогда, Варвара подарила бы его Антону и Наташе.

Как осколки старинной чаши,
Разлетаются птичьи перья,
Ну, который соперник краше?
Бросив под ноги суеверье,
Глухари друг друга увечают,
Чтоб с любимой настала встреча.

Так уж мир устроен животный:
Побеждает в борьбе сильнейший.
У разумных – круг поворотный,
Иногда побеждает умнейший.
Удивляюсь себе: – За что же,
Полюбила тебя? О, Боже...

Никого нет милей и краше,
Никого нет родней на свете.
И стою с той поры на страже,
Жизни радуюсь на рассвете.
Но сомненье порою гложет:
– Заслужила ль я счастье, Боже?

И вопрос задаю: – За что же,
Одарил меня счастьем, Боже?

А тогда, в поезде, Варвара с интересом слушала Антона. Ей нравилось, что юношу беспокоят вопросы государственного устройства России. Значит, не совсем безразлично молодым, как и чем, будет жить их Государство в ближайшем и отдалённом будущем.

– Антоша, а как Барсуковы дошли до жизни такой? Федя женился или ещё ищет свою зазнобу?

Задумчивость на лице Антона сообщала, что этот вопрос и для него не совсем прост. Вот что он рассказал Варваре о своих друзьях-благодетелях.

Немного о Барсуковых

Федя женился вскоре после Антона на местной красавице, дочери тоже небедных родителей. Самое главное, что она взяла Феденьку в свои властные ручки и держит его в коготках крепко. Алексей Павлович был этим весьма доволен.

А у самого Алексея Павловича сложилась ли судьба, или он очень тщательно что-то прячет в своей душе – сказать трудно. Его так и не полюбила тёща, хотя на свадьбу единственной дочери подарила почти все акции завода в Новобазинске.

Когда рухнуло советское государство, все стали акционерами предприятий, на которых работали. А если предприятие встало? Люди продавали свои акции за бесценок, ещё и удивлялись, что кто-то зачем-то их покупает. Зачем скупала эти акции Жанна Матвеевна Веткина, вряд ли она сама ответила бы на этот вопрос.

В её руках оказались накопления, которые она держала то в рублях, то в долларах на «чёрный день». От «чёрного дня» в России никогда не зарекались. Но сё сбережения во времена неустойчивые могли рухнуть в любой момент. Покупать недвижимость? Наверное. Но ей подвернулись акции. Может, интуиция подсказала, а может, сумасбродство сыграло свою роль.

Дочь собралась замуж. Выбор дочери Жанна не одобрила, но та настояла на своём. Скорее всего, сделав свадебный подарок в акциях брошенного завода, Жанна хотела посмеяться над молодыми.

Но вскоре тёща оценила трезвый ум и железную хватку зятя. Тот попробовал реанимировать вставшее производство, и у него это получилось. Начинали с малого: ремонтировали сельхозтехнику, которую бывшие колхозники получили при делёжке их хозяйств.

Чинили старые грузовики, потом перешли на легковушки. Иномарки научились собирать, добавляя в их конструкции свои детали. Так постепенно налаживалось производство. Запустили литейный цех и стали собирать тоже брошенные рудники в общее дело.

Но зятя Жанна так и не приблизила к себе. Жила в пригороде областного центра в добротном, но не шикарном доме, к которому подвели канализацию и воду. Федю, единственного внука единственной дочери, тоже не очень привечала. Уж больно он похож был на своего папашу, особенно внешне, да и в характерах у отца с сыном особых различий не намечалось. Федя в летние каникулы обычно жил у бабушки Ксюши.

Рядом с таёжной деревней находился рудник, входивший в производственный комплекс Барсуковых.

Ксюша, добрая и простая женщина, учila Федю трудиться на огороде, собирать вместе со всеми таёжные дары. Если Федя ерепенился и добрых слов не слышал, приводила его в чувство строгим взглядом и лёгким подзатыльником.

Такую дипломатию внук понимал скорее. О бабушке Жанне Ксюша не говорила ни плохого, ни хорошего: подрастёт, сам разберётся.

Взрослый внук приезжал в таёжную деревню редко, особенно когда женился. Ксения потчевала внука деревенским хлебом, напомнила ему о подзатыльнике:

— Ох, Федюня, отбился, поди, совсем от рук-то. Некому и подзатыльника влепить.

— Ну да, из коготков моей Лидуси не сильно вырвешься. Куда твоему подзатыльнику до её ручек.

Баба Ксюша засмеялась:

— Ну, может, это то самое, чего тебе и не хватает.

Насчёт Жанны Ксюша вдруг проговорилась в этот приезд Антона на рудник, когда стряпала шанежки:

— Да какая она Жания!? Федосья она. Ну, куда нам до Федоси, мы себя Жанной назовём.

Ксения опомнилась, чуть виновато попросила:

— Ты, Антоша, Федьке не говори. Да Бог с ней, пусть Жанной будет. Всё равно, Феде-то она бабушка. Какая есть, такая и есть. Бабушек, как и родителей, не выбирают. Каких Бог послал, с теми и жить приходится. Правда, диву даюсь иногда. Ведь он единственный внук, а она от него отгородилась.

Ксения присела на табуретку рядом с Антоном:

— У меня восемь внуков, Федька самый младший. Тоже не все одинаковые, но они мои и я их люблю. У меня уж трое правнуков. Звали меня как-то Алёшка с Федей в город. Говорят, на выбор: Новобазинск или

большой город. Мол, все блага под рукой: дрова не нужны, вода всякая, краны успевай открывать. Может, и правы они. Старая за водой с ведром ходить. Только я тут родилась, рядом со стариком и закопают.

Прошаясь с Антоном, баба Ксюша глянула ему в глаза, прошептала:

— Не выдавай меня Федьке-то. Вот старая дура. Я и сама от Алексея случайно узнала. Он тут сердитый однажды приехал, под рюмашку-то и высказался. Тоже, говорит, Жанна! Документы её какис-то оформлял, паспорт понадобился, он и посмотрел. Да Бог с ними. Алёшка-то у меня молодцом оказался. Конечно, и себе выгоду имеет, но и о людях тоже думает. И городок сохранили. За это я ему многое простить могу.

Антон обнял дрогнувшие плечи пожилой женщины, а та вполголоса сообщала ему:

— Что мать может не простить чаду своему. Даже самый страшный грех разделит с ним. Молиться за него станет, скажет, что недоглядела, а значит, и вина на ней, на его матери лежит.

* * *

В вагоне давно отключили верхний свет. Варвара и Антон тихо переговаривались, лёжа на нижних полках купе. Вскоре усталость взяла своё. Они провалились в недолгое забытье. Уходил Антон рано утром. Он что-то писал на листке бумаги. Решив, что Варвара спит, будить её не стал.

А она не решилась тревожить юношу лишними охами при прощании. Антоша тихо сунул свёрнутый лист под полотенце на сетчатой полочке и вышел. Станция небольшая, а поезд всё ещё стоял.

Варвара приоткрыла занавеску, чтобы глянуть вслед Антошке. А он стоял и смотрел в её окно, словно верил в прощальную минуту. Они на миг встретились взглядами. Поезд тронулся, набирая скорость. За окном мелькали городские окраины.

Бумажка белела под полотенцем. Варя прочитала: «Спасибо вам, Варвара Михайловна, баба Варя! Мне надо было освободиться от накопившихся эмоций. Я словно увидел себя со стороны. Лучшего слушателя, чем вы, трудно найти. Спасибо!»

Последнее слово было написано крупно, размашисто, в ширину листа. Письменное послание Антона Варя не сохранила, но история, рассказанная юным попутчиком, осталась и теперь, через четыре года, томила душу, просилась наружу.

А тогда, вернувшись домой в Излучинск, она написала стихотворение «В дорогу», в котором, оставила, как памятный узелок такие строчки об Антоше.

За столиком юный попутчик

Сердечные тайны открыл.

За сутки роднее родного

Мальчишка, что рядом со мной.

И будто бы с юностью снова

Я встретилась этой весной.

В глаза через стёкла вагона

Смотрю – оторваться нет сил.

А тот, что на кромке перрона,

Мой взгляд, словно жизнь, уносил.

Варвара заметила интересную закономерность: приходит стихотворение, удивляющее её своим содержанием. И только спустя какое-то время она пони-

мает, что это память делает ей подсказку о забытом сюжете из жизни.

Так было со стихотворением «Невозможно». Тогда она вспомнила продавца книжного магазина из Дрездена. Но об этом чуть позже. Вот и с Антошой. Только через четыре года, когда она решилась рассказать миру о своих вагонных встречах-разговорах, вдруг пришло стихотворение, изумившее её своей игривостью. Она назвала стихотворение «Счастье».

А примерно через неделю в памяти возник худощавый, высокий, улыбчивый юноша в очках. Это был Антошка. Варвара ахнула и тихо засмеялась. Благо рядом никого не было. Даже суеверный холодок по телу пробежал. Опять память не давала ей спать.

Челябинск

Упоминание Антона о Сретинске вдруг взволновало Варвару. Она и хотела и не хотела побывать там, где прошли не самые лёгкие дни её жизни. Помнились слова: «Возвращаться в прошлое не надо». Почему не надо? Страх разочарования? Пусть останется это прошлое таким, каким запомнилось.

Ей вспомнилась Астрахань. Она не захотела вторично вечером сходить к дому, где жили Тырсины. А почему? Тоже побоялась встречи с неизвестностью, которая могла её разочаровать? Пусть память хранит то лучшее, что было когда-то. Вспоминая Астрахань, она корила себя за малодушие.

И всё же, ей вдруг захотелось вернуться, хоть на миг, в Сретинск, где прошли три года её жизни. В этот короткий отрезок произошло так много и хорошего, и не очень. Хотелось увидеть, сравнить. С чем срав-

нить? Разум пока не давал ответа и подсказки. Ладно, утро вечера мудренее.

В Челябинск поезд пришёл во втором часу ночи. Варя вышла на привокзальную площадь. На здании вокзала горела бегущая строка рекламы. Таксисты наперебой предлагали свои услуги.

Она побродила по плохо освещённой, немноголюдной площади и решила дождаться утра на вокзале. Она представила двор Дубровских. Кругом дома с тёмными окнами. Чужой человек за рулём такси. Да и будить среди ночи своих родственников. Пусть спят. Вот трамваи начнут ходить, тогда и подыму их.

Вспомнился Челябинск в конце пятидесятых. Она, студентка, так же ночью приехала из дома. Площадь и улица вдоль трамвайной линии освещены. И она, не раздумывая долго, пошла пешком через весь город в своё родное общежитие. Что это? Бесстрашие молодости, ещё здоровые ноги? Может, правда, времена меняются не в лучшую сторону?

Тогда она шла с чемоданчиком в руке и небольшой сумкой на плече. Шли студенты и, под тихий звон гитары, напевали песню. Шуметь в городе запрещалось. И правильно. Шли рабочие, задержавшиеся в вечерней смене. С ней пытались заговорить. Добрые улыбки, ненавязчивое предложение проводить.

Варвара вернулась в здание вокзала. На скамейках дремали люди. Она нашла место и устроилась. У стены на скамейке спал мужчина. Вдруг он скатился со своего ложа, но, так и продолжал спать на полу, подложив руку под голову. На бездомного мужчина не походил. Всё прилично, даже светлый костюм. Наверное, намаялся и отключился от мира действительности

в ожидании своего транспорта. А может, на полу ему показалось даже надёжнее. Лето. Июль месяц.

Рядом с Варей расположились молодые люди. Похоже, это были студенты. Глядя на мужчину, продолжавшего спать на полу, все вместе негромко прыснули от смеха. Варваре освободили часть скамейки и предложили подремать. Она спросила:

- А если упаду, разбудите?
- Да мы вам не дадим упасть.

Варя сняла туфли, подложила сумку под голову и задремала под мелодичный говор юношей и девушек. Видимо, и они ждали свой транспорт. Варя задремала и не слышала, когда молодёжь бесшумно исчезла. Не было и мужчины, спавшего на полу. Небо за окном заметно посветлело. Трамвайные звонки оповестили о начале рабочего дня. Варя вышла на площадь.

Минут через пятнадцать она уже подходила к подъезду знакомого дома. Переступив через порог квартиры, Варвара попала в объятия сестры. Они долго стояли, обнявшись, пока Петя не сопроводил обеих на кухню. К Дубровским Варя приезжала, как домой. Чуть позже она спрашивала себя:

- Так где твой дом?

Трудно давался ей этот вопрос. Ей всегда хотелось вернуться на её малую родину. Но её дети и внуки жили теперь в Приморье. Все трое имели работу, у всех была семья. Что ещё надо, особенно в неустойчивое время? Она понимала своим разумом, что и её место должно быть рядом с её детьми.

Но, видимо, недаром говорила бабушка Ульяна:

- Где пуп резали, туда и тянет человека в старости.

Наверное, и эти слова справедливы. Она помнила, как неистово просился домой её Санюшка в последние

свои дни. Но не было уже родных в его Щучье, куда он просился. Да и не довезла бы она его. Слишком скоропостижно ушёл он в мир иной.

Петя торопился на дачу. Сёстры остались одни. Хозяйка что-то мыла в раковине. Варвара пыталась уснуть, но это плохо получалось. На следующий день она вместе с Дубровскими поехала на дачу. На этот раз ей пришлось раскошелиться на билет.

Оказывается, теперь в Челябинске и окрестностях признавали ветеранами труда только своих, у кого в паспорте была местная прописка. В трамваях и троллейбусах кассиру предъявляли пластиковую карточку, с которой та считывала данные предъявителя.

Ещё одна зарубка на сердце. Теперь она уже не ветеран труда пусть и не союзного значения, но даже не государства Российского. И опять тревожные мысли.

Челябинск крупный промышленный центр, где все-таки теплится жизнь, и мэр города может оказать своим ветеранам посильную помощь. А если человек живёт в городе, который едва сводит концы с концами, не имея собственного бюджета?

Если подумать, Варвара заслужила своё ветеранство ещё на Украине, которая сегодня считается хоть и ближним, но зарубежьем. Значит, надо ещё спасибо кому-то сказать, что её ветеранство в Приморье считается на сегодняшний день действительным.

Грустные мысли Варвары прервал Петя:

— Что, гостьюшка, по уральской бане соскучилась?

Чему-чему, а бане Варя всегда была рада. День прокочил незаметно. Петя остался на даче, а сёстры вернулись домой. Хотелось побродить по городу с фотоаппаратом.. Варя Дубровских сказала:

— Ты по нашей «Кировке» пройдись. Молодые её Арбатом называют. Сейчас чего только не придумают.

Уловив недоумение в глазах сестры, добавила:

— Выйдешь к оперному, а там и увидишь.

«Кировка»

В студенческие годы молодёжь ходила на «Бродвей». Так негласно называли центральную часть проспекта Ленина. Там назначались свидания, там знакомились, там просто гуляли группами и в одиночку.

Арбатом называют пешеходную зону от проспекта Ленина до реки Миасс. Автомобильное движение там запрещено. Это часть старого города, где сохранились ещё купеческие застройки. Устроители современной «Кировки» сохранили внешний вид магазинов и небольших кафе. Наверное, это хорошо.

От театра оперы и балета дом Дубровских находился не очень далеко. Варя пошла пешком. Ей хотелось посмотреть, как изменился город за семь лет, что она в нём не была. Она не любила большие города за их шум, загазованность. Люди вечно куда-то спешат.

Вот и кинотеатр Родина, а там и мост через Миасс. За мостом филармония и, любимый ещё со студенчества, оперный театр. Афиши гласили, что в театре дают концерты эстрадные труппы. Театр она обошла справа и натолкнулась на памятный знак, установленный, как гласила надпись, на нулевой версте Челябинска. Это напоминание, что здесь проходил «Шёлковый путь», что Челябинск был задуман, как крепость для охраны купечества. На столбе красовался Герб города — двугорбый верблюд на фоне крепостной стены. На вершине столба двуглавый орёл — символ России до-

революционной и нынешней. Второй памятный знак – стела основателям города. Это дань уважения работникам людям, служивым казакам, офицерам и местным аборигенам. На острие стелы парит в синем небе золотой Ангел-хранитель.

Почти рядом с театром в вальяжной позе, в цилиндре, облокотившись на спинку скамейки, сидит бронзовый Пушкин. С ним можно посидеть и сфотографироваться. Напротив Пушкина, у входа в «Альфа-банк», прямо на брусчатке, скрестив босые ноги, в драных штанах устроился бронзовый нищий. Одной рукой, облокотившись на колено, он поддерживает подбородок. В другой руке зажата шапка для милостыни. Он отрешенно, но с долей любопытства смотрит на тех, кто входил в денежный дом.

А дальше, у входа в магазин, сидит чумазый, бронзовый подросток. Это чистильщик обуви предлагает услуги господам покупателям. На углу «Кировки» и улицу Коммуны ещё одно напоминание о «Шёлковом пути». Тут расположился мальчик-погонщик на отдых. Рядом с ним два верблюда: один лежит, другой стоит. Бронзовые фигуры выполнены мастерски и в натуральную величину.

Варвара не успевала поворачивать голову. Улица напоминала музей бронзовых фигур под открытым небом. Она купила набор стандартных открыток с экспонатами «Кировки». Но и свой фотоаппарат из рук не выпускала. А вот и юная кокетка смотрится в бронзовое зеркало. Её почему-то нет среди открыток. Варя обошла её со всех сторон и сделала несколько снимков.

На другой стороне улицы возле бочки с водой, подняв руку с большим пальцем вверх, стоял усатый, бра-

вый пожарный в обмундировании и каске дореволюционных времён. В шаге от него уютная скамейка, на которой можно посидеть.

У книжного магазина сидит босоногий Левша. Он чешет в затылке, мечтательно улыбается и смотрит куда-то мимо вас. В его руке сильная лупа, через которую можно увидеть подкованную блоху.

На облучке своего экипажа дремлет ямщик, по сегодняшним временам таксист. В двух шагах от экипажа бронзовая Жучка ждёт пробуждения своего хозяина, готовая вильнуть хвостом прохожим.

А вот приехавший в город крестьянин. Он с котомкой за плечом, в лаптях. Задумчиво теребит бородёнку и читает на тумбе официальную бумагу. У его ног лежит собачонка. Может, это Герасим и Муму?

Усатый, чуть раздобревший на казённой службе городовой. Он при форме, с наганом на бедре, убранным в кобуру. Он, словно охраняет покой, сидящих на старинных скамейках людей. Густая корона деревьев прикрывает их от яркого солнца. Люди и деревья живые, сегодняшние.

Странная смесь бронзы, среди праздно шагающих людей привела Варвару в хорошее настроение. Вдруг, среди фигур начала двадцатого века, она увидела сидящего на лавочке бронзового пенсионера.

Пожилой мужичок в видавших виды ботинках, в костюме, который ему явно великоват, в шляпе времён семидесятых, опирался на тросточку жилистой рукой. Задумчивый взгляд итожил дела прожитых лет. Вторая рука покоялась на коленке. Образ старика был пойман глазом опытного художника.

Пенсионера в наборе открыток тоже не было. Варя вскинула свой фотоаппарат. Рядом со скамейкой, на

которой сидел дедок, стояла урна для мусора. В момент съёмки к урне подошёл дворник в фирменной униформе, с чёрным пакетом для мусора. Этот «исторический» момент и запечатлел аппарат Варвары.

Ещё один современник увековечен в бронзе. Александр Розенбаум в солдатских ботинках, кожаной куртке с гитарой в руках поёт: – В Афганистане, в чёрном тюльпане мы молча плывём над землёй...

Надпись на открытке гласит, что десять тысяч молодых челябинцев прошли через ту войну. Пятьдесят семь из них вернулись домой в «Черном тюльпане».

Всё бы хорошо. Честь и хвала современному поколению, что чтят историю своего города. Но, на всех старинных, купеческого вида магазинах, кофейнях надписи на языке, не всегда понятном русскому человеку. И не только русскому. Иностранец тоже не поймёт эту языковую помесь. Почему мы любим удивлять мир абсурдом?

Вечером за столом заговорил Петя:

– Ну, ясно, «Кировка» удивляет всех. Не сразу заметишь прорехи. Слава Богу, мы уже на пенсии и тоже составляем часть истории. Нам ещё нет-нет, да и какие-то поблажки делают. Живут только большие предприятия и то, если это можно назвать жизнью. Мелочь оказалась нерентабельной.

Варя Дубровских пыталась остановить мужа:

– Петя, наговоришь тут всяких страшилок. И без того спать не могу.

А Петя, словно не услышал жену:

– Встречаю своих ребят, что поможе нас, – он мечтательно улыбнулся: – Совсем пацанами на завод пришли. А теперь уж и не узнал бы. Сами останавливают, здороваются. В глаза им боюсь смотреть, заре-

веть боюсь. Они ещё кое-как перебиваются с воды на квас. А их дети? Тоже бы пришли на место отцов, а придти-то некуда. Места сокращают, да и заводики прикрывают. В магазинах всё из-за бугра. Зачем своё производство держать? Накладно, говорят, невыгодно.

Он выпил глоток водки, чем-то зажевал:

— Вон у Митяя парня застрелили. По шёлковому-то пути теперь дальнобойщики свои фуры гоняют. Парни в ватаги сбиваются и грабят их. А тут в засаду попали, ну и — каюк. Нет, водителей тоже жалко. Они свой трудовой хлеб честно зарабатывают, не в бирюльки играют. Ну, и этих, что нападают — как их судить? Тоже нужда заставляет. Тут, мол, в большом городе работу найти можно.

Петя усмехнулся:

— Как баба Уля говорила? Была бы работа, а она и оденет, и обуёт, и накормит, и крышу построит, и семьёй обзавестись позволит. Всё правильно, если работа достойная. Это раньше, когда работу искали не толпой, а так, поштучно. Разнорабочий получает копейки. А если жильё съёмное? Сколько надо получать, чтобы и на жизнь ещё хватило? Крутиться не умеют? Каким волчком надо быть? Вот они волками становятся. Их стреляют, а они под пули идут. Зачем, говорят, нам такая жизнь? Вот как тут судить?

Петя уставился в столешницу, словно сам от себя ждал ответа. Успокоился, заговорил без эмоций:

— Мы в кооперативе свою квартиру строили. Да, что-то выложили. Но мне, если бы прижало, производство в помощи не отказалось бы. Тогда все предприятия своим рабочим жильё строило бесплатно. Только работай добросовестно. Можно, конечно, и в деревню вернуться. Так и деревня умирает. Не каждый решится

начать дело с нуля. Дело без денег, на голом энтузиазме теперь не подымешь. Это вы после школы на целину хотели рвануть. Только тогда всё же государство у нас было. Говорят, при Советах нас от самостоятельности отучили. Может, так и должно быть. Для чего тогда государевы люди нужны? Чтобы решать глобальные проблемы. Чтобы народ, которым они руководят, жил в достатке.

Говорил в основном Петя. Видно, наболело:

— Я не первый об этом говорю. Да, наверное, что-то было в нашей жизни не так, раз одним махом сами же и смели. Почему мы такие? Только жить начинаем по-человечески, так тут же и ломаем то, что построили.

Варвара усмехнулась:

— Может, боимся разжиреть, свихнуться от безделья? Хотя, в России до полного благополучия всегда было далеко. Почему русский человек изобретателен? Поэтому, что ему постоянно приходится напрягать мозги, чтобы выжить. Когда мы в Приморье приехали, в магазинах за мебелью очередь — конца края не видно. Посёлок молодой. В год по три-четыре дома сдавали.

Она усмехнулась своим воспоминаниям...

— Александр такую мебель смастерили из бросовых реек, ацетатного шёлка и какого-то специального клея. Я его у строителей на самогонку меняла. Друзья ходили смотреть. Удивлялись.

Ложились спать поздно. Уже в постели Варвара вспомнила, что написала стихотворение о романтиках шестидесятых. Прочитала четыре строки из него:

Романтик застенчиво лысину гладит:

— Тоска без фантазии в мире застывшем...

Конька-горбунка непременно изладит

Российский умелец в сарае прогнившем.

Синицыны

По городу Варвара походила ещё немногого. Созвонилась со своей племянницей Мариночкой, дочерью Алексея. Она заезжала к ним в восемьдесят девятом, когда возвращалась из Крыма. Марина была замужем. Двум её сыновьям-близнецам тогда не исполнилось ещё и четырёх лет. И вот совсем взрослые мужчины.

Семь лет назад она не сумела с ними повидаться. И только сейчас Варвара отыскала своих родственников по брату. Может, несуразная жизнь брата, который так и не сумел зацепиться за жизнь, ушёл из неё добровольно, мешала Варваре нормально общаться с его семьёй. Она чувствовала и свою вину перед Зоей Синицыной, женой Алексея. Одно радовало, что он оставил память о себе, доченьку Мариночку.

Встречали Варвару дружно, с улыбками и слезами. Марина оформилась в привлекательную, миниатюрную женщину. Брак свой с Петей Тихоненко она не сохранила. Может, не смог он вписаться в очередные смутные российские времена?

Можно только удивляться, как выстояла Марина. Её мальчики-мужчины имели образование, специальность, а главное работу. И сама она жила в постоянных хлопотах. Сотовый телефон на видном месте, машина у подъезда.

Зашёл разговор о Галкино. Варя в прошлый раз так и не съездила на свою малую родину. Может, устала от астраханских впечатлений. Болела нога, ушибленная ещё в юности. Хотелось съездить в село, где ей «пуп резали». Марина с Зоей переглянулись:

— У нас там родственница живёт. Ты её, наверное, не знаешь. Она работала учительницей в Галкино, но тебя она уже не учила.

Варвара так и не поняла или не запомнила, кем приходился Зое Синицыной Фёдор Тимофеевич Чистяков. Он уже умер, а его жена, Любовь Андреевна, и по сей день живёт в Галкино в своём доме. Синицыны и Тихоненко летом иногда навешают тётю Любу. Да и дети не за границей живут, и отчий дом время от времени навещают. Телефоны, проводной и сотовый, у мамы Любы есть.

Марина с Зоей обещали с Любовью Андреевной созвониться, предупредить её о приезде Варвары. Не долго думая, Варя собралась в путь. Она надеялась, что все пути-дороги в родные места остались прежними. Вот тут она ошибалась.

Пригородный поезд до Щучья шёл в удобное время. Варвара взяла билет и поехала. Она знала, что в Щучье пассажирские поезда поджидали автобусы. Правда, её предупредили, что сейчас пассажиров ждут маршрутки. Это микроавтобусы, на которых зарабатывают свой хлеб частные предприниматели.

Утилизатор химических отходов

Уже на подъезде к Щучью, родному городку Александра Егорова, её Санюшки, Варя увидела домики с разноцветными крышами. Такие строят теперь новые русские или те, кто может позволить себе загородный дом. Она удивилась вслух:

— А что новые русские в этих глухих местах забыли?

Сидевшая рядом с Варей пожилая женщина, усмехнулась. Слова нарочито грубоватые:

— Ты чо, с дерева упала илишибко нездешняя? Вроде уж и по телевизору всему свету объявили. Теперь за государственную тайну не прячутся. У нас ведь демократия! Чо хочу, то и ворочу.

Варвара понимала, что женщина говорит сердито, не желая обидеть её, случайную попутчицу.

— Да, яшибко нездешняя. На днях из Приморья приехала. Может, пропустила что-то важное. Так что это?

Женщина, выпустив пар, смягчила тон:

— А это вся Европа, та, что цивилизованная, скинулась для нас бедненьких и строит на наших землях заводик, а заодно и посёлок для тех, кто на заводике работать станет и охранять его от террористов.

На вопросительный взгляд Варвары добавила:

— Мало нам атомных могильников рядом с Челябинском, нам ещё химических могильников не хватало. Завод по утилизации химических отходов нам построят. Тьфу ты! Пока выговоришь — язык сломаешь.

Женщина отвернулась на миг, будто сердилась сама на себя. Но через минуту продолжила свою речь. Говорила громко, словно хотела до кого-то докричаться: А может, разговаривая с посторонним человеком, освобождалась от эмоций, которые не давали ей покоя.

— В Европе земли мало, а Россию можно и атомом, и химией травить. Ничо! Сдюжим!

Может, устала от собственного негодования, а может, захотелось и самой поплакаться в жилетку незнакомки, голос женщины потеплел. Речь полилась, словно обращение к силам Всевышним:

— Такие земли могут угробить. Ведь что в нашем Щучье ценного-то? Элеватор с мельницей стоят, да заводик, где огнетушители делали. Да и тот сейчас не ра-

ботает. В элеватор все ближние районы хлеб свозили для просушки и обмолота. Это же были государственные закрома. Мельница из зерна муку молола. Земель пахотных, да сенокосных сколько было? Мама говорила, что во время войны Южный Урал и Сибирь всю армию кормили. И сразу после войны эшелонами хлеб в Европу везли, помочь оказывали. Сами недоедали, а и бывших друзей-врагов не бросали. А где она теперь эта земля-то кормилица? Травой-чертополохом заросла. Ничейной стала. Стыдова, сами себя прокормить не можем. Всё, что имели сами и разрушили.

Женщина подняла к небу влажные глаза, словно оправдывалась перед кем-то или спрашивала кого:

— Зато в страхе теперь жить станем. Не приведи, Господи! Подумать страшно. А всем говорят, что надёжно и безопасно, и рабочие места, и жильё, какого ни у кого нет. Молодые сидят без работы. Вот и кинулись наперебой, чтобы эти блага не упустить. Да их понять можно. Им сегодня жить охота. На то они и молодые.

Варя слушала молча, прекрасно понимая озабоченность соседки. Поезд уже подходил к вокзалу. Женщина собиралась уходить. Повернулась к Варе:

— Ты прости меня. Слёзы, да беспокойство на тебя обрушила. Наболело, а ты под руку подвернулась.

Песчанка. Маша и Саша Чистяковы

Только на вокзале Варе объяснили, что в Галкино теперь через Шумиху ездят. Почему? У Варвары не было времени понять очередную загадку. Люди торопились занять место в маршрутке до Песчанки. Варя тоже впихнулась в переполненный микроавтобус. Адрес, где теперь жили Мария и Александр Чистяковы, у

ней был. Она решила навестить своего двоюродного брата, родного брата Вари Дубровской. Там от Песчанки до Галкина рукой подать.

Два больших красивых села, когда-то соединяло добротное шоссе. Она помнила, что у Саши Чистякова была машина. Подумала: «Если что, Сашка отвезёт меня в Галкино». Но и тут она ошибалась.

Встретили Чистяковы Варвару приветливо. Оставив своё городское жильё детям, они уехали в Песчанку, и теперь жили в доме Машиных родителей. Старики умерли, дом крепкий, огород, лес с ягодами и грибами рядом. Что ещё двоим пенсионерам надо?

Как объяснил Саша, Галкино давно не районный центр, и отходит к Шумихинскому району. А Песчанка теперь входит в Щучанский район. На просьбу Вари свозить её в Галкино, Саша ответил:

— Я бы и рад, да дороги в Галкино не только хороший, но просто нормальной нет.

— Как, всегда между сёлами было хорошее шоссе.

— То-то и оно, что было. Когда район распался на части, и автомобильная связь между сёлами постепенно прекратилась. Мостики сгнили, их никто за ненадобностью не ремонтирует. Когда сушь стоит, ручьи большие пересыхают, тогда, кому надо, и без моста может проехать. А тут сплошные дожди прошли. Значит, не пройти — не проехать. Да и мою машину уже давно на металлолом пора сдавать.

Братишко криво улыбнулся, добавил:

— У меня даже номеров нет. Я езжу на ней по задворкам, чтобы местным ментам на глаза не попасть. Ну, они меня уже знают, иногда и не видят будто. Что с нас, с пенсионеров, возьмёшь? Может, жалеют.

Выходило одно недоразумение. Чтобы одолеть тридцать километров, надо вернуться в Щучье, сесть на поезд, доехать до Шумихи и на маршрутке добираться до Галкино. В голове мелькнуло: «Где моя юность? Я бы и пешком до Галкино дошла».

Саша, словно угадал мысли сестры:

— Если бы сухо было, я бы и на своём драндулете тебя свозил. На дороге постов ГАИ нет. Чего пустую дорогу караулить? Да и по Галкино тихой сапой пробрались бы. Но, я уж говорил, дожди прошли. Ручьи разлились. Их на хорошей-то машине трудно одолеть, а моя просто утонет, захлебнётся.

На следующий день Саша, на своей машине без номеров, свозил жену и гостью на кладбище. Варя впервые видела могилки бабы Ули и дяди Максима. Могилки были рядом. Чувствовалось, что за ними присматривают. Да и надгробные тумбочки отцу и бабушке варили и устанавливали Саша Чистяков.

Песчанка и название своё получила, потому что стояла на землях песчаных. Красивейшее чистое озеро, с крутыми и пологими песчаными берегами. Сосновый бор окружал здравницу областного значения.

Там лечили лёгочников. Здравница служила ещё и профилакторием для больных, и тех, кто перенёс трудные операции на лёгких. Она сохранилась, но перешла в частные руки. Кто там лечился, или она имела теперь другую направленность, местное население могло лишь догадываться.

Погостив в Песчанке пару дней, Варя решила всё-таки добраться до Галкино. На вокзале в Щучье поняла, что сегодня если и попадёт в Шумиху, то очень поздно.

На площади стоял автобус до Челябинска. Он уходил через два часа. Варя взяла билет и вышла из здания вокзала в сторону города. Здесь она училась в четвёртом классе, здесь совсем малышкой узнала Сашку Егорова, который стал потом её судьбой.

Нет, она не решилась бы идти на окраину, где стоял дом Егоровых. Мама Катя продала его ещё в семидесятых. Есть ли он ёщё? А если есть, то кто живёт в нём? Она шагала по улице, обходила глубокие, грязные лужи. Видно, дожди прошли и здесь.

Город уныло смотрел на Варю кособокими ставнями окон. Вдали между домами виднелось двухэтажное здание школы. Она стояла на берегу озера Щучье. Что было названо первым: озеро или город?

Вот и центр. Административные здания и Универмаг сиротливо смотрели на любопытную женщину. Людей почти не видно. Варя постояла немного, вышла к железнодорожному полотну и побрела на вокзал. Тропа вдоль полотна была суще, чем дорога. Густо поросшая невысокой травой поляна радовала глаз.

Варвара приехала в Челябинск вечером, но общественный транспорт ёщё ходил. Во дворе дома, где жили Дубровские, полумрак. Она слегка оробела и пошла к знакомому подъезду. В голове прошумело: «А вдруг они на даче остались? Я ведь их не предупредила».

Галкино

Но, на ёё счастье Варя оказалась дома. Утром две Варвары поехали на дачу. А на следующий день Варя Егорова купила билет на пригородный поезд до Шумихи. Дубровские выдали ей запасные ключи.

В Шумиху Варя приехала часов в двенадцать. На привокзальной площади стояли таксисты и ловили тех, кто торопился. На автобус можно было купить билет в кассе. В сторону Галкино транспорт шёл после четырёх дня. Она вышла на привокзальную площадь. К ней подошёл молодой мужчина:

— Это вы в Галкино едете? Я через полчасика освобожусь. Могу вас забрать.

Видно, ему о Варваре сказали таксисты. Она обрадовалась. Поспешила сдать билет. Кассир радости не проявила, сняла со стоимости какие-то проценты, но остатки денег вернула. Вскоре к ней подошёл хозяин не очень крутой машины, стоявшей невдалеке.

Молча ехали недолго. Варвара молчать не умела. Заговорила стихами. Человек за рулём назывался Алексеем Банниковым. Он предприниматель. Разводит породистых овец. В Шумиху приезжал уладить дела в банке, которому задолжал. Жаловался на то, что его уже не раз просто грабили:

— Как не жалко пускать под нож элитных животных? Ума не приложу. Сами работать не хотят и другим мешают. Я на милицию давно не надеюсь. Их мои страдания не трогают.

Любовь Андреевну Чистякову Алексей не просто знал, он был её учеником:

— Ну, кто нашу Любовь Андреевну не знает? Учительница моя любимая. Я вас до самого дома подвезу. Обрадуется, поди, гостьюшке-то.

Ехали мимо пустующих полей. Алексей пояснил:

— Приехал тут один залётный, уговорил сельчан сдать ему в аренду их земли. У нас ведь после распада колхозов опять единоличники образовались. Землю располововали и дали каждому по участку. Теперь, чтобы

пахать поле техникой, надо, или купить у каждого эти клочки, или уговорить всех единоличников сдать землю в аренду. Вот не смешно?

Он криво улыбнулся и тихо добавил:

– Вовсе не смешно. Вот, чтобы мне травы для скота накосить – целая проблема.

Алексей перехватил, глянул на Варвару через смотровое зеркало и продолжил речь:

– Так вот, этот залётный, пообещал бывшим колхозникам, что он их озолотит, и работа у всех будет достойная. Когда всё оформили и общее поле засеяли, стал говорить, что надо дождаться урожая, продать его и тогда уж он все свои обещания выполнит.

Алексей криво улыбнулся, что-то проворчал себе под нос и продолжил:

– Потом, с урожаем, этот пройдоха исчез – ищи ветра в поле. А земля не просто пустует, а никто теперь не знает, что с ней делать. Может, и нашёлся бы новый председатель колхоза, и люди бы снова в колхоз объединились. Все понимают, что поодиночке в России делать нечего. Так этот гадёныш такую мороку с документами устроил, что люди готовы отказаться от своей доли, чтобы по судам не ходить. Сейчас всё денег стоит. А их нет.

Голос Алексея звучал печально. Он, словно устал от собственных размышлений:

– Вот такие мы доверчивые. Вначале беспредел допустим, потом за голову хватаемся и сами себя спрашиваем: а что делать-то? В этой чехарде пытаются разобраться наследники стариков, которые в городе живут. Надеются, что земля, как наследство, принесёт им прибыль. Заметьте, о чём бы я, да и все остальные, ни говорили, обязательно о деньгах разговор заведут.

Долго молчать он, всё же, не умел. Или с новым человеком всегда интересно поговорить:

— Вот я, предприниматель. По нынешним меркам и суждениям, вроде, и толстосум, и проныра, мол, вот сумел в этой жизни устроиться. Я шкурой чувствую, никому мы не нужны. Выдохнусь я, другой такой же, просто устанем крутиться и доказывать кому-то что-то, и коршуны, вроде этого залётного, расташат остатки наших богатств. Кто остался в сёлах? Старики, да такие, как я, что ещё надеются на что-то. Когда и мы изверимся и махнём рукой, что будет? Государство самоустранилось, банки бесчинствуют — сами себе законодатели. Кому жаловаться? Всё в частных руках.

Так, за разговорами, и доехали до Галкино. К дому Любови Андреевны Алексей подъехал шумно. Ещё на повороте просигналил отрывистыми гудками. За ворота вышла пожилая женщина. Алексей открыл дверку машины, прокричал радостным голосом:

— Гостью встречайте, Любовь Андреевна!

Высвободив своё, плотного сложения, тело из машины, Алексей обнял подошедшую к нему женщину. Хозяйку дома, видимо, предупредили о возможной гостье. Алексей что-то ещё говорил своей любимой учительнице. Варвара сунула ему в карман пиджака сотню, о которой договорились ещё в Шумихе. Тот застенчиво поморщился.

Извинение Алексея Варя не приняла:

— Алёшенька, я так благодарна тебе, что подвёз к самому дому, и за интересную беседу. Да и дом мне пришлось бы искать. Это твой хлеб тоже.

Алексей уселся за руль, помахал рукой, оставив женщинам добрую улыбку, и быстро скрылся за пово-

ротом улицы. Любовь Андреевна смотрела вслед удаляющейся машине, вытирала платком мокрые от слёз глаза. Она будто на миг забыло о своей гостье:

— Ведь озорник и шалопай в школе-то был. А один из немногих, кто остался тут с нами и что-то делать пытается. Ко мне иногда заглядывает, интересуется, может надо чего. Помогает, чем может. Ну а мы его стараемся не обирайть. Он и сам-то с трудом свои дела разгребает.

За разговорами вошли в дом. Люба показала гостью, где можно умыться, собирала на стол. Как-то сразу перешли на «ты».

— Ты как, насчёт спиртного? Я по здоровью своему не могу. Но для гостей запас небольшой держу. По молодости немного могла себе позволить, а теперь уж, видно, старая совсем стала.

Варвара от спиртного отказалась. Сидели за столом две немолодые женщины и пока не находили тему для разговора. Люба спросила:

— Поди, отдохнуть с дороги хочется, так я тебе кровать расправлю. Поди, забыла деревянную-то кровать? Дети хотели заменить её на пружинную, но я отказалась. Привыкла к ней. Диван мне всё же приволокли. Но это, для гостей. И гости-то не часто бывают. Как Федю похоронила, вроде и осиротела совсем. Может, и ссорились порой, а только, когда потеряла его, поняла, будто ополовинили меня. В этом мы с тобой схожи. Да и не только мы.

Варя попыталась вздрогнуть, но уйти, отключиться от дум, не могла:

— Люба, я лучше поброшу по улицам. Может, какие приметы тех лет увижу. Мы когда с Алексеем ехали, я многое вроде впервые увидела. Но то машина.

— Иди. На кладбище завтра сходим. И мне надо бы своих навестить. Всё не соберусь сходить. Одной на кладбище как-то тяжко. Вдвоём-то всё лучше.

Варвара шла по улице, плохо понимая, где она находится. Дорога раздвоилась, охватывая парк с двух сторон. По одну сторону от парка когда-то располагалась больница, детский сад, Райком комсомола и столовая. С другой Райисполком, Райком партии, школа. Вернее, две школы: начальная из кирпича и средняя деревянная. Там, где был детский сад, теперь сплошной стеной заросли ивняка.

Не увидела она ни столовой, ни здания райкома комсомола. Здание больницы невзрачное, будто заброшенное. За углом строение из красного кирпича. Когда-то там была колхозная контора. Что там теперь? Улица пустая. Спросить не у кого.

Там, напротив конторы, стоял дом Павла и Прасковьи Бушуевых. Это у них жила Капа с детьми, когда арестовали Михаила, до самого его оправдания и освобождения. У них жила и Варя, когда Звягины вернулись из Приморья в ноябре пятьдесят третьего года.

Часть окон административных зданий заколочены досками, часть уныло смотрели на пустую улицу давно не мытыми стёклами. Двухэтажная кирпичная школа, построенная, скорее всего, в семидесятые, радовала глаз. На самом берегу озера когда-то стоял клуб. Теперь там серели развалины.

В парке футбольное поле с воротами. Наверное, школьный стадион. Когда-то там была танцплощадка. Молодёжь вечерами встречалась на танцах. Варя, после практики на ТЭЦ в Новогорном, встретилась с Витей Леготиным, одноклассником.

Он только вернулся из армии и пришёл на танцы в армейском кителе при погонах ни то старшины, ни то сержанта. Они ушли с танцев... А через много лет пришло стихотворение, как эхо из юности.

Синим вечером, запахом ночи,
Ярким сполохом, памятью дня,
В душу глянули юности очи,
Накатили волной на меня.
Трепет нежного прикосновенья,
Как в крови молодое вино.
Озарению, жизни мгновенью
В сердце памятном жить суждено.
Пили жгучий хрусталь родниковый,
Согревались объятием рук.
Звёзды яркие, месяц подковой,
И Вселенной божественной звук.
Заблудились в берёзовой роще,
Целовались в тени у ручья,
В том, где ивушка косы полощет,
Шепчет ветру: «Я снова ничья...»

Варя решила обойти озеро и, может, увидеть дом, в котором жила во время войны. Вторую его половину занимали бабушка и две её внучки Люба и Нина Маклаковы, эвакуированные из Ленинграда. После смерти бабушки девочки жили в детском доме в Песчанке.

Был щё один дом. Его, после смерти Михаила Звягина, Капиталине с Варькой сдавали Воронины. Но на этом отрезке улицы жилые дома чередовались с пустующими. Вычислить дом Ворониных Варя не сумела. Но, разделённый на две половины дом, где она жила ещё дошколёнком, Варя, похоже, нашла.

Она сфотографировала дом. Вдоль улицы важно вышагивало стадо белых гусей. В её детстве гуси, почему-то, были серыми. Ясли из белого кирпича стояли заброшенные. И само озеро обмелело, берега топкие, тинные. Варвара обошла озеро вокруг и вернулась к Любови Андреевне.

И, правда, наверное, не стоит возвращаться в прошлое. В пору беспечного детства малыш радуется всему. Может быть, и тогда было что-то ещё более угрюмое, но ты этого просто не видел.

Тоскливоое состояние. Село словно вымерло. Насчёт школы Люба сказала так:

— Да, строили, радовались. Светлая, просторная. На семьсот человек. Теперь едва семьдесят наберётся. Отапливать и содержать такое здание, когда денег ни у кого нет, — дорогое удовольствие. Наша администрация ютится в общем здании с яслими-садом. Тоже строили уже в семидесятые. А теперь, кого нянчить и воспитывать? Тоска зелёная. Такой район был.

— А я, как школу увидела, подумала, неужели есть, кого учить? Даже вроде порадовалась.

На следующий день Варя с Любой пошли на кладбище. Ещё в Песчанке Александр сказал, что по кладбищу в Галкино лесосека прошла. Деревья вырубили. А есть там то, старое кладбище или новое где открыли, он не знает. Люба успокоила Варю.

— И вовсе не вырубили, а наоборот, почистили от старья, от сухостоя. Теперь там полный порядок. Хоть что-то хорошее сделали.

И, правда, деревья на кладбище кронами укрывали могилки сплошным зелёным шатром. Варя не надеялась найти могилу отца. Его похоронили зимой пятьдесят четвёртого годов. Полсотни пять лет назад. Че-

рез три года из Галкино навсегда уехала Капа. Кому нужны чужие заботы? У всех своих хватает.

Варвара ходила от могилки к могилке, искала знакомые фамилии. Вот ряд могил с фамилией Бушуевы, Созыкины, Леготины. Варя читала вполголоса стихотворение, посвящённое отцу:

На деревенское кладбище
Пришла с покорной головой.

Она не услышала, когда к ней подошла Люба. Она стояла сзади и слушала. Спросила:

– Сама написала?

– Сама. Ещё тогда, семь лет назад. Думала приехать сюда, да не дотянула.

Она продолжила читать свою исповедь:

О чём спросить тебя хочу я,
На что ответа не дождусь...
По жизни мыслями кочую,
Я до тебя не докричусь.

– Я тогда читала его многим. Видно не только мне было, у кого прощения попросить. Кто-то просил переписать.

Пришла к тебе с другой планеты,
Вернулась в детство босиком,
И времени того приметы
Летят гусиным косяком.

Варвара остановилась, словно собираясь с духом. Она понимала, что, читая свой стих здесь, где хоть и в

забвении, но остался прах её отца, тем самым снимает с души часть тяжести. Становилось легче. Последние, казалось бы, самые отчаянные строки читала тихо.

Зачем печаль развернула,
Зачем вернулась я сюда?
Лишь душу болью сокрушила
Несправедливостью суда...

Иногда думалось, и правда, зачем ворошить прошлую печаль? Но и не корила себя, что съездила, что решилась пройтись по земле босоногого детства.

Потом, вернувшись в свой Излучинск думала, что делала всё как-то наспех. Будто в щелку глянула и снова спряталась в свою скорлупу. А может, этого как раз и достаточно, чтобы увидеть то, что увидеть хотела. Чтобы потом, издали, обдумать то, зачем возвращалась.

А тогда, вернувшись с кладбища, Люба и Варвара сидели за столом, обедали, пили чай и говорили каждая о своём. Как много общего у русских женщин. Почему-то мужчины уходят раньше, оставляя своих любимых в одиночестве на старости лет. Варвара вдруг вспомнила Марию, свою нечаянную соседку по вагону. Её исповедь. Как схожи женские судьбы.

Люба сказала, что женский монастырь, как в шутку называла свою квартиру и её жиличек Варвара Никитична Огородникова, давно распался. Сама Варвара Никитична живёт где-то в Свердловской области. Она всё же вышла замуж уже в пенсионном возрасте.

Ольга Илларионовна Петренко, учительница немецкого языка, незаменимый худрук школьной самодеятельности, тоже чуть раньше вернулась на Украину,

на свою Полтавщину. Как можно забыть такое? Школьный хор уральского села пел украинские песни: «Рэвэ, тай стогнэ Дніпр шырокый...» Казалось, сотрясаются стены деревянного здания школы.

Варька, ещё школьницей второго-третьего класса, пробовала свой голос и выводила рулады: «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю». Ольга заметила её голос, но они вскоре уехали в своё далёкое «никуда». Вернулась она уже в восьмой класс. Ольга Илларионовна сокрушалась, что упущенное время, что голосом надо заниматься профессионально с ранних лет.

Вторая «немка», так называла Варвара Огородникова Клавдию Васильевну, молоденькую учительницу немецкого языка, похоже, нашла свою сестрёнку и уехала в Ленинград. Их с сестрой, после смерти мамы и бабушки, едва живыми вывезли из блокадного Ленинграда по «Дороге Жизни» через Ладогу. Но там сёстры надолго потеряли друг друга. Клавдия Васильевна не переставала искать сестру и надеялась на удачу.

На следующий день Любовь Андреевна проводила Варю до автобуса. Долго стояла и махала вслед маршрутке, увозившей её гостью в Шумиху.

В Челябинске, отдохнув пару дней, Варя опять бродила по городу. От дома Дубровских по мосту через Миасс можно было дойти до района ЧГРЭС. Ей снова захотелось увидеть свой родной техникум. Правда, он уже был переименован в Колледж.

Варя удивлялась нелепостям нововведений. Что меняет название? В Хабаровске институт железнодорожного транспорта стал Академией. Фу-ты, ну-ты! Может, преподавателям увеличили зарплату? Так образовательная система всегда не жирно жила.

презентации Вариной повести «На круги своя». Варя сидела в переднем ряду с букетом цветов.

На удивлённый взгляд Варвары, Леонид пояснил, что его сотовый соединён с Интернетом. Спросил:

– И что, ваши стихи и прозу можно просто скачать?

Варя ещё плохо разбиралась в возможностях Интернета, но кивнула головой:

– Наверное.

Женщины тоже записали адрес клуба. Они смотрели на Варвару с удивлением и интересом. Забегая вперед, можно сказать несколько слов об этом эпизоде. Не успела Варя вернуться домой, как ей сообщили, что на сайт Администрации посёлка в её адрес получены очень лестные отзывы о её творчестве.

Видимо, её попутчики прочитали в Интернете всё, что нашли, но куда прислать свои отзывы не знали. Администрация передала сообщения руководителю клуба. Варя была довольна, что читали не только её труды, но и всех членов литературного клуба.

Но вернёмся из паутины Интернета на землю. В Красноуфимск прибыли чуть раньше семи часов. Но в Сретинск по расписанию автобусов уже не будет. Что делать? На ночь автостанция закрывалась. Значит, ночевать даже на скамейке ей не позволят.

Правда, рядом железнодорожный вокзал. Там на лавке можно перекантовать ночь. Варя заглянула в зал ожидания. Полупусто. На душе тоскливо. Чего она не напросилась в гости на ночь к одной из тех женщин, что с удивлением слушали её стихи в автобусе? Наверное, тоже примета старости и мудрости. Кто знает, как они сами устроены в этой жизни.

Расписание автобусов до Сретинска Варя записала. Вышла на привокзальную площадь, спросила у про-

давца продуктового киоска, есть ли в городе гостиница и как её найти. Женщина утвердительно качнула головой, вышла из киоска и объяснила:

— Это здесь недалеко. Можно, конечно и автобусом, а если хотите пройтись, то держите курс на купол церковный, а там гостиницу «Родина» вам любой покажет. Наверное, на автобус опоздали?

Приветливость женщины успокоила Варвару. Она решила пройтись пешком. После длительного сидения в автобусе хотелось размяться. Гостиницу нашла без труда. Её встретили приветливо.

Цена номера на ночь оказалась приемлемой. Женщина-администратор, листая её паспорт, сидела за высокой стойкой. Варвара пригнула голову к столешнице, улыбнулась и заговорила стихами. Почему-то когда хотелось с кем-то заговорить, приходило стихотворение о Блаженных

— Уползает блаженный в печали: «Ах, душа, перестань страдать. Им великие все сказали. Что ты можешь ещё сказать?»

Женщина за стойкой писала, слушала и улыбалась. Подошла ещё одна, видимо, дежурная по этажу. А Варвара продолжала:

— Не бывает Русь без блаженных, без забытых убогих крестов, без есенинских строк нетленных, без берёз и поющих дроздов.

Обе женщины смотрели на Варвару с удивлением, улыбались. Варя спросила:

— А искупаться в гостинице можно? А чаю испить?

За отдельную небольшую плату Варе выдали ключ от душевой. Дежурная открыла шкаф, достала бельё и кинула Варваре, чтоб следовала за ней. Та, что писала, представилась:

— Меня Валентиной Никитичной зовут. В номер мы вам никого не поселим. Народу немного. Купайтесь, а чай мы вам в номер принесём.

Когда Варвара вернулась из душевой кабинки в номер, на столе стояла большая кружка с горячим чаем. На тарелочке лежали ватрушка и конфеты.

Отдохнувшая после душа и чая, Варя спустилась к женщинам, чтобы вернуть кружку. Спросила:

— Я вам за чай и угощение сколько должна?

— Это вам подарок от нас. А стихи ваши или чьи-то?

— Мои. Лягушка путешественница расхвасталась? Ну, ничего не могу с собой поделать. Чтобы отработать угощение, хотите, ещё почитаю.

Варя читала, а женщины слушали. Они долго сидели и беседовали. Валентина Никитична спросила:

— А ваши стихи как-то можно приобрести?

— К сожалению, остался один экземпляр. Но я не могу его отдать.

Обменялись адресами, телефонами. Варвара обещала непременно прислать всё, что у неё было из того, что она сумела издать. Спала спокойно. Автобус отходил в десять утра. Утром, попрощалась с новыми знакомыми, неспешно пошла на автовокзал.

Сидя в автобусе, думала и размышляла о собственном поведении. С той поры, как стала писать стихи, с незнакомыми ей людьми разговор начинался со стихов. Что это? Кто-то скажет — бахвальство, желание порисоваться перед другими. А вы так можете!? Да нет. Варя категорически отвергала это.

Ей хотелось поделиться с людьми своей радостью. Ведь она и сама удивлялась «...тихому счастью на склоне лет». Далеко не со всеми начинала такое зна-

комство. Видимо душой чувствовала тех, кто примет её слова с добной улыбкой, удивлением и интересом.

Она и корила себя за несдержанность, и отпускала кораблик сиюминутного настроения по вольным волнам. Пусть будет, как получается. Не стоит бороться с тем, что естественно и в радость исходит из её общения с людьми. Кто правильно поймёт – спасибо.

И вдруг как зигзаг молнии – догадка или разгадка её размышлений. Да, она делилась радостью творческих находок. Но это и невостребованное актёрское мастерство чтеца. Она с дошкольных лет мастерски читала стихи, многие знала наизусть до сих пор.

А потом, когда осталась одна, без Санюшки, влилась в коллектив самодеятельности и читала со сцены нерифмованные «Цветы» Солоухина, «Зодчих» Дмитрия Кедрина. Да и прозу: отрывок из «Материнского поля» Чингиза Айтматова.

Многие свои стихи она пела. И этому Варвара нашла объяснение. Её лирическое сопрано тоже не давало ей покоя. Астраханский оперный. Как глоток свежего воздуха в раскалённый от зноя полдень. Усмехнулась, если ещё и полдень астраханский. Варя всегда любила и любит оперные спектакли. Телевизионные оперные постановки не приносили удовлетворения. Ей не хватало той особой атмосферы театральной галёрки времён студенческих лет.

Когда ей говорили, что она ошиблась в выборе профессии, улыбалась и уверяла, что выбрала то, что считала нужным для себя, что её профессия дала ей огромный жизненный опыт и устойчивость жизненных позиций. Всё остальное: театр, журналистика могли принести ей разочарование. Значит, не была уверена в своём творчестве и таланте. Смеялась:

— Зато теперь навёрстываю упущенное и радуюсь тому, что не умерло во мне, а живет и греет душу. Это моя вторая жизнь.

Варя улыбнулась своим мыслям и воспоминаниям, стала разглядывать проплывающие красоты за окном. Она уехала отсюда ровно сорок лет назад.

Дорога казалась незнакомой. Варя и раньше этим путём нечасто добиралась до Сретинска. Из Свердловска самолётом сорок-пятьдесят минут — и ты дома. В молодости все куда-то спешили. За окном холмистая местность. Просторные зелёные поляны перемежались лесными колками. Берёзовые, осиновые леса пронизаны утренними солнечными лучами.

Она любила собирать грибы и ягоды в чистой прохладе пахнущей прелью и цветочным настоем. Кроны лёгким шатром над головой укрывали от жгучих лучей, но и небесную лазурь не прятали.

Для пахоты холмистые просторы может и не пригодны. Дожди смывают плодородный слой к подножью. А пасти на таких просторах Бурёнок и траву косить в самый раз. Пусто кругом. Будто вымерла Русь необъятная. Проехали небольшое село. Избы покосились, дворы нараспашку. Тоскливо на душе.

Сретинск

Но вот и Сретинск. Подъехали к автовокзалу. Невзрачное здание в центре села соседствует с вновь построенным магазином. На взгорке церковь в строительных лесах. Но маковка с крестом уже установлена. Тоже примета новой России. Куда ни глянь, всюду если не церковный крест, то хоть часовенка.

Кто-то скажет, что это хорошо. Пусть у людей хоть во что-то вера останется. Наверное, когда это не через край. Всё должно быть в меру. Есть ещё русская поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Варя узнала, что в Сретинске есть гостиница, но она частная. Слову частная Варвара улыбнулась:

— Я бы удивилась, если бы она была не частная.

Женщина, сообщившая о гостинице и показавшая как её найти, Вариной усмешки не поняла. По расписанию последний автобус в Красноуфимск уходил в четыре часа дня. Подумала: «Если не найду Малахова, поброшу по селу и сегодня же уеду. Но, а если опоздаю на автобус, заночую в гостинице».

С этими мыслями Варя стала искать ориентиры. Вот ДК. Улица Королёва должна быть ниже центральной, ближе к водохранилищу. По узкому переулку спустилась на нижнюю улицу. Дома одинаковые, двухэтажные, деревянные. Нижние этажи чуть уходят в землю. Место холмистое, в нижнем полуэтаже сырости не бывает. Некоторые дома пустуют — примета времени. Кругом ни души. Пошла вдоль улицы. Она надеялась, что вспомнит дом свёкра и свекрови.

Вроде знакомый палисад с кустами сирени. Лавочка у штакетной изгороди. В верхнем этаже в окно кто-то смотрит на улицу. Варя помахала рукой, взялась за кольцо на воротах. Собачий лай остудил её решимость перешагнуть порог во двор. Но собака на привязи.

В это время из полуэтажа вышел мужчина. Только по каким-то еле уловимым приметам Варя догадалась, что перед ней Александр Малахов. Он спросил:

— А вы кто?

Она засмеялась. Александр неуверенно произнёс:

— Варя, ты что ли?

Вошли в дом. Поднялись на второй этаж. Всё та же узкая лесенка. Чувствовалось запустение холостого пожилого мужчины. Он засуетился, было, чтобы угостить гостю чаём. Но Варя остановила его:

— Сядь, давай просто поговорим. Я обещала тебе рассказать о твоём сыне, прислать фотографии. Но вот приехала в Челябинск и решила заглянуть к вам. Как вы тут? Папа Коля и мама Женя?..

Александр потупился:

— Отца в восемьдесят пятом похоронили, а мама на десять лет его пережила. До последних дней оба жалели тебя, меня ругали, что не удержал. Ну да что теперь об этом. Один вот на старости лет. Трезорка меня ещё признаёт, охраняет.

— Твои родители в моей душе особое место занимают. Вспоминаю о них всегда с теплом. Не только ко мне, но и к старшим моим с любовью относились.

Александр начал было искать виновных в их несостоявшейся семейной жизни. Варя остановила:

— Не надо, Саша, искать врагов. Во всём только мы сами виноваты. Я, наверное, не сумела быть твёрдой и вразумительной. А ты не услышал меня.

Александр обрадовался такому объяснению. Думал, что Варя станет обвинять его во всех смертных грехах. А тут, вроде как компромисс. Он оживился. Стал рассказывать о тех, кого они знали вместе.

— Помнишь Мишку Мусихина? Ну, высоковольтники! Здорово ты тогда поставила их на место. Это ж надо! Они себя незаменимыми считали. А вы тогда со Светланой Кобзевой хорошо им нос утёрли. Там не столько Мишка, как напарник его Василий, бузил. Они потом, если рот откроют, им сразу: «Ну, вы, незаменимые, заткнитесь!» Взяли их в оборот. А то куда там!

Так о чём это я? А, так Мишка свою Евгению похоронил. Как на пенсию вышел, в родительский дом перебрался. Не хочешь встретиться?

От встречи с Михаилом Варя отказалась. С Женей она бы встретилась. Малахов опять вспоминал:

— Конёвы Мария с Павлом тоже умерли. Девчата замуж вышли, разъехались. А в родительской квартире на подстанции сынок ихний Толик Конёв живёт. Жена, дети, всё чин чином. На заводе работает.

Передохнул, поставил таки перед гостьей кружку тёплого чая. Достал из холодильника бутылку пива:

— Да, молодцы наши заводчане, хоть и акционерами как все стали, но завод не похоронили. Тем теперь и сами живут, и село заводом держится. Бараходка китайская, конечно, и у нас есть. Но главное всё же завод. Магазин собственный держат. Инструментом фирменным торгуют. В большие и малые города товар свой рассыпают. Тоже, какой-никакой доход.

Время двигалось к полудню. Варя вздохнула, сказала, что Саню Егорова похоронила тоже в восемьдесят пятом. Значит, с папой Колей они в один год ушли. Она вдруг запела тихо, печально:

— Я выдержу всё, только был бы ты рядом. Мне доли другой в этом мире не надо...

Александр слушал. Варя пояснила, что через семнадцать лет после похорон написала огромный стих:

— Неделю ревела, как корова, потом неделю плакала, а потом петь стала. Почему я всё прощала ему и шла за ним? Может, беду его душой чувствовала. Может, потому, что первой любовью моей стал, а потом и крестом на всю жизнь. Между твоим и своими сыновьями не делая различия. Иногда мне казалось, что он

Женяку любит больше, чем своих. Может, сынок наш ласковым оказался.

— А песня, что ты пела, у тебя есть?

Варя достала сборник своих стихов. Тогда это был ещё только первый. Она подала его Александру:

— На, тут пока всё, что я написала. То, что пела, тоже есть. Вот и поговорили обо всём. Мне пора. Автобус в четыре уходит. Хочу ещё побродить по селу.

Александр проводил её за ворота. Она спросила:

— Как с хозяйством справляешься? Смотрю, курочки по двору ходят и картошку, наверное, садишь?

Александр улыбнулся:

— Да помощников хватает. У меня пенсия производственная. По нынешним временам для села приличная. За бутылку друзья-приятели и вскопают, и окучить помогут. Как в селе без хозяйства? А тебе спасибо, что приехала. Я такого подарка и не ожидал.

— Тебе спасибо, что разрешил усыновить Женю без шума и проволочки. Мальчишке трудно было бы объяснить наши отношения. Алёшка, братишко мой, перед глазами, как пример. Ладно, всё прошло и всё осталось с нами.

Он сел на лавочку. Варя шла вдоль улицы. У переулка обернулась. Александр всё сидел и смотрел ей вслед. О чём он думал? Варя была довольна, что встреча прошла мирно, без разбирательств и взаимных упрёков. Она улыбнулась, сказала вслух:

— Надо же, будто два закадычных друга встретились после сорокалетней разлуки. Видимо, время снимает прошлые обиды и недоразумения. С высоты прожитых лет всё видится по-иному. Ну и ладно. Я выполнила обещание сторицей. Никакое письмо не может заменить личную беседу. Что такое письмо?

Она походила по посёлку. Достала фотоаппарат, сделала несколько снимков. Почему-то дом Малаховых, да и самого Александра снять не решилась. Правда, отобрала в семейном альбоме фотографии для сына, да и у самой не было ни одной. Саня Егоров уничтожил всё, что напоминало бы ему о временах и людях ему неприятных.

Потом нашла китайскую бараходку. Удивилась; надо же и сюда добрались. Зашла в фирменный магазин. Купила шило, чтобы сшивать брошюры со стихами. Дачный инструмент не взяла. Не захотела возиться с железом. Кто знает, куда её ещё занесёт?

Обратный путь прошёл в полуздрёме и осмыслении сегодняшней встречи. А если откровенно, то в бездумной пустоте. Не хотелось делать никаких выводов и заключений. Всё осмыслится потом.

Красноуфимск. Поезд в Екатеринбург уходил через час с минутами. Она нашла буфет. Есть не хотелось, но дорога предстояла относительно дальняя. Вагонных продавцов Варя не любила. Взяла стакан чая, бутерброд с колбасой и подкрепилась. Вышла на при вокзальную площадь. Продавщица из киоска узнала её, улыбнулась:

— Ну что, нашли гостиницу?

Варвара кивком головы и улыбкой ответила доброй женщине. Объявили посадку. Она вошла в вагон, отыскала свободное место. Вскоре поезд тронулся. Быстро стемнело. За окном мелькали тёмные силуэты деревьев, огни небольших станций.

Утихнет ветер...

В Екатеринбург прибыли во втором часу ночи. Как и в Челябинске, автобусы дальнего следования стояли не так далеко. Светилось кассовое окно. Автобус на Челябинск отходил через сорок минут. Ей пока везло на транспорт. Не раздумывая, взяла билет и присела на скамейку, чтобы не прозевать посадку.

В автобусе рядом с Варей уселся мужчина. Он долго ворочался, выбирая удобную позу. Автобус медленно вырулил на пустые ночью просторы городского шоссе. Мелькали витрины реклам. Мужчина уставился в окно. Повернулся к Варе, спросил:

— Вы из Челябинска, или в гости едете?
— Я вообще-то из Приморья. Но Челябинск считаю своим городом. Училась, и родственники живут в Челябинске. Наскребла на билет и махнула к ним в гости. Места, где когда-то работала, захотелось увидеть. Кто знает, придётся ли когда выбраться сюда.

— На Кировке, надеюсь, побывать успели. Вот что только русский человек не испохабит по собственной воле? Прошу прощения за бранное слово.

Ему, видимо, хотелось с кем-то поговорить о наболевшем. Он опять поёрзал в своём кресле:

— Нет, здорово, что Челябинск свой Арбат имеет. Да и сама идея сохранить хоть кусочек исторического облика старого города — это дорогое стоит. Нет, я не насчит才知道 капиталовложения. Хотя, это сегодня везде на первом плане. Каслинские мастера постарались на славу. Там даже не выберешь, что более ценно, а что так себе. А названия магазинов видели?

— Я даже открытки купила и сама фотографировала.

Варя плохо понимала, почему в голосе мужчины слышались нотки недовольства. Сам хвалит, заслуженно хвалит, но и сердится. А тот продолжил речь:

— Так вот, я о надписях на бывших купеческих лавках. Понимаете? Купеческих лавках! И вдруг «Музыкальный салон Amadeus», «Обувь МОНARCH», за ямщиком на магазине одежды «CAPITOL». И в то же время, я не перестаю восхищаться нашим Иваном. Кто, в какой стране может прочитать и что-то понять из помеси двух языков? Одно слово на русском, второе на немецком. А вот мы не только прочтём, но даже что-то из этой абраcadабры поймём. Почему всегда хорошее начало заканчивается грязной кляксой? Раз уж отвели под историю уголок, так и сохраните его полностью, в мелочах и деталях.

Он перевёл дыхание и снова, на той же ноте иронии и недовольства продолжил:

— А на стеклянном небоскрёбе надпись «Челябинск СИТИ»? Заметьте, всё на русском языке. Для кого это написано? Что такое СИТИ для русского человека? Я говорю о простом человеке. СИТИозвучно с ситом, решетом. А иностранец русский язык, то бишь кириллицу, скажем, не знает. Опять насмешили. Да и произносится это СИТИ как-то не звучно, не мелодично. И зачем оно нам?

— Согласна с вами. Меня это тоже тревожит. Но, может быть, это как пена в прибой. Пройдёт время и её смоет дождём. Сколько раз мы разрушали свою страну, чтобы на обломках империи построить что-то новое. Вот теперь нам кажется, что и нравы рухнули, и бесстыдство захлестнуло страну. А помните, как на гребне революции, которую сегодня называют переворотом, на улице появлялись толпы голых людей с

лентой через плечо «Долой стыд!» Где они? Не допустили. Надеюсь на русское здравомыслие. Всё проходит. Пройдёт и это. Кто сказал? Ну, вот видите.

Варвара тихо засмеялась:

— А может, все эти странности на «Кировке», как напоминание, что всё в мире меняется. Новое всегда приходит на смену старому. Ведь на той же «Кировке» бронзовый нищий сидит у современного Альфа-банка. Чистильщик обуви у магазина с пластиковой дверью и современной витриной. Рядом башня из стекла и бетона своим видом удивляет старый мир.

Она тихо, молодо засмеялась:

— А мы, в мои студенческие годы ходили на Брод или Бродвей. А это центр города и памятник Ленину напротив. Пижонство молодых, бравада. Желание чего-то этакого, ненашенского. Вкрапление нового, не всегда пока понятного, будто соединяет прошлое с настоящим. Время расставит всё по своим местам. Может, современная молодёжь будет вспоминать это время с иронией и шуткой.

Варя, будто что-то открывала сама для себя:

— Утихнет ветер, дождь пройдёт. Он смоет грязь и пенную в море. А утром солнышко взойдёт, в кустах соловушка поёт, и конь резвится на просторе. Экспромт. Со мной такое случается.

Мужчина размышлял. Варя продолжила:

— Если что-то происходит хорошее ли, плохое ли, значит это кому-нибудь нужно. Маленький Принц. Если звёзды зажигаются, значит... Но, как сказал тот же мудрец, ничто не проходит, всё остаётся с нами. Да, наверное. С нами остаётся опыт, память фиксирует миг радости или боль ошибок. Чешем лоб и снова метим головой стену прошибить. Память возвращает

боль и кричит: «Куда прёшь! Гляди под ноги!» А под ногами те, кто разбился об эту стену.

Мужчина усмехнулся, продолжил:

– А может, камни под ногами, о которые запинался уже когда-то или грабли, на которые не раз наступал.

– Чужая боль. И только собственные шишки...

Варвара не успела договорить, сосед перебил её:

– Дай Бог, чтобы вы оказались правы. Мне и самому хочется верить, что человек создан разумным не просто так. Но уж больно размашисто действуют то ли недоумки, то ли те, кому очень хочется нас изувечить. Где наши чиновники от культуры? Почему такая все-дозволенность? Или опять демократия виновата. Хотели – получите. Сплошные вопросы.

Через минуту он, словно опомнившись, спросил:

– И давно с вами такое? Ну, ваши экспромты?

Пришлось коротко объяснить ему про творческую жизнь, которую Варвара называла своей второй жизнью. Она прочитала соседу несколько стихотворений из тех, что всегда были в памяти и на языке. За окном мелькали пригороды Челябинска. Спать не хотелось.

Утро, но городской транспорт уже ходил. На при-вокзальной площади мужчину встречали. За разгово-ром они даже не познакомились толком. Он порывал-ся что-то сказать своей случайной попутчице, но его торопили, недалеко стояла машина. Мужчина всё же улыбнулся, махнул Варваре рукой и уехал.

Варя открыла квартиру Дубровских своим клю-чом. Хозяева ночевали на даче. Согрела чай, нашла в холодильнике что-то для лёгкого завтрака. На душе спокойно. Поела, легла спать. Уснула скоро. После обеда приехали Петя и Варя. Пару дней гостья вместе с хозяевами ездила на дачу, бродила по городу.

Новогорный

Автовокзал, с которого ходили автобусы до Новогорного, от дома Дубровских через дорогу. Что-то не давало Варваре покоя. Думала: «Не съезжу, буду корить себя. Может, больше и приехать-то не придётся. Сколько тебе лет? Вот то-то же. Нечего раздумывать. Съездишь, увидишь и успокоишься. А вдруг кого из прежних своих знакомых встретишь».

Первый рейс Челябинск-Кыштым через Новогорный шёл в одиннадцатом часу дня. Варя усмехнулась: знакомое название. Челябинск-40 в энциклопедическом словаре значился, как «Кыштымский ядерный комплекс». Она взяла билет и тронулась в путь. Небо хмурилось. Вскоре закрапал мелкий дождик. Он то переставал, то снова начинал бусить. Броде не осень ещё. Но с природой спорить не станешь.

Из Новогорного по расписанию можно вернуться в Челябинск с пятичасовым автобусом. Дождик притих. Варя и узнавала, и не узнавала посёлок, в котором прожила почти пять с половиной лет.

Она шла вдоль коттеджей. Её догнала женщина. Варя, будто извиняясь, заговорила:

— Сорок три года здесь не была. Чего приехала? Найду ли тех, с кем когда-то работала или нет.

— А кто они?

Варя перечисляла фамилии своих соратников по работе. Женщина остановила Варвару:

— А вот Фаттахов есть такой. Правда, я адреса не знаю. Мы мимо паспортного пойдём. Спросите.

Она указала на здание, где располагался паспортный стол, и пошла дальше. Памятая строгую секретность всего и вся в шестидесятые, Варя почти пропи-

щала свою просьбу дать ей адрес Фаттаховых. На удивление, паспортистка без лишней формальности написала на бумажке адрес и отдала его Варе.

Женщина на крыльце указала направление, где искать дом, указанный в бумажке. Дом Варя нашла без труда. Это был её дом. Тот самый, куда она из роддома принесла своих первенцев. И подъезд, и этаж. Только квартира, записанная на бумажке, располагалась рядом с её бывшей квартирой.

На стук в дверь Варваре никто не ответил. Она уже собиралась уходить. Кто-то тяжело поднимался по деревянной лестнице на второй этаж. Она глянула вниз. Тучный мужчина с лицом монгола-степняка смотрел на Варвару. Прозвучала фраза, которую когда-то чуть изменили в стихотворении о почтальоне:

— Кто стучится в дверь моя?

Догадка не успела созреть в уверенность, а Варя уже улыбалась и говорила

— Мне нужен Амирхан Салихович Фаттахов.

— Я Амирхан Салихович Фаттахов.

Возглас прозвучал, казалось, самопроизвольно:

— Сашка! Ты что ли? Ну и кабан! На улице ни за что бы не узнала!

Она смеялась, радостно подпрыгивая, словно ещё не верила, что через столько лет увидит того, кому вернула его законное имя и отчество. А Сашка-Амирхан смотрел на неё и не мог понять, кто перед ним. Варвара, продолжая смеяться, спросила:

— Что, Вареньку Егорову забыл? Неужели тоже так же изменилась, как ты? А ведь я тебя разоблачила! Сашка, да Сашка. А ты Амирханом оказался! Красивое, солидное для будущего начальника имя.

Варвара весело тараторила, а Сашка-Амирхан, приходил в себя. Он всё никак не мог опомниться:

— Вот это да! Это же надо? Через столько лет!

Он пригласил Варю в дом. Прошли на кухню.

— А я похоронил свою хозяюшку. Теперь с детьми вот живу. А у тебя Егоров-то как, жив ли?

— Саню я похоронила ещё в восемьдесят пятом.

Она прочитала ему посвящение мужу. Пришлось сказать, что в конце девяностых ушла на пенсию и нашла себя в творчестве. Заговорили о жизни:

— Мы на Украине почти двенадцать лет прожили. Потом в Приморье перебрались. Ему голова покоя не давала. Врачи говорят, что и здешний атомный сосед или хозяин, как правильнее — не знаю, помог ему в мир иной уйти. Кто из наших ещё тут живёт? А ты чего тут делаешь? На пенсии, поди, уж давно.

— Ну, насчёт меня всё правильно. Пенсионер. А вот куда этому пенсионеру податься? Кто и где его ждёт? Дети при мне. Им тоже некуда податься. Теперь жильё, если и строят, так оно нам не по карману. И с работой не разбежишься. Тут хоть крыша есть.

Варвара согласно кивала головой.

— Радиация нас не трогает. Во всяком случае, не всех. Видно, организм защиту нашёл.

Он усмехнулся:

— Знаешь, я как-то читал, что в Африке племя живёт рядом с залежами радиоактивных руд. Для обычного человека радиация почти смертельная. А им не только хоть бы что, а они, когда в другие места уезжают, то болеют и умирают. Во, загадка природы. Недаром говорят: где родился, там и пригодился.

Амирхан разливал по чашкам чай, доставал из ходильника что-то съестное. На столе стояла вазочка с печеньем. Наконец, он уселся напротив Вари.

— Спехова Стаса помнишь? Его тоже уже нет. Нинка его тут живёт. Алька Абрамов большим начальником стал. По-моему в Москве живёт. Приезжал как-то в Челябинск, к нам ненадолго заехал. Собрал всех, кто ещё был. Поговорили о жизни. Ну а те, у кого было куда смотреть удочки, давно разъехались.

Он отхлебнул остывающий чай из кружки:

— Ты Анну Вершинину помнишь? Щитовой работала. По-моему, когда вам трёхкомнатную дали, вы соседями были. Мужа похоронила, дети разъехались. Одна живёт. Я думаю, может мы, что остались здесь и живём, вроде как естественный отбор природы?

За окном всё также пасмурно. Нет-нет да начинал крапать дождь. Варя поняла, что с фотоаппаратом не походишь.

— Саш, я попробую в Челябинск вернуться. Вдруг автобус провороню, на улице не оставишь, переночевать пустишь?

Она засмеялась.

— Я неприхотливая. Вон там, в коридоре, в уголочке прикорну.

Амирхан расплылся в улыбке:

— За кого меня принимаешь? Неужели в трёхкомнатной квартире мы тебе места не найдём? Дети у меня хорошие. Конечно, возвращайся. Я дома буду.

Варвара простилась. Вышла на улицу. Устала от впечатлений, оставаться и искать Аннушку Вершинину в слякотную погоду не хотелось. Решила, если погода наладится, приедет ещё раз. Тогда и походит по посёлку, дойдёт по дороге до ТЭЦ. Сделает снимки на

Амирхан разливал по чашкам чай, доставал из холодильника что-то съестное. На столе стояла вазочка с печеньем. Наконец, он уселся напротив Вари.

— Спехова Стаса помнишь? Его тоже уже нет. Нинка его тут живёт. Алька Абрамов большим начальником стал. По-моему в Москве живёт. Приезжал как-то в Челябинск, к нам ненадолго заехал. Собрал всех, кто ещё был. Поговорили о жизни. Ну а те, у кого было куда смотреть удочки, давно разъехались.

Он отхлебнул остывающий чай из кружки:

— Ты Анну Вершинину помнишь? Щитовой работала. По-моему, когда вам трёхкомнатную дали, вы соседями были. Мужа похоронила, дети разъехались. Одна живёт. Я думаю, может мы, что остались здесь и живём, вроде как естественный отбор природы?

За окном всё также пасмурно. Нет-нет да начинал крапать дождь. Варя поняла, что с фотоаппаратом не походишь.

— Саш, я попробую в Челябинск вернуться. Вдруг автобус провороню, на улице не оставишь, переночевать пустишь?

Она засмеялась.

— Я неприхотливая. Вон там, в коридоре, в уголочке прикорну.

Амирхан расплылся в улыбке:

— За кого меня принимаешь? Неужели в трёхкомнатной квартире мы тебе места не найдём? Дети у меня хорошие. Конечно, возвращайся. Я дома буду.

Варвара простилась. Вышла на улицу. Устала от впечатлений, оставаться и искать Аннушку Вершинину в слякотную погоду не хотелось. Решила, если погода наладится, приедет ещё раз. Тогда и походит по посёлку, дойдёт по дороге до ТЭЦ. Сделает снимки на

память. Даже если и не встретит больше никого из знакомых. Прошло так много времени. Общую тему для беседы трудно найти. О тех, кого знала, ей рассказал Амирхан.

Не успела Варя раскрыть зонт, из соседнего подъезда вышел мужчина и мальчиштан лет пятинацати. Онишли к стоявшей у подъезда машине. Увидели Варвару, остановились. Мужчина спросил:

— Вам куда? Если в сторону автовокзала, подвезём.

Варя закивала головой. Она удивлялась, как много просто добрых и отзывчивых людей. Она, конечно, дошла бы и пешком до автовокзала. Внимание посторонних людей было приятно. Они могли бы пройти мимо, не заметив её. Уже сидя в машине, Варя, как бы между прочим, сказала:

— Я тут сорок три года не была.

Мужчина почти радостно воскликнул:

— Значит, в год вашего отъезда я родился. Мне в этом году сорок три стукнуло. Моя мама библиотекарем работала. Может, помните?

Он назвал фамилию, имя и отчество своей мамы, глянул на Варю выжидающе. Варя не помнила его маму. Наверное, ей в те годы было не до библиотеки. Слишком сумбурной была её жизнь в Новогорном.

Она успела на автобус. Вернувшись в Челябинск, рассуждала: что дала ей эта поездка, и чего она ждёт от следующей в хорошую погоду. Мысли ни к чему не привели. Варвара сказала сама себе:

— Если душа просит, надо подчиниться. Думать будешь дома на досуге. Пройдёт время, и ты поймёшь, что и зачем. А теперь, плыви по волнам желаний.

Деревья стали большими...

Погода прояснилась скоро. Варя снова оседлала Кыштымский автобус и поехала в Новогорный. Прямо с автобуса она направилась по дороге на ТЭЦ. Вот и дачные участки. Их дача когда-то находилась в первом ряду от дороги.

Нет, она не старалась разглядеть и угадать где тот клочок земли, что кормил их скороспелыми ягодами и овощами. Всё как-то изменилось. Но дорога на ТЭЦ была всё та же. Неширокий тротуар вдоль дороги. Сменившись в первом часу ночи, вахта дружно шагала домой по шоссе. Пели песни, смеялись, будто и не было напряжённых восьми часов работы. Молодость. Едва доносили голову до подушки и спали. Частые трёхсменки не давали расслабиться.

У тёплого канала Варя свернула налево. Захотелось увидеть берега и само водохранилище. Ивы и берёзы закрыли небо плотным шатром над тропой. Густая тень создавала прохладу. Вода тёплого канала едва слышно стекала в огромный водоём.

Что-то беспокоило Варвару. Но что? Она вышла к проходной. Вон и ГЩУ, переходный мостик, соединяющий главный щит управления с машинным залом. Где-то там находился монтёрский пункт дежурных монтёров электроцеха.

Несколько раз щёлкнув фотоаппаратом, Варя постояла немного и тихо отправилась в обратный путь. Вот и посёлок. Пятиэтажка, где она жила по соседству с Анной Вершининой. Захотелось встретиться. Лето. Ремонтники готовили к зиме отопительную систему.

Варя подошла к дому. Первый подъезд, квартира тринадцать. Остановилась в нерешительности. На балконе третьего этажа стояла женщина. Спросила:

— Кого-то ищите?

— Аню Вершинину. Не знаете, она ещё живёт здесь?

— Нет, Аннушка, как Мишу похоронила, поменялась тут с одними. Она теперь на улице Ленина живёт, в девятнадцатом доме. Квартиру не помню, ну да у дома там всегда бабульки сидят. Скажут, они народ добрый и общительный.

Увидела растерянность Вари, добавила:

— Сейчас иди на площадь, где ДК стоит. Пройдёшь площадь, смотри дом, в котором магазин, это и есть девятнадцатый. Подъезды со двора.

Варвара кивнула доброй женщине и отправилась искать Анну. Справа за изгородью начинался парк. Он и в те времена не был неухоженным. Люди ходили через него к водохранилищу купаться. Песчаный берег не нуждался в особом благоустройстве. Правда, дно иногда чистили. Была ли лодочная станция, Варя не помнила. В середине шестидесятых построили вышку для прыжков в воду.

Сейчас парк напоминал непроходимые, тёмные джунгли. Может, никто не купается, а значит, и не ходит никто. Никакого движения. Есть ли там, какие тропки-дорожки? Вот и площадь. Вдоль дороги и на площади возле памятника Ленину стояли могучие, просто огромные сосны. Дворец культуры с дороги едва проглядывал сквозь лапы хвойных великанов.

В шестьдесят шестом, когда Егоровы уезжали из посёлка, сосен ещё не было. Вот что беспокоило Варвару. За те сорок с лишним лет, что она не была в Новогорном, тут выросли огромные деревья. Уже не до-

гадка, а уверенность: значит, и тут без атома не обошлось. Быстрый рост и скорое созревание. Было бы хорошо, если бы не было во вред человеку.

Она не сразу стала искать Анну, а повернула чуть влево и вышла к больнице. Рядом с больницей тогда стояло здание роддома. И там густые заросли кустарника. Роддом смотрел на мир заколоченными окнами. Что, неужели перестали рожать? Или одни старики остались? Проходившая женщина пояснила:

— У нас теперь рожают в Озёрске. А больница, скорее в скорую помощь превратилась.

Чуть дальше от больницы красовались бетонные дома улучшенной планировки. Их строили тоже после её отъезда. И всё-таки, на душе было неспокойно. Варя повернулась и пошла к дому Анны.

У подъезда и, впрямь, сидели женщины преклонного возраста. Хотелось пить. Она спросила, не знают ли они, где живёт Анна Вершинина. Ответ последовал в несколько голосов:

— Она к своим ушла. Давненько. Скоро придёт. А вы в гости к ней, или как?

Варя сообщила, что приехала аж из Приморья, что с Аней они работали когда-то вместе, больше сорока лет назад. Добавила жалобно улыбаясь:

— Если кто-нибудь меня сейчас не напоит, я умру.

Женщины засуетились. Одна поднялась, сказала:

— Айда за мной. Чаем напою. А вы тут сидите. Аннушка пойдёт, чтоб было, кому сказать про гостью.

Они вошли в квартиру на втором этаже. Женщина назвалась Еленой. Варя тоже представилась. Прошли на кухню. Елена включила чайник. Не успела вода согреться, как Аннушка появилась на пороге.

Сразу ли она узнала Варвару? Может, минуты рассторянного молчания позволили ей вспомнить по едва уловимым приметам, по улыбке, бывшую напарнику по работе. Но вот Аннушка охнула, отступила на шаг. Говорила-тараторила:

— Вот это да! Откуда ты? Столько лет ни слуху, ни духу. Не думала я, что ещё встретиться придётся. Пойшли, пошли!

Елена уже разливала чай по чашкам. Пыталась остановить Анну, но та решительно заявила:

— Лена, это моя гостья. Чай мы будем пить у меня!

Варвара увидела на столе стакан с водой, взяла, отхлебнула глоток, улыбнулась Елене. Та развела руками: что поделаешь? Анна жила в соседнем подъезде. Квартирка небольшая, но уютная, чистая. Она быстро собрала на стол, что имела. Пили чай, что-то жевали. Варя за разговорами и не запомнила таких мелочей.

— А я ведь, Варюшка, когда авария-то произошла в пятьдесят седьмом тут жила и работала. Мои родители недалеко в деревне жили. Я тогда, ещё совсем девчонка, пришла на станцию. Жила в общежитии.

Анна вздохнула, воспоминания унесли её в далёкое прошлое. Затуманились глаза:

— Нас тогда даже не отселили. Так, за километр, наверное, в вагончиках жили. На работу и с работы возили. Не знаю, те с кем тогда работала, почти никого и не осталось. Кто уехал, кто на кладбище ютится. Здесь кадры постоянно менялись. Сашка Фаттахов, да Витя Савостин тут живут. Нина Спехова. Ей некуда податься. Она со свекровью так и не подружилась. Детей, слава Богу, родственники мужа помогли отсюда вытащить. А она, как Стаса похоронила, так всё одна. Съездит, детей навестит и опять сюда.

Анна достала альбом. Варя с интересом разглядывала фотографии прошлых лет, где все они были молоды, стройны и красивы. И опять не захотела Варя остаться на ночь. Куда она спешила? Спросила на прощание:

— Доплату за то, что атомной беды нахваталась, получаешь? Такой закон, правда, уже после Чернобыля вышел. Ты ведь в самый аварийный пик тут была.

Анна махнула рукой:

— Ну да, как же. Разбежались! А я тут прослышала, что аварию на сороковке-то считают, чуть ли не страшнее Чернобыля. Доктора наук пишут об этом.

Аннушка криво улыбнулась:

— Да ладно. Живы вот всё же. Видно, организм притёрся или порода крепкой оказалась. А вот Мишу я похоронила. А куда бежать-то было. Ребят на ноги ставили. Они летом у стариков в деревне в основном жили. В пионерские лагеря их старались отправить.

Анна проводила Варю до площади. Зашли в ДК. Тут же на первом этаже располагалась библиотека. Дверь открыта. Анна поздоровалась с женщиной лет сорока, представила Варвару:

— Маша, это Варя. Мы с ней в шестидесятые работали вместе. Она в Приморье теперь живёт, книжки пишет. Может, и про нас чего сообщит народу.

Маша хотела поговорить, но Варвара торопилась на автобус. Пообещала:

— Если что будет, через Анну пришлю.

Анна на вокзал не пошла. В Челябинск Варя приехала ещё засветло. На сей раз, хозяева были дома. Любушка с Андрюшкой уже собирались домой.

На даче у Дубровских

В тот раз, в две тысячи втором,нунуку Дубровских Андрюше было шесть лет. Теперь, через семь лет крепыш выглядел совсем взрослым. Любушка, дочь Дубровских, стройная красивая брюнетка, впервые в этот её приезд видела тётю Варю. Завтра, в субботу, назначался выезд всего семейства на дачу.

Хотелось привезти домой от Дубровских саженцы земляники «Виктория». Уж больно сладкая да крупная ягода росла на даче у Пети с Варей.

На даче истопили баньку. Сидели вечером за столом в домике. Говорили о жизни. Петя спросил:

— Как там твой Новогорный поживает? Помнишь, начало шестидесятых? Мы тогда только перебирались в Челябинск. Голод по всей России. К вам, в Новогорный, народ толпой повалил за продуктами. Сразу и родня у каждого нашлась и просто знакомые.

Варя усмехнулась:

— Наш Новогорный тогда чуть колючей проволокой не обнесли. Начальство в Москве не разрешило. Нам платить тогда больше бы стали, и статус совсем другой посёлку пришлось бы присваивать. Мы бы тогда стали частью этого атомного производства.

— Цены-то к чему подняли? И так ничего в магазинах нет. Тогда в Новочеркасске в рабочих стреляли.

— А у вас металлурги на площади Ленина митинговали. Это перед уходом Хрущёва.

Петя нахмурился, взъерошил волосы на голове:

— Вот для чего это делалось? Это же искусственно злили народ. Только ушёл Никита Сергеевич, жизнь стала налаживаться. А без этого нельзя правителя в отставку отправить, если он неправлялся? Он же в

мемуарах писал, что сам создал систему, когда простым голосованием можно в отставку отправить кого хочешь, не взирая на лица.

— Ну, так это ещё доказывать надо. Народ не поймёт смещения первого лица Государства. А так, показали всему миру, мол, вот он какой, господин Хрущёв, народ голодом чуть не уморил. В людей разрешил стрелять. А может, стреляли-то без его ведома. Должили, что по-другому не получилось.

Петя что-то смачно жевал, а Варвара продолжила:

— А Брежнев? Тоже голод устроили в последние годы его жизни. Мы в Приморье тогда жили. Как я пропитание своей семьи доставала — уму непостижимо. У мужиков на работе молочные талоны скупала. Поезд из Владивостока приходит, а женщины вагон-ресторан опустошают. Вспоминать муторно.

Откинувшись на спинку дивана, Петя рассуждал:

— А ведь Брежнев сам просился на заслуженный отдых. Больной, на таблетки с наркотиком подсел. А его не отпускают. Как же, говорят, мы без вас? Вы наш щит и меч. Не пойму я этих политиков. За власть дерутся, а у холопов чубы трещат. Будто вредительство какое. Вот, как ещё тут судить?

— Саня, когда понял, что голова у него болит ещё и оттого, что рядом с атомной свалкой пришлось жить, говорил-шутил: «Плохо инквизиция работала. Не всех умников на кострах сожгли. Пахали землю сохой, лопатами орудовали, при свечах жили. Ягоду лесную ели. Здоровыми были. Нет, им прогресс подавай!»

Варя усмехнулась, словно что-то вспомнила.

— Я, конечно, шутки его понимала. Чернобыль случился; когда я Саню уже похоронила. В стихотворении про Чернобыль написала такие строчки:

Было предпринято много попыток
В мире остаться с сохой и лопатой.
Шли на костёр, погибали от пыток,
Кто не отрёкся от мысли крылатой.

Тогда не сразу поняла, кто подсказал мне эти строчки.
А это, как эхо из прошлого. Теперь думаю, может, и
прав в чём-то был мой Санюшка.

Петю словно осенило. Говорил протяжно. Будто и
сам не сразу свою мысль понял.

— Может, и в Гулаг отправили не тех. Или те и от-
правляли, кому там было самое место. Может, они и
пишут сценарии, по которым мы сегодня живём.

В разговор вмешалась Варя Дубровских:

— Опять два политика тему нашли. Давайте спать ло-
житься. Завтра гостьюшке нашей ещё к Синицыным
надо съездить.

Варвара засмеялась:

— Знаешь, сестрёнка, когда я к младшему в гости при-
езжаю, они телевизор смотрят, я им не мешаю. Спать
ложатся, сын говорит: мама сейчас «Вести» найдёт.
Это у меня ещё от отца. Он без газеты за стол не са-
дился. Мама ворчит: Миша, хоть поешь по-людски.
Он через газету глянет на неё и снова читает.

Она весело рассмеялась:

— Когда мы в пятьдесят первом в Приморье ехали, он
в Новосибирске вокзалом любовался. Поезд долго
стоял. Потом все свежие газеты скупил. В вагоне при-
лип к ним, как голодный к каше.

Варя Дубровских улыбнулась:

— Я помню, как баба Уля, если сердилась на тебя, го-
ворила: вот Михаил-то Яковлевич. Вся в папочку сво-
его пошла. Она отца твоего никогда не любила. А как

уехали вы тогда, так она покой потеряла. До конца дней своих простить его не могла.

Домой, в Приморье

Поездки по области, хоть и скоротечные, порой сумбурные, переполняли душу впечатлениями. Варя уже скучала по своим внукам. Пора и домой собираться. Потом. Всё будет потом, когда всё уляжется, успокоится. Память всё расставит по своим местам. Вот тогда и скажешь себе: ну почему не внимательна была к тому-то и тому-то. Вот тут надо было побольше узнать и расспросить. Аи поздно.

Варвара успокаивала себя, что так уж устроен человек: он никогда не бывает доволен собой. Может, это тоже хорошо. Обратный билет взяла заранее. И правильно сделала. Лето. Кто-то едет в отпуск. Кто-то возвращается. Студенты после летних каникул собираются продолжить обучение.

На вокзал в Челябинске Варю провожала Мариончика с сыновьями на своей машине. Дубровские вышли во двор проводить сестрёнку. Авоська с супами, кашами в красочных пакетах припасена заранее. Ещё и Марина вручила свои продукты. С дачи Дубровских сумка с овощами. Варя смеялась:

— Вы куда меня провожаете? Вокруг земли что ли? Мне ехать-то всего пять суток. Не съем я всё это!

— В дороге никогда один ничего не съешь. Ты угостишь. Тебя угостят. Погоди, ещё не хватит!

Уже перед самой посадкой Марина сунула в карман Варе конвертик с купюрой. На протестующий Варин жест, Мариончика пролепетала:

— Тётечка Варечка, дорога длинная. Мало ли что.

С той поры по телефону Марина называла Варю тё-
тчкой. Варя вспомнила Богдановку. Получив отлич-
ный табель успеваемости за седьмой класс, она уезжа-
ла к родителям в Уссурку-2. Машина стояла у ворот.

Валентина Васильевна, учительницу литературы, Ленинградская блокадница, не сразу нашла общий язык с учениками. С Варей они жили под одной крышей на квартире у тёти Дуни Трегуб. Валентина присела на корточки, обняла Варьку, прошептала:

— Спасибо тебе, Варя, Варенька, Варвара. Сама не знаю за что, но спасибо. Потом пойму.

Она сунула Варе в карман старенького пиджака бумажный свёрточек, добавила:

— Это тебе. Ты отважная девочка. Сейчас ты шагнёшь в неизвестность. В дороге может пригодиться.

Это были деньги. Может, и не ахти какие, но... Пережившая блокаду и сиротство, Валентина тревожилась за Варю. Как она, ещё совсем ребёнок, доберётся до своей семьи.

А в Имане, на привокзальной площади, Варька, зайдя голову в небо, негромко, но чётко прокричала:

— Спасибо, Валентина Васильевна!

А вдруг, услышит!? Потом долго смеялась своему поступку. Но, так учила внучку бабушка Ульяна:

— Доброе слово издали услышится. Душой учется.

Как давно это было. Варя старалась жалеть молодых, не досаждать им просьбами-печалями. Понимала, что теперь, когда деньги вышли на передний край жизни, молодым приходится несладко. И всё же, она была благодарна племяннице за заботу о ней, о её тётечке Варечке. Спасибо тебе, Мариночка!

Обратный путь был более спокойным. Может, обременённая грузом впечатлений Варвара не хотела

вступать в разговоры, чтобы не растерять то важное, что ещё не успело закрепиться в памяти.

Уже за Байкалом на одной из станций поезд стоял часа четыре. На станции скопилось множество грузовых поездов. Тут же стояли поезда с цистернами. Никто не знал причину задержки.

Разговаривали тихо. Строили догадки насчёт аварийного схода, дальше размышлять не хотелось. Но тревожное ожидание скоро закончилось. Было ясно, что поезд придёт с опозданием. Она не стала тревожить сына. С ней ехала женщина из Излучинска. Проехали Хабаровск. Она успокоила Варвару:

– Я заказала такси. Нас будут ждать на станции.

Добралась Варя благополучно. Андрей ворчал:

– Чего не позвонила? Я автобус в гараж не ставил, ждал от тебя звонка. Сам пытался звонить, но ты, наверно, сотовый выключила.

Главное, землянику довезла в полном порядке. На следующий день съездили на дачу и высадили уральскую ягоду в приморскую землю. Ягода оказалась неприхотливой, принялась без всяких капризов. Летом дала хороший урожай.

И снова Варя погрузилась в свои привычные дела. Её всё чаще не брали на дачу. Она уже не так часто ездила в Партизанск и Находку.

Варвара всю жизнь собирала книги интересных ей авторов, справочную литературу. Но настало время, когда и у неё книг накопилось достаточно. А торгующие книгами малые и большие фирмы старались привлечь внимание покупателей всякими путями.

«Мир книг»

Вот и ЗАО «Мир книг» присыпало Варваре рекламные брошюры, соблазняя своим товаром.

Однажды, она решила заказать в «Мире книг» полное собрание сочинений Пушкина и Шекспира. Книги прислали быстро. Обложки, хоть и картонные, но вид имели более-менее приличный. Бумага, на которой красовались бессмертные творения великих поэтов, привела Варю в смятение: жёлтая, блеклая.

Варя, конечно, понимала, что «Мир книг» только торгующая организация, и всё же, отправила гневное письмо директору. Это было слёзное возмущение:

— Как вам не стыдно!? Разве можно экономить на святом?! Зачем вы сотрудничаете с халтурщиками!?

В феврале тринадцатого года в очередном письме с рекламой о продаже, Варя нашла рукописное послание. В нём женщина, называвшаяся Ириной, сообщала, что, превысив свои полномочия, внесла Варвару в список постоянных заказчиков, среди которых будет разыгрываться приз в полмиллиона и в миллион рублей. Для этого надо сделать у них заказ как можно скорее. Срок действия сертификата истекает пятнадцатого апреля. Варя улыбнулась и ответила Ирине.

Здравствуйте, Ирина.

Я не думаю, что своим письмом поставил вас на грань увольнения. Ирочка, я давно не малое дитя и понимаю, что такое психологический приём. Из моей устаревшей анкеты вы знаете, что мне нынче летом стукнет три четверти века. Женщины в России сентиментальны, сердобольны и ответственны.

Да, были времена, когда я нуждалась в определённой литературе. В конце девяностых я ушла на заслуженный отдых и стала писать. Издательство «Новая книга» во Владивостоке помогло мне издать пять моих книг. Это проза с вкраплениями поэтических строк.

Стихи пришли внезапно. Первые не все были приняты «на ура», но мне хватило ума разобраться в тонкостях стихосложения. Я даже, вроде, оправдательные строки написала тогда:

Не просила и не мечтала,
Да какой из меня поэт...
И хвалиться мне не пристало
Тихим счастьем на склоне лет.

Конечно, теперь я пишу стихи более профессионально, хотя великим поэтом себя не считаю, и официально свои стихи не издала. Освоила компьютер в пределах пишущей машинки.

Стихи вытаскивают меня из тупиков. Когда хандра одолевает, пишу венки сонетов. Освоила английский сонетный стиль. Он самый демократичный для таких стихоплётов, как я. Уже четыре венка написала.

Мои стихи и прозу можно найти в Интернете на Яндексе в страничке нашего литературного клуба, что существует при районной библиотеке: Недавно мне провели Интернет, но я ещё плаваю в нём, как несмышлёныш. Но вернёмся к книгам.

Я понимаю, что это ваша работа, а значит и хлеб ваш насущный. Я в своё время собирала книги. Проматривала то, что кто-то приносил в книжный магазин на продажу. Дружила я тогда и с торговой фирмой «Книга почтой», потом наткнулась на вас. Спасибо и

вам, что без задержек исполняли мои просьбы. Но теперь у меня уже нет той нужды в книгах, что раньше.

В восемьдесят шестом году ездила по путёвке в Германию, которую в те времена очень настойчиво и весьма успешно помогал объединить Михаил Сергеевич Горбачёв. Вот только собственную страну развалили тоже при нём. Там я встречала бывших своих соотечественников в хрущёвско-брежневскую оттепель сумевших вернуться на свою историческую родину. Какая тоска в глазах...

В Дрездене нашла книжный магазин народов мира. За русским прилавком стоит ухоженный, сытый немец, с правильной нашенской речью (кажется, он и думает по-русски) и в лоб задаёт мне вопрос:

— Вас ведь не интересует классика? Вам ведь клубничку подавай.

Через пару минут разговора со мной, тон резко изменился. Он говорил и говорил. Ему не хотелось отпускать меня. Подарил только что изданную книгу «Подруга французского лейтенанта», дал адрес книжного магазина в Берлине, который не все знают. Когда я писала свой первый роман-трилогию, неожиданно пришли стихи, удивившие меня своим содержанием. Думалось тогда: никого за рубежом у меня нет...

И вдруг возникли в памяти тосклевые глаза немца, книжного продавца из Дрездена! О чём он тосковал? Значит, уехал на свою историческую родину с русской душой.

И расхристаны дороги,
Всухомятку чёрный хлеб,
И оплёваны пороги
Всех вершителей Судеб.

Но из лапотной России,
Уезжая навсегда,
Обернись, скажи Мессии:
«Не забуду никогда».

Если с русскою душою
Ты уехал в благодать,
Что же сделал ты с собою?..
Невозможно передать.

Затоскуешь очень скоро,
Станешь маяться в раю
И достанешь для укора
Душу русскую свою.

А душа в кармане кукиш
Растопырит и опять
Ты забыть пытаться будешь,
Что не мог с собою взять.

Невозможно взять просторы,
Незабудок синий взор
И на общей кухне споры,
Красоту российских гор.

Не возьмёшь прохладу леса
В сенокосную жару,
Байки Вани-куролеса
На рыбалке поутру.

Штурм на Тихом океане,
Запах скошенной травы,
На Мамаевом кургане
Безутешный плач вдовы.

Приползёшь ты на моленье
В Русь немытую свою,
Чтобы вымолить прощенье
За отступ. На том стою!

Оно чем-то мне особенно дорого. Иногда сама в недоумении: за что мы любим и тоскуем по лапотной и немытой России, которая всегда куда-то, сломя голову, летит, свой народишко мордует?

А народишко «харю» утрёт, улыбнётся и снова её, нечёсаную, материю-Родиной называет. Не объяснить это никому и никогда. Если даже малая родина – Южный Урал, живёт в душе, как заноза. Тянет съездить.

Мелькают вокзалы, дорога...
Я еду в свой город родной.
А там, у родного порога,
Сама повстречаюсь с собой.

Если буду во здравии, наскребу со своей пенсии-стипендии на железнодорожный билет и махну в свой Челябинск, а там, может, и на Украину съезжу. Двенадцать лет жила в Зеленодольске, где Криворожская ГРЭС. Я по профессии энергетик. Столько добрых людей я оставила на Украине. Теперь это заграница!

Да, если бы упали мне в руки полмиллиона (а то и миллион!), я бы переиздала все свои книги, изданные мизерными тиражами, в достойном облике. Мои книги есть в библиотеках Владивостока и края.

Издатели говорят, что высылали и в Ленинскую библиотеку в Москву. Только боюсь, что нас, авторов из глубинки, сразу в подвальные запасники спускают. Если уж и классиков-то почти не читают. Что-то скрипучей телегой становлюсь. Я понимаю, что пишу в пространство. Простите уж меня. Но иногда в пространство и хочется отпустить свои ворчливые мысли.

А в мае восемьдесят шестого года прилетели из Берлина в Москву как раз на Первомай. На Красную

площадь, разумеется, не попали. Нет, это я без иронии говорю. На следующий день с подругой уехали тогда ещё в Ленинград.

Через двадцать лет я написала стихотворение, которое греет мою душу надеждой побывать в этом городе снова.

Я бегу ещё по Ленинграду,
Мне так много хочется узнать.
Я иду по городскому саду,
Необъятное хочу объять.

После Эрмитажа, Мариинки
Еду в знаменитый Петергоф,
Чтобы вдоль фонтана по тропинке
Добрести до парковых прудов.

Там вдали, на стыке моря с небом,
Финского залива полоса.
Всё узреть – и не корми нас хлебом!
Прошлого услышать голоса.

А потом опять по Ленинграду
Я спешу в театрах побывать.
И ещё билеты на эстраду
Умудрилась в переходе взять.

И спешила я и сутилась
Всюду побывать, увидеть вновь.
Я молюсь, чтоб чудо повторилось
Даже чередой прекрасных снов.

Снова в Ленинград на две недели
Мне б вернуться в город на Неве
В пору, когда листья пожелтели,
Небо утонуло в синеве.

Выйти бы на площадь Декабристов
Там, где царь на вздыбленном коне,

И любимых с юности артистов
В театральной встретить тишине.

Случится ли ещё побывать в этом городе? Даже если мечте и не суждено сбыться, я счастлива уже тем, что побывала там.

Меня всегда волновал вопрос: почему и зачем надо переименовывать старинные города, тем более в угоду сиюминутным политикам? Сегодня он кумир и божество, а завтра его поносят последними словами и топчут его имя. Это тоже плохо. К истории надо относиться с уважением. Изучать ошибки прошлых лет и стараться их не повторять.

Вот и Ленинград. Я уважительно отношусь к Владимиру Ильичу. Но этот город строил царь Пётр, великий труженик и человек. Помпезное название Санкт-Петербург считаю неправильным. Город Петра или Петроград. Это было бы самое справедливое название Великому Граду на Неве.

Зачем переименовали Царицын в Сталинград? Сегодня политики, историки и простые люди не однозначно трактуют заслуги Иосифа Виссарионовича. Была Сталинградская битва, сделавшая поворот в войне и осталась в истории, как Сталинградская. А такого города на карте России нет.

Сегодня это Волгоград. А что будет завтра? Какое имя ещё дадут этому городу? Мне кажется надо законодательно запретить это безобразие. Это только два города. А сколько таких в России?

После смены государственного строя городам возвращают законные имена. Но кто знает, в честь какого нового лидера завтра переименуют Тверь или Саратов? Это не одно и то же, когда ты сегодня Анна, зав-

тра Мария, а послезавтра Римма. Это город, притом старинный город.

И за людской род стыдно. Сегодня он своего кумира возносит, переименовывает в его честь города, а завтра, как голодный зверь терзает его имя.

Простите старую, что время отнимаю у молодых, а может, и развеселила малость? Будьте счастливы и здоровы. А деньги пусть достанутся достойному человеку. Варваре словно хотелось поделиться с людьми своим счастьем, что дарило ей её творчество. 02.2013г

На дороге перекрёстной

Варю приглашали в школы на встречу со старшеклассниками. Она начинала беседу со стихов, посвящённых внуку Стёпичке. Он тогда учился в десятом классе. Она начинала со второго четверостишия:

На пороге жизни взрослой

Ты пока ворон считаешь,

На дороге перекрёстной

Указатели читаешь.

Та, что прямо – в дебри, лесом:

Час неровен заблудиться.

Влево – только «Мерседесом»:

Страшно – как бы не разбиться.

Вправо – светлая дорога –

Со цветами у обочин.

Нет и царского чертога.

Пеший люд идёт, рабочий.

Слушай, внук, отца советы

И не хмурь напрасно брови.

Он на всё найдёт ответы,

Вы с отцом единой крови.

Ребята, да и учителя слушали с интересом. Многие улыбались. А Варвара, закончив читать стихотворение, продолжала свою мысль:

— Я ведь почему это стихотворение вам читаю? Мой внук ваш ровесник, и мне понятна озабоченность ваших родителей и учителей. Вы, конечно, считаете себя взрослыми. И это правильно. Но ваши родители прожили длинную жизнь, имеют опыт. Они растили вас с пелёнок и, наверняка, знают ваши наклонности и способности. А учителя, что шли с вами из класса в класс, тоже знают, что у вас лучше получается.

Варвара пытливо глядела на притихших взрослых детей и продолжала свою речь:

— Уж поверьте мне, ни родители, ни учителя вам плохого не пожелают. Так что, прислушивайтесь к их мнению. Хотя, если уверены, отстаивайте и свою точку зрения. Это называется проявить характер. Именно характер, а не упрямство, когда человек, не хлебнувший лиха всласть, готов делать всё наперекор здравому смыслу. Да и времена теперь другие.

Ребята глядели на Варвару, рассуждающую с ними, как с равными, а она продолжала:

— Почему я о временах заговорила? Всё течёт, всё меняется. Моё поколение без страха и оглядки на состоятельность своих родителей выбирало себе профессию. Да, пропаганда имела свою силу. Почему я, девочка из села, выбрала себе рабочую профессию? Стране нужны были специалисты-технари, и все фильмы того времени показывали жизнь заводской молодёжи. Мы росли мечтателями, и нам было не страшно. Это один сонет из моего венка о школьниках моего поколения.

Сердце забилось набатом тревожным.
Юность прекрасна, взгляд в даль устремлён.
Словно природы Закон непреложный:
Каждый в мечту непременно влюблён.
Идеология: книги, газеты,
Форма рабочая в жизни, в кино.
В комбинезоны девчата одеты,
В светлую жизнь прорубили окно.
Дочь воспитателя детского сада
(озеро, лес, где поют глухари),
Словно овечка огромного стада,
Вместе со всеми пошла в «технари».
Всё заслонила мечты красота:
Мысли-сомненья – сует-суета.

Варвара сделала паузу и снова заговорила:

– Я не хочу принизить ваше время. Но теперь, когда не так просто поступить в учебное заведение на бюджетной основе, всё упирается в возможность родителей оплатить ваше обучение. Даже если вы получите диплом техникума или институтский, надо ещё найти работу по специальности. А это тоже проблема. В моё время у молодого специалиста было столько прав, что сегодня об этом можно лишь мечтать. Поэтому, дорогие мои, согласуйте свои желания с реалиями жизни.

Вопрос задал юноша:

– А вот вы получили рабочую профессию, а сегодня пишите стихи и книги. Может, надо было сразу идти на литератора учиться?

– Кто знает? Может, тогда литератор из меня и не получился бы. Я любила выбранную мною профессию. А теперь, когда за плечами жизненный опыт, я могу позволить себе работу для души.

Варвара задумалась на миг:

— Но это требует определённых знаний. Ещё с детства я очень много читала. Это мне помогает грамотно излагать свои мысли. Может, ещё надо с чем-то родиться. И сегодня я не перестаю учиться. У меня много справочной литературы. Неплохая домашняя библиотека. Толковые словари трёх авторов. Энциклопедический словарь.

«Материнское поле»

Однажды она говорила с пятиклассниками в читальном зале районной библиотеки. Её попросили поговорить с подростками о своём творчестве. А Варвара начала речь не совсем обычно:

— Я хочу сегодня поговорить с вами об очень хорошем, а главное талантливом человеке и писателе. Это Чингиз Айтматов. Он киргиз по национальности, но писал свои книги на киргизском и русском языках. Его проза напевна и неповторима. Я прочитаю отрывок из его повести «Материнское поле» в сокращении.

Варвара поднялась со стула и стала читать:

— Мать-земля, почему не падают горы, почему не разливаются озёра, когда погибают такие люди, как Суванкул и Касым? Скажи мне, мать-земля, скажи правду: могут ли люди жить без войны?

— Ты задала трудный вопрос, Голгонай. Были народы, бесследно исчезнувшие в войнах, были города, сожжённые огнём и засыпанные песками, были века, когда я мечтала увидеть след человеческий. Когда люди затевали войны, я говорила им: «Остановитесь, не проливайте кровь! Эй, люди, за горами, за морями! Что вам нужно — земли? Вот я — земля! Мне нужна

ваша дружба, ваш труд! Бросьте в борозду одно зерно – и я дам вам сто зёрен. Воткните прутик – и я выращу вам чинару. Разводите скот – и я буду травой. Стройте дома – и я буду стеной. Я бесконечна, я безгранична, я глубока и высока, меня для всех хватит сполна!» Могут ли люди жить без войны? Это не от меня – от вас, от людей, зависит, от вашей воли и разума.

– Спасибо тебе, земля, на том. Значит, ты так же тоскуешь о них, о тружениках своих, как я, так же оплакиваешь их, как я. Спасибо тебе, земля.

Варвара остановилась и ещё какое-то время смотрела выше голов притихших ребят, словно возвращалась из дали дальней. Потом заговорила:

– Прозу Ченгиза Айтматова надо читать наедине с самим собой. Я читала отрывок со сцены нашего ДК и ДК железнодорожников в конце восьмидесятых во Владивостоке. На угольном разрезе и на ГРЭС жива была художественная самодеятельность. Не чудаковое кривляние на сцене, а настоящая художественная самодеятельность. Жаль, что-то по-настоящему ценное уходит из нашей жизни.

Потом Варя говорила с ребятами и о своём творчестве. Читала им свои стихи. А дней через пять она шла по тротуару. За ней в припрыжку, весело переговариваясь, двигалась группа ребят. Вдруг от них отделился мальчуган. Он опередил Варю и, пятясь, глядя на неё с улыбкой во всё лицо, заговорил:

– Здравствуйте! Мы к вам в библиотеку приходили. Помните? Вы нам стихи читали.

Мальчуган уловил понимающий взгляд Вари:

– Как пишутся стихи, я знаю. А как пишется проза?

Варвара сдержала себя, чтобы не засмеяться. Уж слишком прямодушен был вопрос:

— Проза пишется опытом. Только жизнь может дать тему для прозы. Стихи тоже не любят пустословия. В твоём возрасте можно сложить строчки о том, что ты видишь вокруг себя. А серьёзная тема приходит с годами. Но, навыки к написанию стихов ли, прозы ли прививает школа. Умей быть не просто любопытным, но и любознательным.

Девчонки и мальчишки, что шли сзади, присоединились к своему товарищу и тоже слушали рассуждения Вари. Вот они, словно стайка воробьёв, смеясь и подпрыгивая, понеслись дальше по дорожке.

Мальчишка ещё раз оглянулся, но его увлекли за собой остальные. А у Вари осталось доброс чувство от этой неожиданной встречи. Значит, и её зерно проклонулось в юной душе. Кто знает, может и полноценным колоском когда-то прорастёт и созреет.

Варю узнавали, здоровались, пытались заговорить, улыбались. Это придавало ей уверенности, что её творчество не бесцельно, что оно кому-то нужно.

Спеши́те говори́ть друг другу...

Именно — «спеши́те». Варвара не напрасно слегка перефразировала слова Булата Окуджавы. Как часто то, что надо было или хотелось сказать, сказать уже не кому. Впервые Варя встретилась с Лебедевым Виталием Константиновичем, в ноябре восемьдесят первого года, когда привела сына-семиклассника в школу. Второй раз она встретилась с завучем школы, которую окончил её сын, более чем через двадцать лет.

В литературном клубе, её привёл поэтический суд, Виталий Константинович считался творческим редактором. Не сразу между Варей и Виталием Константи-

новичем сложились дружеские отношения. Ей трудно было представить себя рядом с педагогом, поэтом, стихи которого она читала в «Победе».

Поколение Вари трепетно относились к Учителю. Но со временем, что-то стало меняться в их отношении. Виталий Константинович видел желание Вари постичь хотя бы азы стихосложения. И однажды наградил её словами:

— Вы умеете учиться и это похвально.

Не сразу поняла Варя смысл этих слов. Но эту фразу, слово в слово, ей повторила Ия Анатольевна Пермякова, женщина строгая, не всегда компромиссная. Может, именно эта строгость в оценке её творчества, была дорога Варваре. Она считала её своим главным Учителем на литературном поприще.

Пришло время, когда, проверяя материал для очередной литературной странички, Виталий Константинович произнёс ещё одну фразу:

— Варвара Михайловна вне критики.

Эти слова Варвара приняла как ещё одну ступень признания её творческих работ. Она даже осмеливалась не только спорить с шефом, но и сама делала ему замечания. Правда, она всегда говорила с ним скорее просительно, но и настойчиво. И шеф соглашался с её точкой зрения.

Что Виталий Константинович серьёзно болен, знали немногие. На заседания клуба он приходил в бодром состоянии духа. На презентациях они с Варварой обменивались стихотворными поздравлениями. Она читала его стихи, вкладывая мастерство и душу.

Две тысячи одиннадцатый год. Вышла очередная книга Варвары. Она знала, что Виталий Константинович вернулся из Владивостока, где прошёл курс лече-

ния в больнице. В народе её называли тысячекоечной. Отнесла в библиотеку книги с автографами членам клуба и возвращалась домой.

В центре посёлка у детского парка она вдруг встретила шефа. Он, увидев Варвару, издали распахнул руки. Улыбаясь во всё лицо, Виталий Константинович шёл ей навстречу. Варя никогда не видела его таким. Она подыграла ему. Раскинув руки, встретила его объятия. Они постояли немного обнявшись. Варвара защебетала:

— Так, у меня с собой ещё экземпляр есть. Возьмите. Та, подписанная вам, в библиотеке. Презентация состоится в начале ноября. Дату потом скажу, отдельно. А пока читайте, чтобы знали, что сказать.

Она говорила, а он смотрел на неё и, всё также, улыбался. Варя не знала ещё, что это их последняя встреча. Но она благодарна судьбе за этот подарок, что встреча была именно такой.

Он уже не пришёл на презентацию Вариной книги. Его не стало восемнадцатого ноября две тысячи одиннадцатого года. Осталось чувство сожаления и недоумения. Может, что-то важное осталось не сказанным. Думалось — успеется. И вот — не успелось. Уже там, провожая его в последний путь, пришли слова:

Нельзя откладывать на завтра,
Что можно высказать сейчас.
И не сплеча рубить с азартом,
От возмущенья накаляясь.
Сказать по-доброму, с улыбкой,
Чтоб растопить сердечный лёд.
Дипломатично, тонко, гибко
Отправить речь свою в полёт.

Именно дипломатичности, тонкости и гибкости порой не хватает нам в наших спорах, беседах с нашими близкими, товарищами по общему увлечению. Да, не всегда сразу складываются дружеские отношения. Но у них они сложились.

Варя благодарна Виталию Константиновичу за его принципиальность. Он помогал новичкам вырабатывать характер. А это, может быть, и есть то главное, что заставляет человека не почивать на лаврах, а работать. Там, на кладбище, кроме стихов она сказала, обращаясь ко всем:

— Конечно, литературный клуб «Ласточка» осиротел. Найдём ли мы силы продолжать своё дело или распадётся наше гнёздышко, будет зависеть только от нас. Это будет проверка на стойкость, на наличие или отсутствие характера в каждом из нас. На желании идти вперёд, учиться и познавать. От лица соклубников я обещаю, что мы сохраним литературное содружество, сохраним ту творческую дисциплину, которая неуклонно присутствовала, когда творческим руководителем был Виталий Константинович. Только когда человек уходит навсегда, понимаешь всю горечь и невосполнимость огромной утраты. Сама его жизнь, опыт и творческое наследие будут служить нам примером. А оставил он немало.

Но, как показала жизнь, не всегда можно заменить человека, авторитет которого был неоспорим. Интернет буквально засасывает молодые, порой, очень талантливые умы. Творческая молодёжь живёт в сетях Интернета. Что это? Новое веяние или временное помешательство на модном нововведении?

Варвара пыталась взять на себя роль творческого редактора, но не была понята и услышана. Было горь-

ко думать, что слово, данное Виталию Константиновичу, она может не выполнить.

Думалось, может, не заметила, как отстала от жизни. Может, наступила новая эра, где будет повелевать умами и душами человеческими его величество Интернет? Было грустно. Она никогда не была ханжой. Старалась идти в ногу со временем. Но, наверное, всему приходит замена. Варя написала такие строчки:

Как будто в миг один сменилось всё на свете.
Уходит старый мир в страну волшебных снов.
А «Ласточки» мои сегодня в Интернете
Вьют гнёзда в кружевах мне не понятных слов.
Родник, дававший мне живительную влагу,
Источник вдохновения уходит в глубь души.

После этих строчек она долго сидела, опустив голову. И вдруг пришли ещё строчки, которыми она попыталась пристыдить себя за временную слабость:

Но сбрасываю с плеч усталость, как сермягу:
– Ты списывать себя, пожалуй, не спеши.

Хотелось верить, что пену смоет дождём и снова выгляднет солнце. Она уважительно относилась к соратникам по перу и надеялась, что, переболев Интернетом, молодёжь поймёт, что в жизни есть вечные ценности.

Литературный конкурс

Лето две тысячи тринадцатого года. Департамент культуры, в честь семидесятипятилетия образования

Приморского края, объявил конкурс для непрофессиональных литераторов. Это известие всколыхнуло и членов литературного клуба «Ласточка». Почти всем захотелось принять участие в этом мероприятии, которое не так уж часто случается.

Принималась и поэзия, и проза. Организаторы конкурса чётко определили временные рамки, возрастные категории и тематику. Работы нужно было отослать во Владивосток, как в электронном, так и в печатном виде. Шесть человек подготовили свои работы и отослали вовремя. Но вот хлопоты позади. Осталось ждать, что будет дальше. В двадцатых числах октября конкурсантам получили приглашение на церемонию награждения победителей этого литературного конкурса. Торжественное мероприятие назначили на первое ноября. Не все смогли воспользоваться приглашением. Поехали трое. В том числе и Варвара.

Началась церемония с вручения благодарственных писем всем руководителям литературных объединений. Это было здорово! Отмечались заслуги людей, бескорыстно и свято отдающих своё время, сердечную доброту из любви к литературе, к людям, которые нашли себя в творчестве.

Все руководители были названы поимённо. Им вручали благодарственные письма и прекрасные розы. Лилия Анатольевна Останина поехать во Владивосток не смогла. Пришлось Варваре, как представителю клуба «Ласточка», принимать письмо и цветы, ещё и рукопожатие, озарённое доброй улыбкой от почётного представителя оргкомитета, члена Союза писателей России, Бориса Лапузина.

Во время награждения, в небольшие паузы звучали музыкальные номера: соло на скрипке и саксофоне,

песенные номера. Очень торжественно отметили своих лауреатов и дипломантов, приславших работы на морскую тематику, представители МГУ имени адмирала Г.И. Невельского.

Пожалуй, больше всего наград получила возрастная категория до четырнадцати лет и чуть старше. Наверное, это тоже веяние времени: подрастает новое, талантливое поколение. Всем конкурсантам вручили Сертификат участника литературного конкурса, подарили альманах «Литературное Приморье» за 2013 год.

Но, может быть, не менее интересно прошла вторая часть встречи. Всех присутствующих на торжественной церемонии пригласили в просторный зал, где на длинном столе красовались вкусности, не менее съедобные, чем у Леонида Якубовича на передаче «Поле чудес».

Стояли фужеры с шампанским, можно было выпить кружку горячего чая и кофе, отведать деликатес по вкусу и по зубам. И это, пожалуй, было кстати. Многие конкурсанты прибыли на торжество прямо с колёс, или, как говорится, – «с корабля на бал».

А самое главное, съехавшиеся со всего Приморья писатели и поэты могли пообщаться друг с другом в непринуждённой обстановке. Улыбки, говор, негромкий смех. Кто-то узнавал друг друга, обнимался, хлопал дружески по плечу. Кто-то впервые встречал того, с кем был знаком по переписке или телефону.

Интересно было наблюдать за юными дипломантами. Впервые оказавшись на серьёзной для их возраста церемонии, совсем ёшё дети старались быть важными. Но их серьёзность осталась там, в церемониальном зале. Детская непосредственность вскоре взяла верх.

И Варя встретила двух своих хороших знакомых. С Верой Гундаревой, поэтессой из Артёма, членом Союза писателей России, она встречалась не единожды. А вот Вера Аксёнову из Сибирцева, пишущую прекрасные стихи, знала только по переписке и фотографиям.

В «Арсеньевских вестях» она вела рубрику «Гостиная Веры Аксёновой». В январе две тысячи восьмого года она познакомила читающую публику с перечнем изданных к тому времени Вариных книг, опубликовала её письмо к ней и главу из повести «Подснежники» про бабу Грунью. Это заняло целую страницу в газете. И только здесь Варя встретилась с ней лицом к лицу. Конечно, радости не было границ.

Многие из приехавших на торжество также встречали своих друзей, знакомились вновь, обменивались книгами, наработками, оставляли друг другу адреса, телефоны. Наверное, такие редкие и нужные встречи оставляют в сердцах незабываемые впечатления. Эта статья Вари была опубликована в газетах «Победа» и «Ударный фронт».

Опять забытая история

Но спокойно жить Варвара не умела. Весть о том, что почти рядом с Владивостоком задумали построить кладбище ядерных отходов, вззволновала многих.

В районной газете «Победа» вышла статья, которая называлась «Кладбищу ядерных отходов не место в Приморском крае». После официальных данных опубликовалось мнение представителя православия. Протоиерей Владивостокской епархии Виктор Жильцов заявил протест опасному строительству.

Варвара понимала, что мнение представителя церкви, скорее всего, согласовано с высшим духовным руководством. Мнение церкви на сегодняшний день имело большой вес. Она надеялась, что заявление святых отцов вызвано реальной тревогой и беспокойством за свою паству.

Публичное выступление Виктора Жильцова вдохновило Варвару выразить и своё мнение. Значит, она не одна в этом мире, кого атомный утилизатор волнует с точки зрения его опасной близости к людям.

Она совсем недавно побывала в Новогорном, в посёлке энергетиков, которые снабжали теплом и электроэнергией «Кыштымский ядерный утилизатор». Из этого красивейшего уральского посёлка её семье пришлось «делать ноги».

Вспомнилась Чернобыльская АЭС. Хотелось напомнить людям о трагедиях, совсем недавно потрясших весь мир. В памяти возникло стихотворение «Чужие ошибки». Варя написала большую статью. Потом слегка отжала «воду», то, что ей показалось не таким уж важным для сегодняшнего случая. Убрала коготки и отнесла статью в районную газету.

Как ни странно, в рубрике «Отзывы на публикацию» её статью поместили почти незамедлительно. И всё же, полный текст она сохранила

Ступени атомных трагедий...

Ну почему же память так устроена?
Мы в прошлое своё не обращаем взгляд.
И ничему не учит нас история,
И шишки-ссадины – чужие – не болят.

Неужели забыли? А ведь было время осознать и опомниться. Пишу только то, что знаю. Вспомните, люди, август 1945 года. Весь мир содрогнулся от атомной бомбардировки американской авиации городов Японии Хиросима и Нагасаки.

До сей поры тревожит сердца людей не только в Японии колокольный набат, напоминающий нам о погибших и заболевших. Я впервые тогда услышала о болезни, названной белокровием.

Сентябрь 1957 года. В энциклопедическом словаре написано: «Авария на ядерном комплексе в Кыштыме (Южный Урал). Широкомасштабное радиоактивное заражение территории».

Хотя, Кыштым – заштатный городок. Да, близко расположен и Челябинск совсем рядом. Вначале этот комплекс называли «Челябинск-40», позднее – «Утилизатор атомных отходов «Маяк».

В мае-июне 1958 года группа девчат-студенток Челябинского энергетического техникума, среди которых я тоже была, и группа юношей-механиков из Челябинского политехнического института проходили производственную практику на ТЭЦ, которая давала этому комплексу тепло и электроэнергию. По прямой ТЭЦ от ядерного «Маяка» в пяти километрах.

Посёлок пустой. Один из генераторов в ремонте. Студентов просят поработать. Молодёжь удивляется: такая красота кругом, а людей мало! Красивые, чистые леса, озеро-водохранилище. В лесах спелые ягоды. Для Урала, даже для Южного, очень рано. Оказывается, радиация в малых дозах способствует раннему созреванию ягод, грибов....

В марте 1961 года мы с мужем, молодожёны, приехали в этот прекрасный посёлок энергетиков работать.

Радуемся: жильё сразу, работа! Что ещё молодым для счастья нужно!? Но вот мои близнецы стали для меня индикатором тревоги. У них ночью шла кровь носом.

Почему ночью? Да из трубы ядерного утилизатора, которую было видно издали, именно ночью валил густой и, видимо, тяжелый дым. Он резко падал на выходе и растекался в сторону противоположную от посёлка. Роза Ветров была учтена, но и посёлку хватало.

Самопищащие приборы, установленные ядерщиками на Главном щите управления ТЭЦ, в это самое время размахивали пером до упора, а у моих сыновей шла носом кровь. Главврач, что жила на одной площадке с нами, на мой вопрос:

– Что делать?

Тихо ответила:

– Ноги делать. И чем быстрее, тем лучше, если мальчиков сохранить хочешь.

Спасибо ей огромное. Увезла я своих мужчин на Украину, туда «...где тепло, где яблоки растут».

Конец 70-х. Во всю идёт строительство Чернобыльской АЭС. Красивый посёлок. У Александра (мужа) болит голова. Ему хочется сменить обстановку, климат. Подвернулся обмен в Приморье. Криворожская и Приморская – станции типовые. Мы, не дождавшись вызова на Чернобыль, уехали в Приморье.

Мы ещё не догадывались о причине головной боли. Но это не только мои предположения. Голова у Сани была ушиблена в детстве, и Уральский атом нашёл в его организме слабое место. Умница, каких поискать, штангист, гиревик ушёл из жизни в пятьдесят лет от роду, в самый расцвет физических и духовных сил.

В конце апреля 1986 года я с группой туристов из Приморья была в Германии. Берлин. Фойе гостиницы. Мы ждём автобус в аэропорт, а там домой. Русские газеты. Читаю в «Известиях» маленькую заметку, что на Чернобыльской АЭС произошла авария.

Никто из моих Приморских товарищей не вздрогнул от этой вести. Я позднее поняла: они не сталкивались с атомными производствами. Далеко Чернобыль от Приморья. Да и я вскоре облегчённо вздохнула, посылая Ангелу-Хранителю слова благодарности, что отвёл от моей семьи страшную участь.

«Двадцать шестое апреля. Чернобыль...»
Ухнуло сердце в бездонную яму.
Может, в «Известиях» паника, небыль?
Разум беду отвергаст упрямо.

Но вот новая беда. Ровно через четверть века после Чернобыля трагедия на Фукусиме-2. Я всегда относилась к японскому народу с уважением. Умеют трудиться, весь мир затмили новейшими технологиями. И вдруг такое.

Я даже подумать не могла, что после ядерной бомбардировки в 1945 году они построят АЭС. На неустойчивой тектонике, рядом с океаном, который время от времени посылает на их острова огромные волны, названные «Цунами».

Цунами возникает от океанских землетрясений. Значит дважды ненадёжно основание для строительства АЭС. У них мало природных энергоресурсов. Так думайте над альтернативной энергетикой. Ветров океанских хватает, солнышко обуздать можно.

А теперь вернёмся домой в Приморье, в Россию. Зачем Россия выкачивает и выгребает свои подземные кладовые? С нашими энергоресурсами можно обойтись без АЭС ещё не один век.

И ещё. Если наш ядерный комплекс будут строить, как все великие стройки Владивостока, то – туши свет. Там перепутали, там сэкономили, чтобы в кармане побольше осталось. Мы это уже проходили.

Главные устроители в один голос (сегодня и вчера) убеждают и соблазняют народ теми же аргументами: абсолютно надёжное, экологически чистое производство. И, как приманку – обслуживающий персонал будет иметь достойный заработок и, самое главное, современное жильё. Люди, настрадавшиеся в коммуналках и съёмных квартирах, будут стремиться попасть на работу любыми путями.

По ОТВ прошло интервью с одним из главных устроителей утилизатора атомных отходов. Для возведения ядерного комплекса (а это в самом густонаселённом районе Приморья) Япония и ещё ряд стран АТЭС дарят нам комплектующие составные.

На вопрос, не повезут ли эти страны к нам свои атомные отходы, представитель будущего комплекса криво улыбнулся и не очень уверенно ответил, что это только братская помощь и ничего другого.

Хочется усомниться и возразить. А не попросят ли и они, в качестве братской помощи, помочь им с их проблемами. В Японии после аварии на АЭС проблем – выше крыши. Россия матушка огромная, всем места хватит. На мои причитания у высшего руководства найдутся неопровергимые аргументы, что надо очистить Приморье от атомного мусора, которое и сливали в море и так бросали ещё в советские времена.

Я думаю, что к моменту пуска ядерного комплекса, если не все, то многие чиновники высшего ранга пойдут на повышение и жить будут в центральной России. Хотя и там не всё хорошо.

Июнь 1988 года. Научный комплекс Арзамас-атом тоже претерпел аварийную ситуацию. А это самый центр европейской части России. Отток населения из Приморского края уже сейчас беспокоит многих руководителей. А теперь, всякий здравомыслящий человек будет серьёзно думать: «А куда бы и мне «сделать ноги»?» Можно многое ещё сказать. На родине моего мужа, рядом с тихим городком, затерявшимся в лесо-степных хлебородных, сенокосных просторах Южного Урала, уже строят утилизатор химических отходов.

Вся цивилизованная Европа (я понимаю – у них нет места) скинулась на строительство завода и красивого, современного городка для obsługi и охраны. Аргументы те же: безопасное, экологически чистое производство. И, как конфетка малышу: а рабочие-то места, а жизнь-то на современном уровне. Но если (не приведи Господи!), то... Страшно подумать.

Люди! Россия, конечно, огромная страна. Но это наша с вами Родина-Мать, которую мы, её дети, веками отстаивали и защищали. А теперь сами грабим и разоряем её, как ненавистную мачеху. Мой стих:

Приморский край – России край у моря.

Природы уникальный уголок.

Свидетель тех, кто в радости и в горе,

Дары твои несметные сберёг.

И в укоризну, с предостереженьем

К Временщикам, чьё сердце не болит:

– Природа не потерпит униженья

И наказать виновных повелит.

А кто виновен? Те, кто грёб и грабил?
Иль кто молчал, сжимая кулаки?
А может, те, кто власть за мзду ослабил:
– Жизнь коротка – хватай и волоки!
Но кто б виновен ни был – все в ответе:
Кто допустил, кто грёб, кто разрешал.
Приморский край – другого нет на свете –
В ловушку зверя! Чтоб не разрушал.

Когда писала про утилизатор химических отходов рядом с городком Щучье, вспомнила соседку по автобусу и писала почти её словами. Никто так искренне не озабочен проблемами, как те, кому придётся жить по соседству с затаившимся злом. Это как Дамоклов меч, готовый в любой миг разрубить живое тело.

Неужели человек никогда не научится жить в мире с самим собой? Неужели прогресс всегда будет входить в противоречие: созидать и разрушать? Это ли не испытание для человека разумного? А разумен ли он? Может, только амбициозен и беззастенчив в желаниях своих?

Украина моя, Украина

От атомных проблем Варвару отвлекли события на Украине. Она вспомнила разговор с Лидой Лосинской в больнице. Впервые услышала Варя тогда, что есть западные и восточные украинцы. Бабуля, что занимала больничную койку по соседству с Варей, шипела вслед женщине, лежавшей с ней по другую сторону:

– Западэнка, бандэрэвка.
Варя удивилась, спросила:
– А щё цэ такэ?

Бабуля пояснила:

— Чи ты нэ чуешь, що вона «алэкае»?

Сообразив, что перед ней кацапочка, объяснила:

— Алэ, цэ но. Так кажутъ тилько там, на западе.

То есть, только по речевым особенностям, человек становился или восточным, или западным, а значит, врагом. Варя, обращаясь к Лиде, недоумевала:

— Но ведь женщина такая улыбчивая, приветливая.

— Бабуля знает, что она приветливая здесь. А там, скажем, во Львове, она ей улыбаться не будет.

Лида задумалась на миг:

— Не дай Бог, если Украина получит самостийность, она может расколоться на Западную и Восточную.

К Варе восточные украинцы относились как к своей. Слово «кацапочка» произносили с улыбкой, ласково. Она вскоре забыла разговор в больнице. И через двадцать с лишним лет самостийности, словно взрыв чудовищной силы. Варя и подумать не могла о таком повороте событий.

И ёщё. В начале пятидесятых Варя, тогда ёщё пятиклассница, приехала в Приморье. Жить пришлось в селе переселенцев с Украины. Она помнила разговор с водителем, что вёз их в Богдановку. Она спросила:

— Ой, а почему изба белая? Зачем её побелили?

Водитель улыбнулся и, не без гордости, объяснил малышке суть дела:

— Цэ хата, дочки. Приморье — цэ друга Украина.

В школе Варька быстро усвоила диалект, на котором говорили все школьники, её друзья и подруги.

Александра Григорьевна Харько, учительница русского языка и литературы, негодовала:

— Ты-то, девочка с Урала, зачем цоб-цобэкаешь? Это они с рождения слышат родительскую речь.

Потом провела урок-сравнение. Она читала на чистом украинском языке стихи Тараса Шевченко и на русском Александра Пушкина. Говорила-плакала:

– Послушайте, как красивы и напевны стихи двух великих поэтов. Зачем смешивать два братских языка? Да, украинец и русский, может, не с первого слова, но поймут друг друга. Не поймут, так догадаются. Но это два разных языка! Поймёте ли вы это когда-нибудь?

Но о разногласиях среди украинского народа официально никогда не говорилось. В конце восьмидесятых или в начале девяностых, разговор в больнице вспомнился. По телевидению показали, как рабочие из Нижнего Тагила увозили из Львова памятник своему земляку, Герою Советского Союза, разведчику Николаю Кузнецovу. Вокруг памятника бесновались хлопцы с оселедцами на головах. Пожилой, видимо воевавший мужичок, слёзно обращался к ним:

– Хлопцы, що ж вы робытэ? Ведь вин жэ кровь свою пролывав за вас!

– Лучше б вин ии нэ пролывав!

И этот эпизод вскоре забылся. Самостийная Украина слишком далеко от Приморья. Летом восемьдесят девятого Варя последний раз побывала в Крыму у свекрови. Всё было тихо и пристойно. Раздел огромной страны, если и намечался, то только в верхах.

В памяти встала картинка из середины шестидесятых. Она искала место, куда увезти сыновей из посёлка энергетиков, что соседствовал с атомным утилизатором «Челябинск-40». Крым оказался не прописным. Специалистов катастрофически не хватало.

В Крымэнерго ей посоветовали добиться встречи с Петром Степановичем Непорожним, министром энер-

гетики СССР. Озабоченный нехваткой кадров, начальник сетевого хозяйства обещал Варе:

— Если добьёшься разрешения на прописку, любую подстанцию на выбор дам.

Лето. Прежде, чем отравиться в Москву, хотелось искупаться в Чёрном море. Из Симферополя до Ялты ходил троллейбус. Варя всегда считала, что это сугубо городской транспорт. А тут: Симферополь-Ялта.

В троллейбусе к ней подсела женщина-латышка. Узнала, что Варе хочется несколько дней побывать на побережье, искупаться, отдохнуть, обрадовалась:

— Вот и хорошо. Давай вместе будем. Меня Яной зовут. Я латышка, но живу в Ленинграде. Моя напарница, с которой мы всегда вместе ездили на Чёрное море, заболела. В Ариадне мы всегда останавливались у хороших люди.

На Варин вопросительный взгляд добавила:

— Ариадна рядом с Ялтой. Курорт «Золотой пляж».

Хозяин, приютивший женщин, охранял вход на территорию правительенного курорта. Он пропускал их и шутливо грозил пальцем. Ходить «дикарям» можно было только по узким тропинкам, минуя аллеи, по которым прогуливались знатные курортники.

Через пару дней небо заволокло тучами, ветер поднял волну. Латышка охнула, но на берег пошла:

— Хоть морским воздухом подышу.

Варвара недоумевала:

— Как раз хорошо. Солнышка нет, не сгоришь.

— А вот и сгоришь, даже не заметишь. Тучи задерживают ультрафиолетовые лучи и пропускают ультракрасные, которые и сжигают кожу.

Но на берегу в тот день, видимо, собрались как раз те, кто в этих ультра-лучах ничего не понимал. Лা-

тышка пыталась вразумить не только Варвару. Она говорила с очень белокожим мужчиной-латышом на его языке, но тот только смеялся и махал руками. Там же бегал ещё один юноша-мужчина. Он кричал:

— Барнаульским всё нипочём!

Было интересно видеть, как обнажалось морское дно, когда волна отступала. Но, когда она возвращалась, никто не успевал удрать от сокрушающего водяного вала. Падали, сдирали коленки, орали, хохотали. Вода на гребне волны искрилась разноцветнымиискрами. Было жутко и весело. Бесшабашная молодость будоражила кровь. Для Вари всё было впервые. Она и море-то видела впервые.

Кожа, конечно, сгорела, но, как ни странно, не пошла волдырями и не облезла. Яна говорила, что это из-за солёной морской воды. Через пару дней, когда боль приутихла, Варя, охая и причитая, уехала в Севастополь, а оттуда в Москву. Яна жалела, что лишилась напарницы.

В конце февраля, начале марта четырнадцатого года, когда на Украине разгорелись страсти, Варя вдруг вспомнила этот эпизод из своей жизни и написала небольшое стихотворение.

Я давно не была на морском берегу,
Не дышала солёной и солнечной влагой.
В своём памятном сердце, в душе берегу,
Как дразнили волну с бесшабашной отвагой.

Уходила волна, мы бежали за ней
По песчаному дну, отступившего моря.
Возвращалась вода многоцветьем огней.
Подчинялись огромному валу, не споря.

А дразнили волну белокожий латыш,
Сибиряк Барнаульский, девчонка с Урала.

По песку ковылял пятилетний малыш,
С интересом глазел, как толпа «загорала».

Ариадна и Ялта, и пляж золотой –
Всесоюзная здравница – Крым – за границей.
Где сегодня латыш, Сибиряк молодой,
И девчонке с Урала Крым изредка снится.

В её памяти все, кто был тогда на пляже, так и остались молодыми. Да, Крым вернулся в состав России. И это законно. Только вряд ли смирятся с этим те, кто снова напоминает миру о фашизме и национализме, самом отвратительном явлении в мире человеческом. Снова кому-то хочется быть выше других.

Варя вспомнила своих девчат из банио-прачечного комбината, электриков ЖКО, с которыми довелось работать. Ведь жили же все вместе. Ездил отдыхать на тёплое Чёрное море и народ из Прибалтики. Все чувствовали себя вполне, как дома. Она дописала стихотворение ещё четырьмя строчками.

Мне не здравницу жаль – украинский народ.
Вновь политика злобы страну раздирает.
Но фашизму дадут от ворот поворот.
Ведь Надежда последней всегда умирает.

Варвара смотрела телевизионные сообщения о делах на Украине и обращалась к силам небесным:

– Господи, спаси, сохрани и помилуй людей простых, добрых и беззащитных. Вразуми тех, кто не видит перед собой ничего, кроме денег и власти. Не допусти кровопролития, не оставь детей сиротами. Ведь и время-то, вроде, мирное. А может, мирного времени никогда и не было? Всегда где-то зло взрывается пожарами и смертями. Не успев затихнуть в одном месте, уже грозит бедой в другом ...

В ней плакало женское и материнское сердце, страдающее за всех живущих на Земле вовеки веков. Это она, женщина, с любовью и в муках рожает детей своих, как продолжение рода человеческого.

Март 2014 год.

Зоя Шадрина

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. От автора	3
2. Долгие размышления	5
3. Наваждение	8
4. Поговори со мной.....	13
5. Коробок спичек	16
6. Старая гвардия.....	20
7. Ямщик.....	25
8. Что согревает наши души.....	32
9. Красная, Советская, Российская	38
10. Переворачивая страницы.....	42
11. Школьные проблемы	48
12. Казначейство.....	54
13. Проблемы государственные.....	57
14. И опять вопросы.....	66
15. И снова в путь.....	71
16. Исповедь Марии	76
17. Темы для размышлений.....	84
18. Гулёна	95
19. Наш отчий дом	101
20. Антоша	105
21. Валентина и Кирилл.....	107
22. Младшие Поликарповы	114
23. Друзья Валентины и Кирилла	121
24. Друзья-товарищи.....	125
25. Антошкина любовь	129
26. Наташа	133
27. Немного о Барсуковых	138
28. Челябинск.....	143
29. «Кировка»	147
30. Синицыны	153
31. Утилизатор химических отходов.....	154

32. Песчанка.....	156
33. Галкино.....	159
34. Красноуфимск.....	170
35. Сретинск.....	176
36. Утихнет ветер	182
37. Новогорный	186
38. Деревья стали большими.....	191
39. На даче у Дубровских	196
40. Домой, в Приморье	199
41. «Мир книг»	202
42. На дороге перекрёстной	209
43. «Материнское поле»	212
44. Спешите говорить	214
45. Литературный конкурс	218
46. Опять забытая история	221
47. Украина моя.....	228

Зоя Шадрина

Возвращение Варвары

Отпечатано в ООО «Хабаровское предприятие
Центр упаковки и печати»
680000, Хабаровск, ул. Комсомольская, 43
Печать оперативная.
Оригинал-Макет предоставлен автором.
Заказ № 302, Тираж: 200 экз.

